

ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Иван Егорович Веретёлка.

РЯДОМ С

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2330)

26 ФЕВРАЛЯ 1972

Штаб стройки на «поле боя».

И растут корпуса...

САПЕРАМИ

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

БЕЛОРУССИЯ

«НА МНОГОЛЕТНЕМ ЖИЗНЕННОМ ОПЫТЕ ВСЕ НАРОДЫ СТРАНЫ УБЕДИЛИСЬ, КАКИЕ БОГАТЫЕ ПЛОДЫ ДАЕТ СПЛОЧЕНИЕ ИХ В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, КАКИЕ ШИРОЧАЙШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОНО ОТКРЫВАЕТ В БУДУЩЕМ».

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик».

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Фото А. БОЧИНИНА.

Центральный Комитет КПСС одобрил инициативу коллективов строительных организаций и предприятий Ленинградской, Новгородской, Донецкой и Витебской областей досрочно выполнить план капитального строительства и задания по вводу в действие мощностей по всем стройкам легкой, пищевой, мясной и молочной промышленности.

Строителей и обычно-то условия не балуют. А тут будто все специально навалилось — мороз, прокаленный стужей грунт, да еще и опасность.

— Экскаваторщик копал траншею — наткнулся на неразорвавшийся снаряд. Потом рядом еще снаряды нашли да несколько мин. А ждать некогда. Вот и работали наши строители рядом с саперами...— рассказывает мне Леонид Викторович Пржевальский, сам бывший сапер, фронтовик, а теперь бригадир комплексной бригады бетонщиков и плотников, рассказывает не для того, чтобы пожаловаться на трудности, а просто хочет показать, что за народ в СУ-38 и почему тут берут на себя ответственные задания и самые высокие обязательства.

Если бы строительным управлениям присваивались звания гвардейских, СУ-38 9-го Витебского строительного треста могло бы претендовать на него — и за то, что в сорок четвертом его мастера на пепелищах возводили новый Витебск, и за то, что шли на самые ответственные объекты, и, конечно, за свою сплоченность, за крепкий, надежный коллектив — добрая половина строителей работает здесь десять и более лет, это при обычной-то в строительных организациях текучести кадров.

И не удивительно, что этот коллектив оказался в числе тех, кто выступил с инициативой досрочно сдать предприятия легкой, пищевой и мясо-молочной промышленности.

Бригадир Пржевальский со своей бригадой закладывал первый кубометр бетона в фундамент будущего Витебского мясокомбината.

Сейчас они постоянно перевыполняют задания. В обязательствах у них записано: сдать комбинат на месяц раньше намеченного планом срока.

Пржевальский, пожалуй, одна из самых ярких личностей на стройке.

Прослышал он как-то о рационализаторах на стройке Новополоцка, выбрал время, съездил, а вернувшись, рассказал в управлении про щитовую опалубку, что там придумали: изготовил детали — собирай да разбирай. И экономно и быстро. Детали заказали в тот же день...

Пржевальский взялся внедрять металлическую опалубку для «стаканчиков» — гнезд под колонны. Прежде всегда пользовались деревянной, но она служила обычно один раз, а металлической хватит хоть на сто лет. Вместе со специалистами придумал приспособление, которое вкупе с электропрогреванием бетона повысило производительность труда более чем вдвое.

Весь наружный фундамент, что заложен под корпуса комбината,— дело рук бригады Пржевальского. Огромная работа, и выполнена она «без единой помарочки».

— Так уж у нас заведено,— не без гордости заявляет Леонид Викторович,— все делать капитально. Народ в бригаде отличный!

Вот, скажем, Иван Егорович Верётлка. Недавно его наградили орденом Октябрьской Революции. Когда получал, надел другие ордена — два Отечественной войны, два Красной Звезды, медали. Бывший командир минометной роты стал первоклассным строителем. С Владимиром Зайцевым, с Колей Горовым, Василием Бирмановым Иван Егорович тон в бригаде задает. Во всем.

...Ритм стройки. Он складывается из очень многих элементов, не последний из которых — совмещенный график, позволяющий одновременно вести и стройку и монтаж. Но тут нужна помощь Министерства мясной и молочной промышленности БССР. Оно должно обеспечить ускоренную поставку оборудования, материалов. От этого будут зависеть сроки пуска комбината. Ведь в середине нынешнего года комбинат должен быть в строю. И ждет его не только Витебск, но и вся наша страна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 53 (19561) Вторник, 22 февраля 1972 г. Цена 3 коп.

Многонациональный советский народ встречает 50-летие образования СССР могучим, монолитно сплоченным, уверенно и целеустремленно идущим под руководством Коммунистической партии вперед, по пути, намеченному ее Программой, XXIV съездом КПСС.

(Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О ПОДГОТОВКЕ К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ОРДЕН ЛЕНИНА ЖАКУ ДЮКЛО

18 февраля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил в Кремле орден Ленина Жаку Дюкло.

— Советские люди,— сказал товарищ Н. В. Подгорный,— хорошо знают Вас как большого друга нашей страны. Принимая решение о награждении Вас орденом Ленина, отмечая этим Ваши личные заслуги, мы хотели также еще раз подчеркнуть глубокое уважение советского народа к братской Французской коммунистической партии, с которой вот уже более полувека боремся вместе за светлые идеалы коммунизма на нашей планете.

Мы глубоко уверены, что дружба и сотрудничество между Советским Союзом и Францией, важным вкладом в развитие которой явилась поездка Генерального секретаря ЦК нашей партии Л. И. Брежнева во Францию в октябре прошлого года, имеет важное значение не только для укрепления мира в Европе, но и во всем мире.

Жак Дюкло сердечно поблагодарил Коммунистическую партию Советского Союза и Советское государство за высокую награду.

На снимке: Н. В. Подгорный поздравляет Жака Дюкло с высокой наградой.

Фото А. Устинова.

«МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ НАРОД ВСТРЕЧАЕТ 50-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР МОГУЧИМ, МОНОЛИТНО СПЛОЧЕННЫМ, УВЕРЕННО И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННО ИДУЩИМ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВПЕРЕД, ПО ПУТИ, НАМЕЧЕННОМУ ЕЕ ПРОГРАММОЙ, XXIV СЪЕЗДОМ КПСС. ВЫРАБОТАННЫЕ СЪЕЗДОМ ГРАНДИОЗНЫЕ ПЛАНЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ОТКРЫВАЮТ ШИРОКИЙ ПРОСТОР ДЛЯ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ НАШЕЙ СТРАНЫ.

ИДЯ НАВСТРЕЧУ СЛАВНОМУ ЮБИЛЕЮ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС ВНОВЬ ПОДТВЕРЖДАЕТ ТВЕРДУЮ РЕШИМОСТЬ ПАРТИИ, ВЫРАЖЕННУЮ ЕЕ XXIV СЪЕЗДОМ, И ВПРЕДЬ НЕУКЛОННО ПРОВОДИТЬ ЛЕНИНСКИЙ КУРС НА ВСЕМЕРНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, ДЕЛАТЬ ВСЁ НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СВЯЗИ МЕЖДУ НАРОДАМИ НАШЕЙ СТРАНЫ СТАНОВИЛИСЬ ТЕСНЕЕ И ГЛУБЖЕ, ЧТОБЫ ЕЩЕ ПРОЧНЕЕ БЫЛО ИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО».

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик».

ЕВРОПА: НАДЕЖДЫ И ТРУДНОСТИ

Николай ПОЛЯНОВ

Осторожность — мать посудного шкафа. Об этой формуле, за которой любит прятаться пассивность, неизменно вспоминают так называемые «атлантисты», едва речь заходит о поисках путей к европейской безопасности. Генеральный секретарь НАТО голландец Йозеф Лунс, сменивший недавно на этом посту итальянца Манлио Брозио, готов даже пойти чуточку дальше: он призывает не просто к осторожности в общеевропейском разговоре, а прямо-таки к отказу от него. Отправившись недавно в Вашингтон, чтобы представиться там в новой роли, он объявил, к полному удовольствию американских собеседников: «Я очень пессимистически отношусь к перспективам созыва европейского совещания государств в этом году».

Пессимизм? Применительно к мирному будущему Европы пессимизм Лунса оборачивается его второй профессией. Он, видите ли, не хочет, чтобы европейские государства сели за круглый стол и обсудили волнующие их проблемы. Он не без основания опасается, что это поставит под сомнение все то, что столь дорого НАТО. В том числе гонку вооружений, милитаристские упражнения и раздутые военные бюджеты партнеров Вашингтона. А ведь лишь недавно западных европейцев вновь заставили глубоко залезть в собственные карманы и раскошелиться на содержание военного альянса, которому, в сущности, давно пора в отставку.

Вот почему Лунс и спешит набросить тень на идею общеевропейской безопасности. «Советы понимают под мирным сосуществованием нечто другое, чем мы»,— мрачно изрекает он. И тут же, не дав передохнуть удивленной публике, развязно утверждает, будто «предложения социалистических стран (имеются в виду документы недавнего пражского совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.— **Н. П.**) касаются почти всего (!), за исключением самой важной проблемы — безопасности».

Что сказать по поводу подобных тирад? Если в годы «холодной войны» кое-кому удавалось сервировать западной публике явную чепуху и притом надеяться, что она ее проглотит, то эти времена давно уже прошли. Ныне натовские деятели уже не способны скрыть от общественности Запада внешнеполитические шаги социалистических государств, в том числе и результаты недавней пражской встречи. Ныне эти шаги находятся в центре внимания и тех западных столиц, которые входят в любезный сердцу г-на Лунса Атлантический блок. Последнее обстоятельство и вызывает повышенную раздражительность как по ту сторону Атлантики, так и в кругах европейских противников разрядки. Недаром отражающая их настроения гамбургская газета «Ди вельт» корит правительство федерального канцлера Брандта как раз за то, что оно, видите ли, «за короткий срок трижды посвятило благожелательные слова пражской декларации социалистических стран».

Ни велеречивый Лунс, ни другие его собратья по атлантической штаб-квартире не способны преградить путь дипломатическим инициативам социалистического содружества. Добрая сила этих инициатив ломает предубеждения, помогает западным политикам сбросить обледеневшие шоры «холодной войны» и стать лицом к лицу с реальностями семидесятых годов. Все больше тают надежды тех, кто хотел бы сделать обратимыми позитивные перемены, происшедшие за последние годы на европейском континенте, и все более крепнут надежды тех, кто искренне стремится к превращению Европы из континента конфликтов в континент мира и безопасности.

Да, «атлантистам» ныне все труднее рассчитывать на аплодисменты Европы, когда они сеют пессимизм в отношении общеевропейского совещания. Слишком глубокие корни пустила идея такого совещания и на континенте и за его пределами. Слишком властно стремление миллионов людей покончить с военным противостоянием, разрезавшим континент на две части и проложившим глубокий ров между государствами. Слишком обнадеживающи возможности мирного общеевропейского сотрудничества, ибо при нынешнем соотношении мировых сил у Европы нет иной разумной альтернативы, кроме мира.

Но все это не значит, что европейская безопасность наступит сама собой, автоматически. Нет, за нее надо бороться. И после пражской встречи социалистических стран, встречи, которая аккумулировала многолетний опыт государств — участников Варшавского Договора в области утверждения принципов мирного сосуществования и учла конструктивные реалистические элементы, возникшие в политике ряда западноевропейских стран, горизонты этой борьбы стали еще шире. Недаром министр иностранных дел Франции Морис Шуман, прочитав в Лилле лекцию о внешней политике своей страны, заметил, что большой общеевропейский форум должен состояться до конца нынешнего года, что никто не оспаривает его важности, никто не возражает и против того, чтобы в нем приняли участие Соединенные Штаты и Канада.

Как-то видный финский государственный деятель Лескинен, побывав в небоскребе ООН на нью-йоркском Ист-Ривере, заметил, что никто из тридцати европейских министров иностранных дел, с которыми он там беседовал, не высказывал сомнения относительно целесообразности общеевропейского совещания. Хорошее предзнаменование для всех, кто верит в мирное будущее европейского континента! Не самое ли время задуматься о нем и некоторым «атлантистам»? Наверное, это в данном случае больше отвечало бы известной формуле осторожности, на которую они порой не прочь сослаться.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ФЕВРАЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Зденек ГОРЖЕНИ,
заместитель главного редактора газеты «Руде право»

Мы снова отмечаем известные февральские события 1948 года, которые окончательно решили вопрос о победе социализма над капитализмом в Чехословакии. Мы связываем эти события с именем Клемента Готвальда, тогдашнего главы правительства и Председателя Коммунистической партии Чехословакии.

Это не круглая дата, она даже не включена в список праздничных дней. 24 февраля, в день кульминации событий 1948 года, люди пойдут на работу, как и в любой другой обычный день. И все-таки мы празднуем эту годовщину.

Снова заполнится пражанами Староместская площадь. Именно здесь 24 года назад Клемент Готвальд объявил, что отставки реакционных министров приняты, образовано новое, народное правительство.

По Праге снова пройдут отряды народной милиции — вооруженный кулак чехословацкого рабочего класса, особая революционная армия, рожденная именно тогда, в февральские дни 1948 года. В советской печати это название всегда точно переводится на русский язык. Народная милиция — это рабочая стража, отряды, сформированные на заводах и фабриках из классово преданных людей, которые в свободное время проходят боевую и политическую подготовку.

В феврале 1948 года само существование народной милиции вызывало ужас у реакционных буржуазных элементов, которые хотели насильственным путем изменить ход политического развития. Рабочий класс не допустил этого. Реакция капитулировала.

Не удивительно, что народная милиция еще долго после Февраля была костью в горле для многих «бывших». Остатки сил реакции не отказались от своих старых планов отомстить за поражение, которое они потерпели от народной милиции, и не могут ей этого простить. Весной 1968 года на собраниях и в печати стали раздаваться голоса: зачем еще нужна народная милиция, зачем, мол, рабочему классу его вооруженный кулак, когда классовая борьба закончилась, и т. д.

В августовские дни 1968 года на одной из главных улиц Праги я видел, как деятели из «Клуба-231» или «КАН» просили прохожих подписаться под требованием о ликвидации народной милиции. Враги знали ее силу и хорошо понимали, что с ней, если бы произошло открытое столкновение, шутки плохи. В момент, когда контрреволюционные силы все настойчивее развивали свое наступление, именно народная милиция обращалась в письме к своим союзникам и братьям в Советском Союзе.

Враг хорошо знал и цену традиций Февраля. Не случайно в тревожные дни 1968 года появилось выражение «антифевраль» как проявление стремления зачеркнуть исторические результаты событий февраля 1948 года.

Все это, конечно, уже в прошлом, и я прошу читателя простить меня за воспоминания. Но жизнь показала, что уроки истории мы должны хорошо помнить.

Мы не смеем забывать 1968 год, тем более 1948-й. Поэтому мы каждый раз возвращаемся к Февралю как к источнику добрых традиций и надежд, к источнику силы.

Двадцать четвертую годовщину февральских событий мы отмечаем сегодня, в общем, уже в иной атмосфере — в атмосфере спокойствия, уверенности, целенаправленной работы. Мы отмечаем эту годовщину несколько месяцев спустя после всеобщих выборов, которые прошли у нас в ноябре 1971 года. Выборы удивили многих скептиков единодушием, с каким люди шли к избирательным урнам. Граждане Чехословакии решительно сторонились отщепенцев, которые бойкотировали выборы или вычеркивали из бюллетеней имена кандидатов, демонстрируя свою враждебность к социалистическому строю, нашей социалистической ориентации. Эти силы оказались изолированными и были политически разгромлены. Их судьбу теперь оплакивают антикоммунисты за рубежом. Таким образом, выборы закончились победой всех тех, кто в период кризиса остался верен социализму, кто сумел ликвидировать хаос, добиться всеобщей консолидации в стране и повести Чехословакию к новому расцвету.

Это был буквально триумф политики партии, триумф интернациональной солидарности, которую проявили наши друзья в трудные для Чехословакии дни.

После ноябрьских выборов приступили к работе значительно обновленные органы народной власти в деревнях, городах, районах, областях. И очень отрадно, что среди двухсот тысяч вновь избранных депутатов много молодежи — вдвое больше, чем раньше. Это убедительно опровергает тех, кто говорил о потерянном якобы молодом поколении, о том, что новое руководство может будто бы опираться только на кадры самого старшего поколения...

Люди засучили рукава. В газетах, на собраниях все больше говорится о завтрашнем дне, о планах и перспективах. Мы не должны забывать вчерашний день, но решающим является взгляд вперед. Вот что сегодня объединяет наше общество.

В этом году у нас запланировано провести ряд съездов: союза молодежи, профсоюзов, сельскохозяйственных работников и другие. Предстоит обсудить, как каждая из этих организаций решает задачи, поставленные на последнем съезде нашей партии.

Недавно в Праге пленум ЦК партии рассматривал вопросы дальнейшего хозяйственного развития страны. Центральный комитет обращает внимание всех членов общества на то, что задачи экономики — дело, касающееся каждого. Партия придает сейчас очень большое значение экономике. Потому что, только правильно решая проблемы экономики, строители социалистической Чехословакии смогут добиться новых успехов и с честью пронести эстафету, переданную им Февралем сорок восьмого. Февралем с большой буквы.

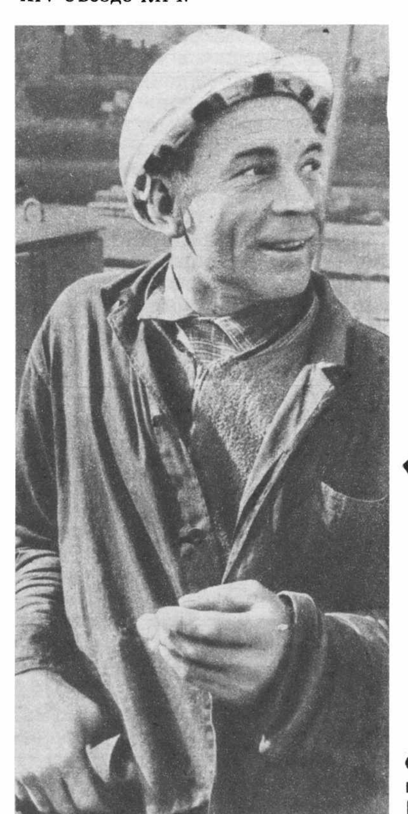
Прага (февраль).

«Ведущей силой в развитии нашего социалистического общества есть и будет сильный и развитый рабочий класс».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПЧ Густава Гусака на XIV съезде КПЧ.

Встреча шахтеров с Генеральным секретарем ЦК КПЧ Густавом Гусаком.

Пражский метростроевец.

Строитель газопровода.

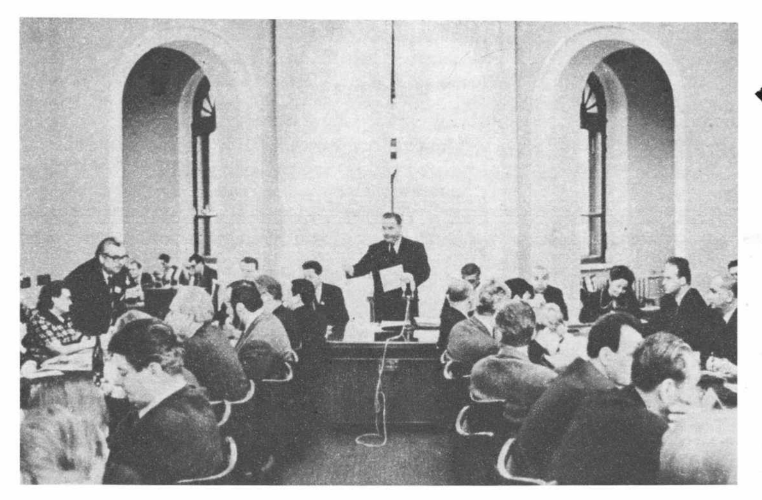
Снимки чехословацких фоторепортеров В. Ирзы, О. Гурки, В. Ламера.

Н. ПАСТУХОВ

Фото ТАСС, Д. Ухтомского и ЮПИ.

Бурно живет наша планета. Каждый день приносит сообщения о событиях радостных и печальных. Первые вселяют оптимизм, веру в укрепление мира и дела всеобщего прогресса, вторые будят чувства протеста, укрепляют солидарность людей всех континентов, полных решимости положить конец несправедливости, агрессии, социальному и расовому неравенству.

В Москве, в Доме дружбы, состоялся международный симпозиум «Проблемы экономического и научно-технического сотрудничества в Европе». В его работе принимали участие представители более 20 стран. Участники симпозиума с удовлетворением отметили, что общественность европейских стран активно поддерживает созыв в самое ближайшее время общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества на государственном уровне, и с интересом отнеслись к идее проведения в Брюсселе 2—5 июня ассамблеи общественных сил за европейскую безопасность и сотрудничество.

Национальные интересы кипрского народа, интересы международной безопасности требуют немедленного прекращения империалистического вмешательства в дела Республики Кипр. В городах и селах этой страны проходят массовые митинги и демонстрации в поддержку правительства Макариоса, в защиту свободы, независимости, территориальной целостности и внешнеполитического курса нейтралитета и неприсоединения страны. Демократы несут лозунги с призывом дать решительный отпор враждебным проискам внутренней и внешней реакции, вмешательству Афин во внутренние дела Кипра. На снимке президент Республики Кипр Макариос среди демонстрантов, выражающих ему свою поддержку.

Недавно в Калькутте состоялась дружеская встреча премьер-министра Индии Индиры Ганди с главой правительства Народной Республики Бангладеш Муджибуром Рахманом. Обе страны выразили решимость сотрудничать во имя мира и созидания. Муджибур Рахман в обращении к народу заявил: «Наша цель — полная мобилизация ресурсов страны — людских и материальных — для войны с нищетой и бедностью, голодом и бездомностью, болезнями и неграмотностью». Глава правительства Бангладеш призвал рабочих и крестьян — участников национально-освободительного движения быть в авангарде борьбы за мир, демократию и социальный прогресс молодой республики.

Города Северной Ирландии превращены британскими войсками в поле боя. Не случайно эту окровавленную землю все чаще и чаще называют «европейским Вьетнамом» — те же методы, та же грязная война.

Депутат палаты общин английского парламента от Северной Ирландии Бернадетта Девлин наблюдает из окна массовый марш участников движения за гражданские права в Ньюри (Ольстер). «Кровавое воскресенье в Дерри превращает проблему кризиса в Северной Ирландии в международную проблему»,—делает вывод брюссельская газета «Либр Бельжик».

Меры чилийского правительства, направленные на экспроприацию у помещиков латифундий — крупных земельных владений, превышающих 80 гектаров, и распределение их среди безземельного и малоземельного крестьянства, встречают горячее одобрение трудящихся страны. Мелкие и средние крестьянские хозяйства получают техническую и финансовую помощь со стороны правительства, чтобы работать в лучших условиях и повышать сельскохозяйственное производство. Вы видите на снимке момент одного из митингов чилийских крестьян в поддержку действий правительства о национализации земли. На плакате написано: «Земля не продается!»

В Париже состоялась многотысячная демонстрация солидарности с героическими народами Индокитая, борющимися против американской агрессии. Фотообъектив запечатлел тот момент, когда демонстранты проходили по улицам Парижа. Над колоннами полотнища с лозунгами: «Прекратить бомбардировки!», «Вывести американские войска из Индокитая!», «Солидарность с народами Вьетнама, Лаоса, Камбоджи!».

Национальная забастовка английских угольщиков успешно завершается. Управление угольной промышленности и стоящее за ним правительство тори вынуждены отступить. Продолжавшаяся шесть недель забастовка 300 тысяч шахтеров ознаменовалась крупной победой английского рабочего класса. Во время стачки происходили серьезные столкновения рабочих с полицией, один из моментов которых вы видите на этом снимке.

«ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ, СОЗИДАЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, ТРУДЯТСЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ СВЫШЕ СТА НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ. И К КАКОЙ БЫ ИЗ НИХ НИ ПРИНАДЛЕЖАЛ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК, ОН ПРЕЖДЕ ВСЕГО ГОРДИТСЯ ТЕМ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ГРАЖДАНИНОМ ВЕЛИКОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК».

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик».

СТО ТЫСЯЧ АВТОРОВ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Заместитель Председателя Совета Министров УССР П. ТРОНЬКО

Множество населенных пунктов раскинулось на территории Советской Украины. И каждый город, древний или новый, поселок и село, даже часто отдельный дом, под крышей которого живут советские люди,— это частица истории народа, его неповторимое прошлое и волнующее настоящее. Перед нами светлые тома с золотым тиснением: «Киевская область», «Харьковская область», «Львовская область», «Полтавская область», «Закарпатская область»... Сколько же нужно вложить творческого труда, чтобы изучить и систематизировать огромное количество материала; сколько фактов и имен, порой давно ушедших в былое или полузабытых, нужно собрать, восстановить, чтобы, оттолкнувшись от них, связать все это воедино марксистско-ленинской научной мыслью и развернуть в панораму жизни целого государства от древнейших времен до наших дней!

Корреспонденты «Огонька» встретились с заместителем Председателя Совета Министров УССР, доктором исторических наук Петром Тимофеевичем Тронько, возглавляющим Главную редакционную коллегию «Истории городов и сел Украинской ССР», и попросили его ответить на несколько вопросов.

ВОПРОС. В последнее время на Западе некие «знатоки» Украины из лагеря буржуазных националистов вновь пытаются лить потоки мутной клеветы на трудовой народ, «представителями» которого они себя любят называть. Очередным поводом для подобных выпадов явилась «История городов и сел Украинской ССР». Что же так «разгневало» заокеанских и прочих фальсификаторов?

Ответ. Тут вот в чем дело. Наше многотомное издание — это история всех городов Украины, в республике их 386, и многих, около 1 500, крупнейших сел. Краткие справки посвящены истории более 10 тысяч сельских Советов и прилегающих к ним сел. Богатый фактический материал позволил авторским коллективам широко и фундаментально раскрыть некоторые аспекты исторических событий, показать классовую борьбу, размах революционного движения, участие трудящихся Украины в битвах за Советскую власть, в сражениях с гитлеровцами, единство действий украинского и русского народов на всех этапах отечественной истории. Этим еще раз нанесен удар идеологам буржуазного национализма, их абсурдным, лживым легендам о «едином потоке», «бесклассовости» и «безбуржуазности» украинской нации. С такими псевдонаучными, реакционными мифами давно носятся и одряхлевшие уже «вожди» украинского буржуазного национализма и нынешние их последователи, свившие себе гнезда на Западе.

Больше всего фальсификаторов раздражают развернутые в истории городов и сел яркие картины небывалых социалистических преобразований на украинской земле, убедительные факты осуществления ленинской национальной политики и дружбы советских народов. При этом в изданных уже томах, посвященных западным областям Украины, приводятся многие, ранее не публиковавшиеся, неопровержимые документы, разоблачающие предательство, кровавый авантюризм и прямое сотрудничество с гитлеровской кликой главарей ОУН, УПА и прочих, как у нас говорят, запроданцев, этих злейших врагов украинского народа, на черной совести которых тысячи загубленных жизней, сожженные села, виселицы и людские трагедии. Потому-то не по душе и пришлась господам националистам правдивая летопись наших городов и сел, народный характер ее подготовки. Одним словом, все это уже нам знакомо — очередной приступ антисоветизма у задеТых за живое отщепенцев.

ВОПРОС. Недавно вышедший из печати 17-й том «Истории городов и сел Украинской ССР» повествует о Винницкой области. Только в одной этой книге названо около 5 тысяч фамилий. За каждым именем — известные люди, увековеченные в истории делами, о которых и ведется рассказ. На страницах тома мы находим исторические экскурсы, описание важнейших событий, географические справки, огромный статистический материал, иллюстрации. Как Главная редакция и ее помощники в областях справляются с таким объемом работы? Как это выглядит практически?

Ответ. Когда в соответствии с постановлением ЦК КПУ мы только начинали вести подготовку к изданию многотомника, нам тоже порой казалось: справимся ли, по плечу ли такая задача? Ведь, насколько мне известно, мировая практика не знает подобных изданий. Правда, когда-то англичане писали историю своих графств. Как вы понимаете, наша цель была иной, и тут мы ничего существенного почерпнуть не могли.

История городов и сел республики создается под руководством Центрального Комитета Компартии Украины, который исходит из того, что за последние годы на Украине выросли крепкие кадры историков и сформировались вузовские центры, у нас появились интересные монографические исследования по истории, расширился выпуск краеведческой литературы, оживилась работа государственных архивов, в которых хранятся интереснейшие документы. Но самое главное, на что нас нацелил ЦК КПУ,— привлечение к трудоемкой творческой работе широкой общественности. Сам народ — творец истории и должен быть автором своей истории. Без его участия, без руководства ЦК КПУ, обкомов партии, местных партийных и советских организаций, силами только ученых, даже выдающихся, осуществить задуманное было бы, вероятно, невозможно, а если бы даже и удалось, то работа затянулась бы на долгие-долгие годы.

Мы преодолели немало трудностей — дело ведь новое — и прежде всего отрешились от устоявшихся академических методов, прибегнув к совершенно новой форме исследовательской работы в смысле самой ее организации. Мы широко использовали положительный опыт советской историографии, опыт подготовки

«Истории фабрик и заводов», которая создавалась по инициативе Максима Горького. Научно разработанная история целых областей пишется людьми самых разных профессий: рабочими, колхозниками, учителями, преподавателями вузов, ветеранами революционного движения, участниками Великой Отечественной войны, работниками партийного и советского аппарата, архивов, журналистами, краеведами. Их поисками и творчеством руководят в городах и районах комиссии, в областях — редколлегия тома, а в республике — Главная редколлегия, которая опирается в своей многогранной деятельности на Институт истории АН УССР. Любители истории и краеведения могут всегда получить необходимые научно-методические консультации, для них широко открыты двери архивов и библиотек. Серьезную помощь в подготовке издания оказывают министерства и ведомства, наши творческие союзы.

В Киев, в редакцию УРЕ (Українська Радянська Енциклопедія), осуществляющую издание многотомной истории, потоком идут письма. Вот одно из них: «Прошу сообщить, куда мне адресовать написанный мной материал об истории села Ново-Павловка. Из моего очерка, может быть, что-то можно внести в том о Херсонской области». Это пишет пенсионер А. И. Сикорский. С такими предложениями обращаются сотни людей. Они присылают воспоминания, записи рассказов очевидцев и участников событий, очерки, документы.

Вся творческая работа по созданию истории городов и сел ведется на общественных началах, всеми, кто включился в это благородное дело, движет чувство гражданского долга, любовь к истории родного края, к истории своего народа. По неполным данным, в подготовке, написании уже вышедших в свет томов приняли участие сто тысяч человек, проживающих не только на Украине, но и во всех уголках Советского Союза.

ВОПРОС. Редколлегия накапливает большое количество материалов, представляющих собой значительную историческую ценность. Все ли будет использовано?

Ответ. Чтобы использовать буквально все, пришлось бы издавать сотни томов. И тем не менее ни один из наших добровольных помощников не трудился зря. Работа над историей городов и сел послужила действенным толчком к обогащению нашей документальной сокровищницы — архивов, музеев. Кстати, на основе материалов, собираемых местными энтузиастами-краеведами, на Украине создано около 5 тысяч народных музеев и музейных комнат, большинство из них — в селах, на предприятиях, в школах.

Накопленный историко-документальный материал понадобится и нашим современникам и последующим поколениям. Все то, что будет бережно собрано, расскажет людям будущего о величии нашего времени. Ведь не все, далеко не все дошло до нас сквозь века, даже примечательное и значимое порой теряет свои четкие контуры, если современникам не удалось закрепить их летописями, сделать достоянием науки.

Собранные и уже опубликованные материалы широко используются на уроках истории в учебных заведениях, в научном творчестве, практике агитационно-пропагандистской и общественно-политической работы, в монументальной пропаганде, способствуют заметному повышению интереса трудящихся к историческим знаниям. Достаточно сказать, что все тиражи уже выпущенных томов полностью разошлись.

Что касается отбора, систематизации, научно-методических основ и обработки материалов, тут, конечно, трудятся специалисты: историки, социологи, экономисты, искусствоведы, археологи, знатоки фольклора, языковеды, географы, библиографы. За восемь лет силами Государственной исторической библиотеки УССР и областных библиотек подобраны фундаментальные краеведческие библиографические картотеки, в которых больше миллиона карточек. В помощь авторам истории городов и сел составлена обширная библиография, только указателей по статистике — до 2 тысяч дореволюционных и советских изданий. Много сделано партийными и государственными архивами, Институтом истории партии ЦК КПУ — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Об объеме работы можно судить по таким данным: издание будет составлять 26 томов. Каждый том — от 75 до 120 авторских листов. В каждом томе — 300—500 документальных иллюстраций, планы и тематические картосхемы.

ВОПРОС. В какой форме изложен документальный материал в издаваемых томах?

Ответ. «История городов и сел Украинской ССР» — научное издание. Форма изложения очерковая, доступная массовому читателю. Перед каждым автором ставилась задача показать многовековую историю своего населенного пункта на основе марксистско-ленинской методологии, в неразрывной связи с общественно-политическими и социально-экономическими процессами, которые происходили и происходят на Украине и по всей стране.

ВОПРОС. Что, на ваш взгляд, является главным, наиболее существенным в многотомнике?

Ответ. Несомненно, сегодняшний день Советской Украины, торжество ленинской национальной политики. Мы люди своего героического времени. Отдавая дань славному прошлому, ратным и трудовым подвигам народа, нам прежде всего хотелось показать социалистические преобразования, новую жизнь украинских городов и сел за годы Советской власти. А это значит показать счастливую жизнь миллионов тружеников во всем ее многообразии, в братской советской семье, показать достижения в области промышленности и сельского хозяйства, расцвет науки и культуры, взлет созидательной и творческой мысли. Ведь на наших глазах изменяется не только облик городов, обновляются не только села — сам человек как бы рождается заново, строя коммунистическое общество, претворяя в жизнь решения XXIV съезда партии. Давайте раскроем любой из томов. Хотя бы вот этот — «Черновицкая область». Буковина. В течение долгих десятилетий она была подневольным, отсталым краем. Но вот мы переносимся в наше время, во вторую половину XX века. Село Каменка. Один из его жителей — Т. К. Панцирь. Был он бедняк бедняком. Вот что говорится о его семье. Старший сын преподает в Черновицком университете. Дочь и второй сын этот же университет окончили. Третий сын стал инженером. Еще одна дочь — зоотехник. Младшие сыновья, рабочие, учатся в вузах заочно, один — на факультете журналистики, другой — на юридическом.

Украинский народ хорошо знает, благодаря кому он обрел государственность, воссоединил родные земли, построил могучую индустрию, добился небывалых успехов в развитии всех отраслей экономики, науки и культуры, вышел на международную арену. Все это результат труда и борьбы под руководством Коммунистической партии, все это результат победы Великого Октября, монолитной дружбы народов-братьев и их постоянной взаимопомощи. Народные летописцы помогают ученым поднять новые пласты историко-партийной темы. В очерках, исследованиях, присылаемых отовсюду, особо подчеркивается авангардная роль партийных организаций, самоотверженность и неустанная работа многих и многих бойцов ленинской партии, на всех этапах социалистического строительства вместе с народом творивших новейшую историю орденоносной Советской Украины. Это тем более важно и ценно, что мы стоим на пороге знаменательной даты — 50-летия Союза Советских Социалистических Республик.

ВОПРОС. Как оценивает наша историческая наука труд по истории городов и сел?

Ответ. Мне, как лицу «заинтересованному», несколько затруднительно ответить на такой вопрос. Лучше обратимся к документам. Вот постановление ученого совета Института истории СССР Академии наук Союза ССР по докладу нашей Главной редколлегии. В нем говорится: «Научная ценность данного издания состоит в том, что впервые в советской и мировой историографии дано столь подробное освещение истории областей, городов и наиболее примечательных сел...»

Здесь же уместно подчеркнуть, что высокая оценка изданию дана на XXIII и XXIV съездах КПУ.

ВОПРОС. Что предстоит сделать Главной редколлегии в будущем?

Ответ. Завершить издание всех 26 томов — вышло в свет пока 17. А в ближайшее время мы должны подготовиться к всесоюзной конференции по обобщению опыта создания истории городов и сел, истории фабрик, заводов и колхозов. Конференция состоится в Киеве в мае 1972 года. Это рекомендация Академии наук Союза ССР и одно из ярких проявлений заботы партии о развитии исторической науки.

Пользуясь такой трибуной, как «Огонек», хочу выразить признательность всем товарищам из Москвы, Ленинграда, из братских республик, принявшим участие в создании «Истории городов и сел Украинской ССР», и поблагодарить их за большую творческую работу. Особую благодарность мы выражаем коллективу Института истории Академии наук Союза ССР, который своим анализом опубликованных материалов, глубокими советами и постоянной поддержкой наших творческих поисков оказывает редколлегиям и авторам неоценимую помощь.

С. А. БОРЗЕНКО

Умер Сергей Александрович Борзенко, известный советский журналист и писатель, специальный корреспондент газеты «Правда».

С. А. Борзенко родился в 1909 году в Харькове, работал в трамвайных мастерских, учился на вечернем факультете электротехнического института. Тогда же стали появляться в печати его юношеские стихи, а затем в журнале «Коммунарка Украины» был напечатан первый рассказ шестнадцатилетнего автора.

В первый день Великой Отечественной войны С. А. Борзенко ушел на фронт. Он был специальным корреспондентом армейской газеты «Знамя Родины», засылался в тыл противника с отрядом особого назначения. За участие в форсировании Керченского пролива был удостоен звания Героя Советского Союза.

Свежие впечатления непосредственного участника событий отразились в книге С. А. Борзенко «Десант в Крым», в его повестях «Повинуясь законам Отечества» и «Утоление жажды». Широко известны книги С. А. Борзенко, вышедшие в конце 50-х годов: «Жизнь на войне», «Какой простор!», «Фронтовые были».

Через всю жизнь пронес С. А. Борзенко горячую любовь к своему делу. Он говорил о себе: «Я — советский журналист, горжусь этим и считаю, что профессия журналиста — лучшая в мире».

Рассказы, очерки, репортажи С. А. Борзенко в течение многих лет неоднократно появлялись на страницах «Огонька».

Навеки сохранится в наших сердцах память о замечательном друге, о прекрасном журналисте, писателе Сергее Александровиче Борзенко.

Группа товарищей

БЯЛЫНИЦКИЙ-БИРУЛЯ

К. МАСЛОВА

«...Я каждый день вспоминаю Вас, с чувством глядя на очаровательный, свежий момент ранней весны. И голубые подснежники, и тихая река, и целая панорама леса, так художественно моделированная за рекою»,— писал Репин в 1908 году о находящейся у него картине «Первые цветы» автору ее — Бялыницкому-Бируле.

Тема творчества этого художника — пейзаж... Великая эта тема или малая? Наверное, все зависит от таланта, с которым воссоздана она, и от того, сколь глубоки и интересны чувства и мысли, вложенные художником в его полотна.

Природа — это мир, в котором мы живем, она бесконечна во времени, бесконечна в пространстве. И ухватить, передать на полотне маленький, но дорогой тебе кусочек земли, выразить чувства, которые ощутил ты, глядя на этот полюбившийся тебе уголок природы,— большое счастье художника. Так может сказать каждый пейзажист. Но картина написана. И теперь эта радость принадлежит зрителю — он услышит музыку природы, оркестрованную и исполненную живописцем, где подчеркнута важная общечеловеческая тема, выражена обобщенная мысль, он оттолкнется от возникшего у картины впечатления и погрузится в собственные раздумья, собственные ощущения, сможет глубже заглянуть в себя, лучше себя понять. Этот дар настоящий художник преподносит зрителю.

Таково творчество Витольда Каэтановича Бялыницкого-Бируля.

В отличие от пейзажистов, которые используют широкую цветовую гамму, Бялыницкий-Бируля пишет в мягкой, порой почти гризайльной манере. У любого художника бывает желание попробовать написать картину в сдержанной гамме, ограничив свою палитру. Интересно проработать белое на белом, коричневое — на коричневом. Но у большинства живописцев это остается экспериментом. Бялыницкий-Бируля так писал всегда. Тембр его голоса мягкий, приглушенный, неповторимо своеобразный. И голос этот чистый, правдивый. Валёрность, как говорят художники, то есть оттенки тона, дающие тончайшую последовательную градацию света и тени, в живописи Витольда Каэтановича поразительна. Именно этим все его картины сходны, и во всех его произведениях легко узнается автор. Собственный голос, звучащий с чистотой камертона, собственная манера характерны для творчества народного художника РСФСР и Белорусской ССР Бялыницкого-Бируля.

Как же складывалась творческая жизнь этого живописца, что было первыми истоками его вдохновения, кто были его учителя?

Родился Витольд Каэтанович в феврале месяце 1872 года в белорусском местечке Бялыничи. Детство его прошло в небогатой живописной усадьбе, где отец арендовал землю.

«От дней детства сохранилось нежное воспоминание о матери, читавшей мне сказки Пушкина и певшей чудесные песни. Крестьяне-охотники учили меня, ребенка, любить и понимать природу» — такую запись в своих воспоминаниях оставил художник. А природа была, вот она рядом, со всех сторон. Для того, чтобы взглянуть на нее, не надо было никуда ехать, а только утром, проснувшись, открыть глаза. Кругом леса, пересеченные речками с желтеющими берегами, а то и болотными топями, поросшими кустарниками, поля золотистой пшеницы, заливные луга, отороченные березняками... И всю эту красоту будущий художник впитал в себя, полюбил с детства и на всю жизнь. Рисовать начал рано. После того, как в шесть лет нарисовал на оберточной бумаге цветными карандашами «Аскольдову могилу», получил в подарок акварельные краски. И с тех пор прилежно писал окружающие пейзажи, находя теплую, радостную поддержку у родителей.

Живописи он начал учиться, когда, занимаясь в киевском Владимирском кадетском корпусе, стал посещать рисовальную школу Н. И. Мурашко. Это была известная в то время школа с хорошими профессиональными основами. Там же Бялыницкий-Бируля встретился с очень популярным тогда пейзажистом В. Д. Орловским. Разговоры с ним тоже могли направить интерес начинающего художника к пейзажу.

Настоящую же серьезную школу изобразительного искусства прошел художник в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, творческое направление которого определили недавно преподававшие там В. Г. Перов, А. К. Саврасов. Да и в годы, когда учился Бялыницкий-Бируля, преподаватели тоже были художники, как говорится, милостью божьей. В начальном классе — С. А. Коровин, в головном — Н. В. Неврев, в фигурном — И. М. Прянишников. Преподавал там и В. Д. Поленов. Здесь для Бялыницкого-Бируля определились принципы искусства, которые он и сохранил на всю свою жизнь,— реализм, содержательность, культура живописи.

В воспоминаниях художник пишет о своих учителях: «Мы их любили, мы им верили. Это были для нас авторитеты. Они работали рука об руку с нами, они нас учили и вместе с этим, на примерах своих работ, показывали, как надо подходить к природе и как надо передавать то, что видишь». Рассказывая дальше об учителях, Витольд Каэтанович подчеркивает, что каждый из них давал что-то свое ученикам. Понимание этюда как определяющего чувство общего начала картины пришло от Коровина, влияние Неврева выразилось в подлинно живописном мастерстве. Но с наибольшей любовью вспоминает Бялыницкий-Бируля Прянишникова — прекрасный художник, замечательный педагог, обаятельный человек». Тогда же состоялось знакомство с Левитаном.

Во время пребывания в училище произошло событие, о котором Витольд Каэтанович любил вспоминать всю жизнь. Учился он тогда в головном классе. Как всегда, с большим воодушевлением была организована ежегодная ученическая выставка.

Павел Михайлович Третьяков не пропускал их, на каждой такой выставке бывал и, обладая острым ощущением таланта, без ошибок приобретал на них для своей галереи произведения никому пока еще не известных учеников.

Так, он купил в 1880 году «Осенний день. Сокольники» юного, бедного и совершенно тогда безвестного Левитана. А в 1897 году остановил свой выбор на картине Бялыницкого-Бируля «В окрестностях Пятигорска».

«Помню, наступило Рождество, ученическая выставка... Никогда не забыть замечательного человека, внимательно, медленно осматривающего выставку. Все глаза впились в него — это Третьяков. У чьих работ он остановится,— значит, счастливец автор; зачастую же только взглянет и пойдет дальше, а вещь приобретена для Третьяковской галереи. Помню, пришел я после ученической выставки в галерею. В том же здании была квартира и контора Павла Михайловича. Смотрю, за конторкой стоит он сам. Узнав о цели моего посещения, Павел Михайлович ответил улыбкой, проговорив: «Поднимитесь наверх и посмотрите, хорошо ли висит Ваша картина». Не веря своему счастью, вбежав по лестнице, вхожу в зал и вижу: висит моя картина среди работ больших художников. Окрыленный радостью, шел по Москворецкому мосту...»

Этим было положено начало общественному признанию художника.

Бялыницкий-Бируля работает много и плодотворно. Вскоре он участник выставок Московского товарищества художников. А уже в 1899 году его имя появляется в каталоге Передвижных выставок. Рядом с полотнами В. Сурикова «Переход Суворова через Альпы», В. Серова «Портрет Н. А. Римского-Корсакова», И. Левитана «Буря-дождь» экспонируются две работы Бялыницкого-Бируля — «Лес обнажился», «Степная речка».

И картина, приобретенная Третьяковым для галереи, и эти пейзажи, которые художник пишет сразу после училища, свидетельствуют, что он обрел уже основной тон творчества, основную тему пейзажа.

В истории русского искусства, пожалуй, от Саврасова развивается определенное направление в пейзажной живописи — «пейзаж настроения». После картины «Грачи прилетели» появилась композиция Остроухова «Сиверко», Поленова «Московский дворик», Левитана «Над вечным покоем», «Владимирка»....

Вот эта лирическая наполненность образа, в основе которого лежит поэтический мотив пейзажа,— основа творчества и Бялыницкого-Бируля. Образность картины-пейзажа решалась художниками с помощью настроения. А настроение они создавали на основе поэтических мотивов природы. И в этом, несмотря на различие живописных манер, Бялыницкий-Бируля продолжает Левитана.

Валёрная живопись, модуляция цвета, доступные этому художнику, позволяли ему раскрыть тонкие переходы природы из одного состояния в другое ранней весной, переменчивость летнего вечера. Его осенние пейзажи наполнены элегичностью.

Но, пожалуй, ничто этому художнику не удалось передать так совершенно, как некоторые состояния весны. «В конце зимы», «Весна идет» — близкие по времени картины природы. Но всмотритесь, и вы увидите разницу во времени года, которую так отлично умел уловить этот живописец. «Весна идет» — вода отражает уже не зимнее, а весеннее небо, появились проталины у берегов, и вода стала немножко теплее, а воздух как будто вибрирует. Зимой он прозрачный, а весной наполнен испарениями подтаявшего снега, зыбкий, влажный, колеблющийся.

«Лед прошел» — это следующий этап весны. Свинцовые, холодные, текут воды реки. Фиолетовость зимы сменяется потеплевшей голубизной неба. Из-под сошедшего снега выступила прошлогодняя трава, но

В. Бялыницкий-Бируля (1872—1957). ДОМ В ГОРКАХ. 1924.

В. Бялыницкий-Бируля. В КОНЦЕ ЗИМЫ. 1911. Московский Художественный академический театр имени А. М. Горького.

вот-вот, только выглянет солнце, появится новая изумрудная зелень, уже есть какое-то трогательное ощущение ее и убежденность в силе обновляющейся жизни.

Очень высоко ценил живопись Бялыницкого-Бируля И. Е. Репин. Знакомство, которое началось на одной из Передвижных выставок, превратилось в дружбу. Сохранилось несколько писем Репина, в которые меж дружеских строк вплетаются точные характеристики творчества пейзажиста.

В письме 1910 года Репин пишет: «И, сидя за столом у Николая Дмитриевича Ермакова, я всегда с новым большим удовольствием смотрю на Ваш косогор с избами, занесенный снегом; люблю эти бережки, белыми краями отражающиеся в горной речке». И дальше в том же письме есть такие строки: «...на выставке, когда я узнал, что нет Ваших картин, очень загрустил о Вас. Я так привык освежаться душою перед Вашими живыми веяниями правды, простоты и свободы».

В советское искусство Бялыницкий-Бируля вошел уже сложившимся художником, пользующимся известностью большим мастером. С 1908 года он имеет звание академика живописи. Многие советские пейзажисты продолжили традицию русского искусства XIX века, школу Васильева, Саврасова, Левитана, Поленова, Коровина. Органично перенесли в советское изобразительное искусство достижения русской реалистической живописной школы Бакшеев, Мешков, Бялыницкий-Бируля...

Витольд Каэтанович активно входит в новую жизнь искусства. Вскоре после революции появляется его картина «Бой у Никитских ворот». Вот несколько строк из его воспоминаний, из которых совершенно ясно становится, как творчески, радостно, полнокровно живет художник жизнью своей Родины:

«В советские годы работаю чрезвычайно много... и совершил большое количество поездок по Советскому Союзу. Лицо нашей страны понастоящему увидел я именно в послеоктябрьские дни. Целый ряд работ исполнил в Горках, где жил и умер В. И. Ленин. Материал для произведений на темы реконструкции сельского хозяйства дали мне совхоз «Гигант», коммуна «Сеятель», Кореневская опытная селекционная станция. Три раза ездил за Полярный круг, где для выставки «Индустрия социализма» сделал ряд произведений. Хибины, г. Кировск, Кировский апатитовый рудник, обогатительная фабрика, природа Хибин, озеро Вудъявр, Баренцово море, устье реки Териберки, рыбачьи становища — все это увлекало меня и находило отражение в моих работах. Я видел, как героический Эпрон полярной ночью со дна Белого моря поднял ледокол «Садко»...»

За этими строчками встает живой, деятельный, увлекающийся современностью живописец.

Народный художник СССР Николай Михайлович Ромадин, который хорошо был знаком с Бялыницким-Бируля, рассказывал нам в своей мастерской: Витольд Каэтанович был высокого роста, крупный человек, всегда веселый, беззаботный. Открыто, радостно, шумно встречал он гостей. Любил бродить, охотиться и не раз рассказывал, что на его охотничьем счету сорок медведей. Когда-то, когда я был у него, пришел егерь и говорил, что пора обкладывать медведя. Так что, может быть, он и не хвастал, рассказывая о сорока медведях. Работал он много, легко и знал тайну крупной формы рисунка. Покоряет меня в его живописи чувство тона. Но особенно дорог мне Витольд Каэтанович тем, что, верный ученик Левитана, сумел он на протяжении всего творчества сохранить в живописи русскую национальную школу, не отвлекаясь на увлечения разными другими школами, течениями. История повторяется. Голландские живописцы XVII века художники Ян Бот, Берхем и другие писали итальянизированные пейзажи — гроты, руины древних римских строений и высоко ценили все, что не похоже было на равнинный пейзаж их страны. Это было модно. За пейзаж Бота платили столько золотых монет, сколько можно было уложить на полотне картины. В то же время голландцы Ван Гойен, Рейсдаль, Кейп, Ван дер Неер писали те маленькие, искренние пейзажи, которые они видели под родным небом. Жизнь свою они кончали в нищете, умирали в домах призрения. Так сложно создавался голландский национальный пейзаж, который сейчас является гордостью мирового искусства.

Каждый национальный пейзаж имеет свой характер, свои особенности, и именно этим он и значителен. В России тоже находились художники, которые подделывались в пейзаже под чужеземную живопись, иноземную природу. Бялыницкий-Бируля не растратил национального чувства пейзажа, не поддавался моде, не писал ни под Матисса, ни под Дерена. Прелесть его живописи состоит в том, что он пишет родную ему природу, родные места. Его живопись вызывает родные ассоциации, около его пейзажей вспоминается и прелесть детства и вся жизнь.

И не случайно Витольд Каэтанович поселился на Удомле. Там, на полуболотистой почве с кустарником и перелеском, с цветущими лугами, он нашел близкую ему с детства природу Белоруссии. Он умел ценить пейзаж Родины — так закончил свой рассказ Николай Михайлович.

Во время Отечественной войны Бялыницкий-Бируля участвует на всех выставках. И чувствуется особенно в его северных, архангельских, пейзажах слияние древней деревянной, простой по формам архитектуры с суровым климатом края, с внутренней, духовной силой народа, создавшего ее. В последние годы своей творческой жизни (умер Витольд Каэтанович в 1957 году) художник снова возвращается к теме Ленинских Горок. Пишет парк, аллеи, где любил гулять Владимир Ильич, как бы сопереживая ему, задушевно показывает подмосковную природу.

И неизменно живопись Бялыницкого-Бируля оставалась удивительно музыкальной. Правда, в ней не звучит симфонический оркестр. Это скорее камерная музыка с характерной для нее экономией исполнительских средств и детализацией каждой партии. Иногда его пейзажи напоминают романсы... В подтверждение этого ощущения от искусства Бялыницкого-Бируля хочется привести еще несколько строчек самого художника: «Мне думается, что живописцам нужно чаще слушать музыку — она многому может научить, многое можно почерпнуть в произведениях великого искусства музыки!»

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Борис ПРИМЕРОВ

Он родился под счастливой звездой поэзии Пушкина. С той минуты, когда он начал помнить себя, в нем жил поэт. Муза его на всю жизнь осталась верна пушкинскому настрою, а сердце жадно впитывало все, что его окружало. А окружала его чистыми реками, разгульными, удалыми песнями Москва. Не с того ль, еще будучи лицеистом, посвятил ей он одно из первых своих стихотворений:

Там, за синей цепью гор,
За широкими полями,
Где усталый видит взор
Только землю с небесами —
Там спит город-великан,
На холмы облокотившись,
К долам низменным
склонившись,
Завернувшися в туман;
Весь из куполов, блистает
На главе венец златой;
Ветер с поясом играет,
С синим поясом-рекой.
То величья дочь святая,
То России голова,
Наша матушка родная,
Златоглавая Москва!

Лев Александрович Мей родился 25 февраля 1822 года в семье московского чиновника, немца по происхождению. Мать его была из небогатых русских дворян Шлыковых. Решающую роль в формировании его души и его взглядов сыграло то, что мальчик родился на русской земле, с молоком матери усвоил тот дух, который с такой силой был выражен в народных преданиях, сказках, былинах. Будущий поэт рано проявил, можно сказать, выдающиеся способности. Из Московского дворянского института, как самый блестящий воспитанник, на 14-м году он был переведен в Царскосельский лицей на казенный счет, потому что семья его к тому времени уже осталась без кормильца и почти без средств к существованию. Однако окончил Мей лицейский курс с чином 10-го класса, потому что для получения высшего, 9-го необходимо было иметь определенную сумму баллов не только по успехам в науках, но и по поведению. А Мей, пылкий по характеру и молодости, этим похвастаться не мог.

Прослужив несколько лет в канцелярии московского генерал-губернатора, он целиком отдался литературе. В этот период Мей много переводил, отлично зная не только французский, английский, немецкий, итальянский, польский, но и древнеклассические языки. Несколько позже Мей переехал в Петербург. Там у него сложился довольно прочный круг знакомых и друзей. Среди них Тургенев, Гончаров, Пыпин, Майков, Чернышевский, Щербина, В. С. и Н. С. Курочкины, Благосветлов. Дом его отличался хлебосольем и был теплым приютом для всякого, кто заходил туда, потому что Мей принимал участие в каждом, кому это участие было нужно. Словом, широко образованный и глубоко чувствовавший стихию русского слова, Мей был превосходным литературным наставником, обладавшим тонким эстетическим вкусом. Но все это было бы не так значительно для истории русской словесности и поэзии, если бы Мей не стал автором многих прекрасных, оригинальных стихотворений, проникнутых чувством глубокого патриотизма и высокой лирической нежностью, изящных по форме, высокохудожественных по исполнению. Музыкальность и виртуозность — вот две наиболее выпуклые стороны его дарования. Недаром все значительное, созданное Меем, положено русскими композиторами на музыку.

Сейчас мало кто знает, что знаменитые оперы Римского-Корсакова «Псковитянка» и «Царская невеста» живут на оперной сцене благодаря не только музыке, но и драматической силе таланта Льва Александровича Мея. Созданные им образы Ивана Грозного, Малюты Скуратова, Григория Грязного, пожалуй, не уступают по силе и выразительности образам А. К. Толстого. А Марфа Л. А. Мея — поистине один из первых песенных образов русской женщины. Покорна «воле отчей», она полюбила преданно, но без истинной, обжигающей душу страсти. И если Марфа олицетворяет собой одну стихию жизни — покорность судьбе, то Любаша — другая песня русской женской души — само неукротимое буйство страстей. И это двуединство создает неповторимую правду характера исторического, реалистического и вместе с тем возвышенного над прозой быта.

Лирические стихотворения Льва Мея до сих пор полны неувядающего обаяния русского пейзажа, они вобрали и запах и цвет нашего лета, скупые краски суровой зимы. Какое сердце не забьется, прочувствовав такие строки:

Оттепель... Поле чернеет;
Кровля на церкви обмокла;
Так вот и веет, и веет —
Пахнет весною сквозь стекла.

Можно, листая томик стихов Мея, приводить цитату за цитатой и каждый раз убеждаться в одной мысли: как значительна и велика история нашей поэзии, если за тенями великих скромно, но тем не менее живой жизнью живут такие прекрасные поэты, как Лев Мей.

НОВОСЕЛЬЕ У ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Вы, конечно, помните стихотворение Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»? Помните:

Во — ширина!
Высота — во!
Проветрена,
освещена
и согрета...

Да, именно таким будет и здание первого Государственного музея Маяковского, куда сейчас из отдаленного московского переулка, из старого и неудобного помещения, переезжает библиотека-музей поэта со всеми своими фондами.

Что же это за здание и почему именно здесь будет музей?

В 1919 году, после переезда из Петрограда, Маяковский получил от Моссовета комнату в доме № 3 по Лубянскому проезду, на четвертом этаже. Здесь он жил и работал одиннадцать лет, вплоть до дня и часа своей трагической гибели. Здесь, в небольшой комнате с одним окном и камином, в главном рабочем кабинете поэта, и были созданы его лучшие произведения: поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», «Про это», пьесы «Баня» и «Клоп», большинство стихотворений. Сюда приходили к Маяковскому рабочие и краснофлотцы, партийные работники и художники, начинающие поэты и студенты — истинные друзья пламенной коммунистической поэзии одного из основоположников советской литературы. Отсюда Маяковскому было рукой подать до его самой любимой московской аудитории — Политехнического музея, где он выступал столько раз!..

Не только мемориальная квартира, где жил великий поэт, но все четыре этажа дома отдаются под музей. В пяти залах его будет развернуто и открыто для широкого ознакомления огромное количество экспонатов: рукописей, фотографий, книг, плакатов, произведений графики, живописи и скульптуры, личных мемориальных вещей поэта и прочее. Общее количество экспонатов нового музея Маяковского — около двух тысяч.

«Родословная поэта» — так будет называться один из разделов музея. Здесь посетитель познакомится, в частности, с дорожной грамотой, выданной предку поэта, полковому есаулу Кириллу Маяковскому в 1822 году; увидит саблю запорожских сечевиков, которая передавалась из рода в род по мужской линии отца поэта; медаль за храбрость, фотографию Алексея Павленко, деда поэта по материнской линии, и многое другое.

Главные экспонаты музея впервые так ярко и обстоятельно расскажут о революционных, партийных истоках творчества Маяковского.

68 записных книжек поэта, черновики и беловики, стихотворные заготовки множества его великолепных стихотворений хранятся в сейфах музея. Фотокопии этих материалов составят особый раздел, где посетители смогут ознакомиться с уникальной творческой лабораторией Маяковского. В музее также будут представлены новые материалы о личной жизни поэта.

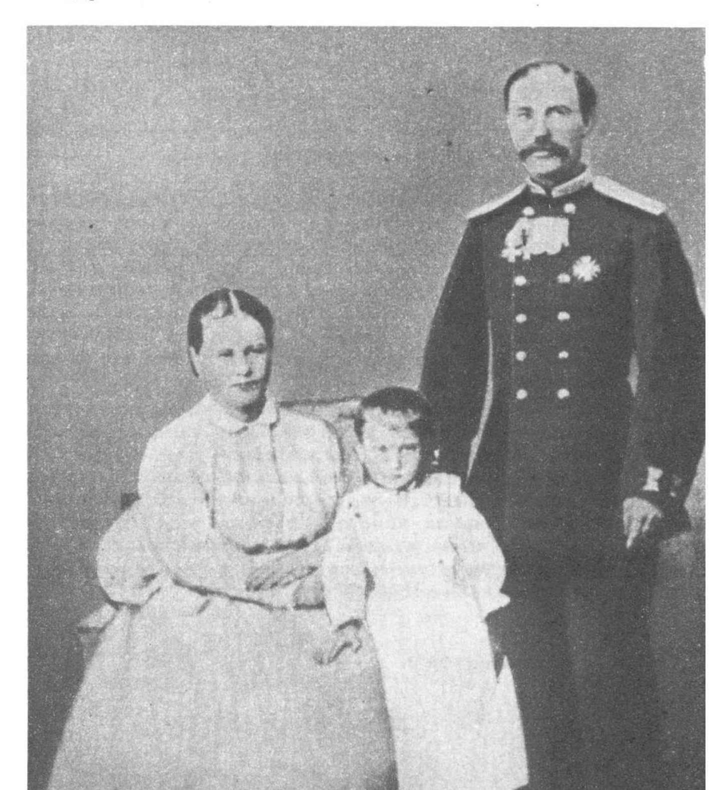
Организация всех экспозиций будет осуществлена с учетом всего того лучшего и новейшего, чем располагает сегодня советская литературоведческая наука.

Открытие Государственного музея Маяковского в новом здании миллионы и миллионы читателей и почитателей поэта, безусловно, воспримут как большой, радостный праздник всей советской культуры.

Владимир КОТОВ

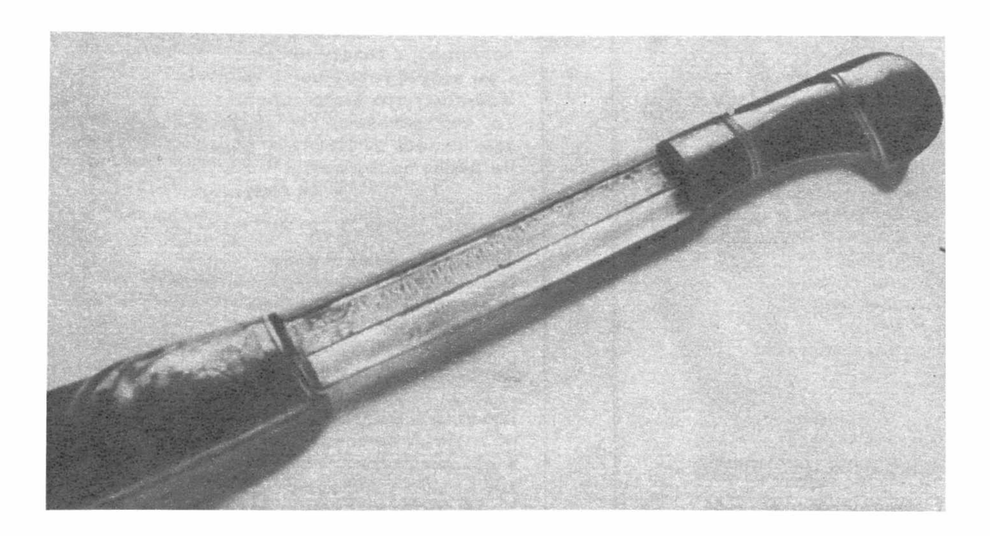
Рабочий стол поэта.

Алексей Иванович Павленко, Евдокия Никаноровна (дед и бабушка поэта), Александра Алексеевна—мать В. В. Маяковского.

В новом музее Маяковского.

Семейная реликвия Маяковских — сабля запорожских сечевиков.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОДВИГА

В повести Василя Быкова «Обелиск» есть маленький эпизод: хлопец Витька, защищая молодую парочку, не побоялся броситься один на троих хулиганов, был тяжело ранен. Один из героев повести спрашивает, не в Сельце ли Витька учился, и, получив утвердительный ответ, радуется: «Я так и знал. Миклашевич умел учить».

Что за человек Миклашевич, мы узнаем в самом начале: он из тех, чья жизнь наполнена «прежде всего разумной человеческой добротой и заботою о других». Но писатель ведет нас дальше, к истокам, и тут появляется фамилия главного его героя: «Мороз — вот кто пример для всех нас. Как для Миклашевича был».

...Когда сельского учителя Алеся Ивановича Мороза упрекнули в том, что он не соблюдает школьных программ и «учит без необходимой строгости», он ответил так: «Главное, чтобы ребята теперь поняли, что они — люди, не быдло, не какие-то там вахлаки, какими паны привыкли считать их отцов, а самые полноправные граждане». И еще он сказал, что «достичь этого можно только личным примером в процессе взаимоотношений учителя с учениками».

Школу Мороз открыл в октябре тридцать девятого года в бывшей панской усадьбе, а в июне сорок первого Сельцо уже было захвачено фашистами. И то, что вчера казалось простым и ясным, обернулось неожиданным и сложным, и некоторые из тех, кто вчера выглядел активистом, подались в полицаи. Мороз остался в селе, слушал сводки Совинформбюро — приемник принесли ему мужики, еще перед войной привыкшие считать учителя своим заступником в разных трудных и хлопотных делах,— передавал эти сводки в лес, партизанам.

Высокое патриотическое чувство гражданина Советской страны, заботливо взращенное им в душах недавно еще бесправных, забитых крестьянских ребятишек, воодушевило их на подвиг. Не посвящая учителя в свои планы, они тщательно продумали и совершили диверсию с дерзкой отвагой, но уберечься не сумели, были схвачены, избиты, посажены под замок.

Узнав о том, что палачи требуют учителя — иначе ребят повесят,— Мороз пришел к ним сам. Не для того, чтобы спасти своих учеников: он знал, что фашисты не пощадят никого. Не для того даже, чтобы подбодрить их в страшный час: «...тот факт, что рядом был их учитель, их всегдашний Алесь Иванович, както облегчал их незавидную судьбу. Хотя, конечно, они бы многое, наверно, дали, чтобы он спасся». Добровольно пожертвовав своей жизнью, Мороз показал окружающим величие и силу духа советского человека, утвердил торжество морали нового, социалистического общества, послужил нравственным образцом для тех, ради кого жил и боролся. «Вы понимаете, какой это аргумент? И в чью пользу...» — говорит о Морозе его старший товарищ Ткачук.

...На бетонном обелиске в Сельце — имена пяти погибших школьников. Понадобилось время, чтобы к этому списку прибавилось имя Алеся Ивановича Мороза, ибо нашлись люди, увидевшие в его подвиге лишь «не совсем уместное заступничество». Понадобились для этого усилия его ученика — чудом уцелевшего Павла Миклашевича.

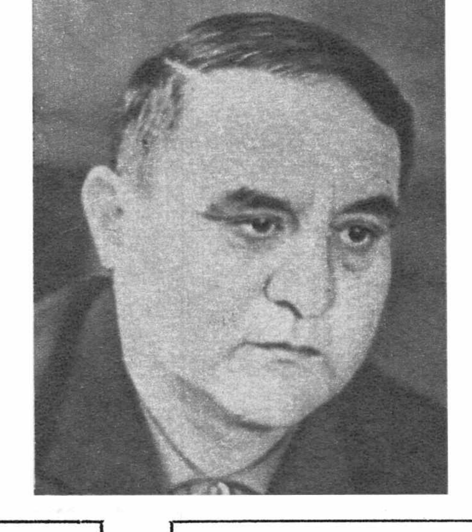
Война настигла и Миклашевича, через двадцать лет убила болезнью, но годы, что учительствовал он в том же Сельце, он отдал продолжению традиций, завещанных любимым учителем. «Главное, прекрасная была преемственность...— говорит Ткачук.— Такое не пропадает. Прорастет... Не может быть, чтобы работа этих людей пропала зазря».

Пламя сердца, отданного за счастье людей, зажигает другие сердца, подвиги, совершаемые во имя добра и справедливости, рождают другие подвиги — об этом говорит нам повесть Василя Быкова «Обелиск».

Н. ЦВЕТКОВА

Василь Быков. Обелиск. Повесть. «Новый мир» № 1, 1972 год.

Эгам РАХИМ

ПОЭМА

Посвящается памяти
Матъякуба Уразова,
первого хорезмского селькора,
комсомольца-активиста,
убитого в 1927 году
классовыми врагами.

ВСТУПЛЕНИЕ

Село мое, я снова дома!
Деревьев праздничная тень
лежит на улицах,
и день
в нее вторгается задорно.
Дымкам подняться в небо лень —
они лежат на плоских крышах,
как будто шапки набекрень.
И стен квадраты — в пятнах рыжих:
веселый полдень в глине выжег
картин абстрактных дребедень...

Селу не до того: страда.
И только нежный голос ная
издалека зовет стада,
нам о весне напоминая.
Народа не видать почти:
кто на работах,
кто в подспорье.
Задумаешь кого найти —
так сразу
отправляйся в поле.
Я путь знакомый вспомнить рад.
В полях обед как раз об эту
дневную пору...
Я как раз
и дошагал туда к обеду.

В котле уже кипит шурпа̀,
и с ароматом мяса спеться
спешит зовущий запах перца...
В жиру и пряном духе специй
доходит добрая крупа.
Здороваюсь. Приветный гул.
Глядят. «Ого-о!» И вот я узнан.
Отдавши дань старинным узам,
объятий вдоволь я хлебнул.
«Хоть ты и прибыл из столиц,
садись-ка с нами...»
Но, взглянувши,
я вижу: подошел старик,
который нынче мне и нужен...

Порою в старческом лице
такое вы встречали сами,
что не уловит на листе
рисунок или описанье.
Те величавые черты,
что красоты любой красивей,
внушительнее зрелой силы
и чище юной чистоты...
В них все, что было на веку,
преображенное таится.
За то, что отнято,— сторицей
в них возраст
вóздал старику!
На то и слово «аксакал»...
У этого худую щеку
заметный шрам пересекал,
похожий издали на щелку.
И, в белое одетый весь,
так ясен был старик и строен —
как из годов далеких весть,
где каждый
кажется героем.
Таким я представлял себе
того, другого,
если б старость
ему почтенная досталась
в иной,
не гибельной судьбе...

С поклоном, как обыкновенно,
я подошел к нему:
«Ота̀,
меня не помните, наверно?
Вот, наши посетил места...»
. . . .
. . . .
И вот мы с ним сидим за чаем,
и полдень нас из-под полы
прохладой поит. Пить кончаем
и снова полним пиалы.
Струится ароматный пар...

«Судьба — она, сынок, как пуля.
Куда прицелишься — попал.
Не целился — живи вслепую...
Вот так иные и живут,
куда-то ахнув жизнью всею.
Чего не надо бы — посеют,
чего не сеяли — пожнут...

А там уже и не поправить.
Ты весь как есть в своей судьбе.
И как ты жил — такую память
ты и оставишь по себе.
Года...
Всего не вспомнишь вдруг...
Вот — ты назвал его героем.
Что ж, так и есть. А я не скрою:
я был ему заветный друг!
Хоть полвселенной оглазей,
товарищей испробуй тыщи —
таких ты больше не отыщешь,
как первых, в юности, друзей...
Он
сразу выбрал свой удел!
И шел путем, с какого начал.
Он жить иначе не хотел
да и не мог бы жить иначе.
Ну, что я от него сберег?
Две-три зачитанных страницы
газет
да эти вот вещицы...
Бери, сынок, авось, сгодится,
такое и музей берет.
Но есть еще!
Кусок души,
что завещал он мне когда-то!..

Пиши, сынок. Расставишь даты!
Я расскажу. А ты пиши».

I

Чем он памятен, двадцать седьмой?
Революции десятилетье...
Ну и стужа стояла зимой!
Умирали деревья, как дети.
Добирался до сердца мороз,
да и слухи иных леденили.
Чей-то ширился шепот и рос,
поселяя и страх и унынье.
Мол, недаром пропало тепло,
нынче нового ждите закона:
нажитое отымут добро
да под общую крышу загонят.
Мол, работай!
Сиди на задах,
не ищи себе места получше...
А к воротам поставят солдат.
Только выгляни — пулю получишь!..

Трудный год! Изнурительный год!
Все, что мог,— от ножа и до сплетни —
все пустил без зазрения в ход
старый мир
в этой схватке последней.

И молитвы бубнили муллы,
на словах оставляя мозоли,
и шипели ишаны из мглы,
точно замыслы, четки мусоля.
Но звучал понапрасну коран,
веру древнюю мощи лишая,
сам аллах непокорных карал
изуверством
басмаческих шаек.
Подчистую пустел достархан,
снег от крови истаивал, розов,
и пожарами след полыхал —
сорняками
на ниве морозов...
Страшный год! Изнурительный год!
Но в беде
и в последнем дыханье
не сдавался, надеждою горд,—
к новой жизни тянулся дехканин.
И едва лишь восток розовел
и теплей становилось
с рассветом,
чтобы помощь найти и совет,
собирался народ
к сельсоветам...

Я с трудом вспоминаю теперь
то приземистое строенье.
Три окна и щербатая дверь —
точно птица с птенцами с троими.
Четверть века, как снесено
(из-за ветхости, полагаю),
а в ту пору вмещало оно
весь, как есть, сельсовет Балакана.
И до ночи в строеньице том
люд кишлачный толкался...
О чем он
не ходил толковать в этот дом
под полотнищем кумачовым!
Добирались в немалую даль —
вся округа с рассвета валила.
Сельсоветовский секретарь
всех
от мала их знал до велика.
Из семейства бедняцкого сам,
ведал горести их
и про это,
говорили, в газету писал...
Сам возил, говорили, в газету!..
Кой-кому это было зарез.
То, что делалось скрытно от глаза,
там на весь выставляли Хорезм,
не давая промашки
ни разу!..
. . . .
Дебри снежные у окна.
Ночь коптилку заблудшую теплит.
И увядший бутончик огня
весь дрожит
на промасленном стебле.
Ветер свищет, как пуля.
Мороз
навалился медведем на двери,
но ступить не спешит на порог:
в дом он входит,
как входят в доверье.
Как в стихах эту ночь передашь?
Не покажешь в коротком размахе,

С СЕРДЦА

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

как геройски ползет карандаш
через рытвины
по бумаге,
и велит ему правда сама
дописать,
до корней докопаться...

Перечитаны строчки письма.
Отогреть бы застывшие пальцы!
И на свежеисписанный лист
с полутемной стены сельсовета
смотрит с доброй улыбкой Ильич
(фотография из газеты).
И улыбка его — как наказ!

...Лист упрятан за голенище.
Надо снова проверить наган,
взять тяжелую шапку из ниши,
погасить начадивший огонь —
и в дорогу!..
И в снежные вихри
застоявшийся кинется конь,
к этим скачкам полночным
привыкший.
Им до самого света скакать.
Будет степь оголтелая мчаться.
Кто бы мог наперед им сказать,
с кем придется
в ночи повстречаться?..
Только думается ему
не о том — о картине знакомой:
как он спрыгнет с коня в полутьму
у подъезда бессонного дома.
Ранний-ранний торжественный час.
Но, друг другу уверенно вторя,
там уже две машинки стучат,
как сороки, в пустом коридоре.
Кто-то выйдет из комнаты к ним,
видно, за ночь работу доделав...
Понемногу, один за другим,
подойдет и народ из отделов...
И редактор!
К нему Матъякуб
и спешит в эту ночь,
чтобы снова
с опаленных бессонницей губ
сорвалось его доброе слово.
Он посмотрит, кивнет: «Молодец!»
И глаза заблестят за очками,
и черты его, помолодев,
затвердеют,
как в медном чекане.
«Так и надо, дружок... Мы с тобой
охраняем
рассвет наш расцветший...
Мы солдаты с нелегкой судьбой.
Ты ведь тоже боец!
И разведчик...»

II

Зима сыта, как повар за обедом.
Февраль устало бредит январем
и высекает — черное на белом —
немыслимую клинопись ворон.
Из туч — снега
(как будто изо рта
роняет наземь серая орда их)...

Но оттепель! Буреет степь, оттаяв,
и черная безумствует орда.
Природа славит смерти недолет,
изрытая осколками мороза,

а между тем и день уж недалек,
когда начнется новая морока
и таянье размоет берега,
пойдет разлив буянить без зазренья:
что ни кишлак — картина разоренья,
что ни ложбина —
бурная река...

«А может, нас и пощадит весна?»
Он пóд вечер
спешит от дома к дому.
День на ногах,
и снова ночь без сна,
а утро гасит сонную истому.
И мысль ему покоя не дает,
преследует, как зимняя волчица:
то впереди дорогу перейдет,
то, нагоняя, следом волочится.
«Земля — у нас.
А как ее поднять?
Опять мотыгой, что ли, колупая?
Или идти с поклонами опять,
просить подмоги у того же бая?
А тот
глядит и видит. Он не слеп.
Он сам готов с подмогой напроситься.
Мутит людей и заметает след,
виляя, как матерая лисица.
А люди — что же? Люди устают
от всех пустых вопросов и ответов.
И только долю костерят свою,
и холодов и голода отведав!
Пускай одежки старые малы.
Пускай мы веру старую сломали.
Словами не накормят их муллы...
Но разве мы
насытим их словами?
Тут путь один — чтобы партийный клич
мы в тело дел,
в живую плоть одели!
Его-то нам и завещал Ильич:
одна дорога у села — в артели...
Конец ишанам, баям, кулакам!
Нам только бы покончить с ними всеми,
и расцветет улыбкой Балакан,
как девушка
в погожий день весенний...»
Еще мороз в сады ночные вхож.
Еще земля
звенит при звездном свете,
и небеса возносят льдистый ковш,
пронзительный выплескивая ветер.
А он всей кожей чувствует весну
и перемен решительных начало,
как будто сам и держит на весу
грядущее
бессонными ночами.
Тут быть войне! Он видит по всему,
два слушают,
а третий сторонится...

И вот однажды
с шумом
по селу
пошла гулять газетная страница.
Как на дыбы скакун, больной вопрос
в ней поднят разом,
резко,
даже грубо.
Над ней названье, крупно:
«Наш колхоз».
Внизу, под нею,
подпись Матъякуба...

Слова подчас ложатся, как межа
в полях,
что требовали передела,
и действуют куда острей ножа,
живое расчленяющего тело.
Так раскололся надвое кишлак,
всю злобу дня увидевший за ними:
как паводок, заполнивший овраг,
два берега
они разъединили.
И каждая бедняцкая семья
горой вставала за слова газеты,
как будто не читала,
а сама
от всей души высказывала это.
И чем верней
статья вела людей,
тем яростней вокруг клубились козни,
и ополчались на нее лютей
мулла, ишан
и байское охвостье...
«Спаси, аллах, как некогда спасал!
Как только терпит это все бумага?..
Подох бы ты, покудова писал,
рука отсохла б у тебя,
писака!
Ты посмотри, в какие двери вхож!
Какой нашелся голытьбе учитель!
Да только знай: ни ты, ни твой колхоз —
от кишлака вы нас
не отлучите.
Спаси, аллах... да если с этих лет
вся гольтепа подымется из праха,
так изо рта последний вырвут хлеб
у верных слуг и воинов аллаха!..
И так последняя пришла пора.
Тут быть бы живу — не мечтай о жире.
Не сосчитать пропавшего добра —
как будто мы на свете и не жили.
Видать, одно останется теперь —
к ним в батраки податься
при колхозе!..
Ха!
Сколько ж это будем мы терпеть?
Ведь нож и так дошел до самой кости!
Зато уж с вами, господин селькор,
за все, что говорили о конце нам,
за беды все, что ходят косяком,
расплатимся
по самым высшим ценам!
Все слушайте!
Аллах издал указ.
Да будет проклят тот богоотступник!
Героем веры станет тот из нас,
кто раньше всех
отступника пристукнет...»

III

Вот и входит весна
в права.
Сад
зеленые поднял флаги,
и растет, как прилив, трава,
до отказа напившись влаги.
Только мертвых стволов беда
пронизает сердца испугом...
Но дехканин запряг быка
и шагает в полях
за плугом.
Как пчела, что взимает дань
с поля,
сада,
бог весть откуда,—
облетают милую даль
мысли тихие Матъякуба.
Он глядит —
и там, у ручья,
видит девушку...
Так
однажды,
точно чуя удар меча,
отверзаются очи наши.
Беззаботный дотоле взгляд
обретает некую доблесть.
Нами виденное стократ
претворяется
в новый образ.
То ли радость в нем, то ли боль —
кто бы мог распознать сначала,
коль впервые тебя любовь
полонила и увенчала?..

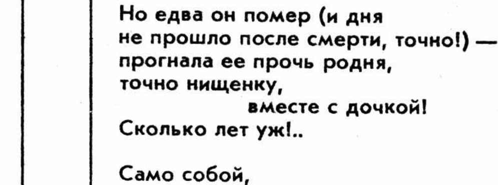
О любовь, ты нам близь и даль,
ты отчаянье и везенье,
ты — цветущий в ночи миндаль,
колокольчик звезды весенней.
Ты — как первый удар веслом
по сияющей глади ломкой.
Ты — как сдача жизни на слом
и строительство из обломков.
Невесома — и тяжела,
вся покорность — и нетерпенье,
ты неслыханная тишина,
оглушившее землю пенье.
Ты — свершенье
в морях тщеты!
Древний лекарь неизлечимый!
...Так неужто твои черты
кто-то носит
пустой личиной?
Неужели же ты могла
быть обмана покорной чашей,
злобе
яд свой отдать сладчайший,
стать лишь маской пустой
для зла?
Или вправду твоя природа —
цвет и гниль на одном кусте,
даль, двуликая, как ворота:
для хозяев и для гостей?..
Горе высящая горою,
море мерящая до дна —
пощади моего героя,
о безудержная волна!

Но плотины в паводок страсти
рассекаются пополам,
и вода — на беду иль счастье —
растекается по полям.
И разливу конца не чаешь,
и не жаждешь найти причал,
и на каждом шагу встречаешь
то, что раньше не замечал...
Так и юноше
каждый вечер,
неулыбчива и тиха,
то почудится,
то навстречу
попадется и впрямь
Айхан.
О нечаянных взглядов перлы,
вздох, летящий немым послом,
о бесценность улыбки первой —
мост
над пропастью первых слов!
Ликования изобилье,
когда сблизились берега...
«Что ж вы вовсе наш двор забыли —
обошли,
Матъякуб-ака?..»

Ветер падал в листву без стона,
снова,
медленный,
задувал,
до звезды добираясь сонной,
зацепившейся за дувал.
И, рассыпав сиянье скупо —
серебро на густом меху,—
ночь висела,
как черный купол
с полумесяцем наверху!

IV

Тот, кто в наших местах живал,
мог бы,
прошлое разгребая,
вспомнить тетку Махиджамал
по прозванью «Супруга бая».
С ней о чем ни заговори —
умудрится вставить, бывало,
что жила она в ичкари [1]
знаменитого Маткамала,
что, покуда он был живой,
все у ней под началом было
и считалась она женой
самой главною и любимой...

Но едва он помер (и дня
не прошло после смерти, точно!) —
прогнала ее прочь родня,
точно нищенку,
вместе с дочкой!
Сколько лет уж!..

Само собой,
туговато ей приходилось.
Но былою «байской» судьбой,
как отличьем, она гордилась.
Всем известна в наших местах
этой дурью неистощимой,
воспитала и дочку так —
по дорожке своей тащила!
И ходила та, не дыша,
как фазан, оправляя перья,—
благо, впрямь была хороша,
точно выдуманная пери...

Ты задумайся, разочти —
как могло получиться это:
оказался у них в чести
комсомолец из сельсовета?..
Но рассудком
едва ль уймем
страсти пыл,
этот жар тифозный.
Все мы задним крепки умом:
все поймем — да поправить поздно.
Все твердим: осторожность врет!
Сей, джигит!
Далеко до жатвы!..
...И стучимся мы у ворот,
от которых нам
прочь бежать бы...

V

Как тревожны летние дни!
Может, просто ты болен, парень?
Что на солнце жар, что в тени.
Или вдруг облака —
и пàрит.
Все идет своим чередом —
и забот и работы много.
Но —
как пóд вечер сумрак в дом —
лезет в мозг
и растет тревога.
Чье-то жало в людской молве...
Чей-то заговор в отчем доме...
Чье-то лезвие в рукаве
вместо дружественной ладони!..
А, да все это бред.
Пустяк.
Не прислушиваться — и только.
А коситься и думать — так
и свихнуться легко
в итоге!
И, бессонным занят трудом —
точно вечный источник света,—
ночь за ночью
светится дом:
три окошечка сельсовета.
Свет погаснет там поутру...
А по лунной дорожке скользкой
объезжает село патруль —
боевой наряд комсомольский.

. . . .

Тьма.
Чуть слышно листва кипит.
Эти улицы не забыли
тот глухой перебор копыт
по тяжелой, как бархат, пыли.
Вот развилка ночных путей
возле маленького болотца.
Рассекает жирную тень
фонаря косая полоска.
— Что ж, пора? Разъедемся, брат...
— Да.
Ураз, ты — в Муллаабаде,
в Купалаке — ты, Халмурад.
На рассвете встретимся,
братья...

Ветер нынче
на ласку скуп.
Черный куст

[1] Внутренняя, женская половина дома.

не взмахнет руками.
Погасив фонарь, Матъякуб
ловит воздуха содроганье.
Так и есть...
Словно дрожь в корнях —
дальний шаг торопливый
чей-то...
И, прислушавшись,
он коня
поворачивает к мечети.
Луч фонарный снова со стен
прыгнул под ноги; в свете тощем
женских две — и мужская тень,
промелькнув, исчезают тотчас.
Он — туда! Никого. Черно.
Надо крепче в седле усесться:
не поймет и сам он, с чего
так жестоко заныло сердце...
Он недвижно смотрит во тьму.
Вот!
Мужской силуэт.
Оттуда...
Он коня направил к нему,
натянувши поводья туго.

— Ну и ну!
Это ты, Сабир?!
И чего тебя носят черти?..
И скажи-ка — что ты забыл
среди ночи
тут, у мечети?..
Ты тут с женщинами прошел?
— Я...
— А кто они?.. Ну! Не скажешь?
— Да скажу я!.. Нехорошо —
но старухе разве откажешь?
Мою родственницу, Айхан,
на леченье свели — к ишану...

О, как жарко заполыхал
ком в груди!
Как растекся жаром!

— Где она? Отвечай!!
— Да там...
Видишь — вот он, пролом в дувале...

Сердце, сердце, бедный дутар,
на котором струны порвали!
Он привязывает коня
у дувала —
и в гущу сада.
Ни движения, ни огня.
Затаился сад, как засада.
Вдруг—сквозь щель — осторожный свет.
Зданье — зверем на низких лапах.
Он ноздрями ловит, как след,
тошнотворный и горький запах.
И — рывком к себе дверь...
Рекой
гнилость сладкая накатила,
и глаза он прикрыл рукой
от кошмара этой картины:
полупьяный толстый ишан,
важной птицей казаться силясь,
на подушках полулежал —
и Айхан перед ним склонилась!
Люди в белом,
все босиком...
— Кто там?!
А-а-а... это ты, бесстыжий!
И сюда явился, селькор!..
В самый раз пришел. Заходи же!
Для тебя готов достархан.
Встретьте гостя! Что, онемели?

— Что ты делаешь здесь, Айхан?!
Уходи отсюда немедля!
Отпустите девушку!..
— Нет,
и зачем мы его впустили?..
Здесь же, парень, не сельсовет —
тут приказы твои
не в силе!
Ишь, чего теперь захотел —
надсмеяться над долей вдовьей!..
Нет!
Писаний твоих и дел
мы уже наглотались вдоволь!
С нас довольно...
Бей его!!!
Враз
свет погас,
и в кромешном мраке
вскрик, сопенье, обрывки фраз —
все слилось
в безумии драки.
«Вот... схватили...»
«Веревку!»
«Вот...»
И в последней,
смертной заботе:
— Врете, сволочи... час придет...
Все равно вы...
всех не убьете...

А заря
над округой всей
начинает алые речи.
У развилки
двое друзей
ждут
назначенной третьим встречи.
И клубится и тает мрак
над рассветными облаками.
И —
как кровью смоченный —
флаг
гордо вьется
над Балаканом.

ЭПИЛОГ

К тебе, родимое село,
я возвращаюсь на рассветах,
когда на улицах серо
от первых утренних разведок,
и треплет ветер темь ночей,
на серых стенах распиная,
и очертания точней,
и явственней воспоминанья.
Так важно сердцу моему
увидеть двор и дом родимый,
к ним возвратиться наяву,
как к юности невозвратимой!
Чинар,
и столб перевитой
айвана пыльного,
и лето,
где шепчут вербы над водой
стихи их верного поэта,
и карагач еще стоит
зеленым стражем,
в землю врытым,
и утомленно, как старик,
кетмень заносит
над арыком...

Иду по улицам твоим,
где тени прошлого сновали,
как лихорадкою, томим
неугомонным узнаваньем.
И пусть не вспомнить мне всего,
что смыто
лет и лиц уходом,
но ты, родимое село,
лишь молодело год за годом...
А я сквозь пестрое стекло
следил за буднями твоими,
и сердцу делалось тепло,
когда твое звучало имя.
Когда, решая давний спор
трудом,
не знающим уловок,
ты завершало трудный сбор —
выигрывало
бой за хлопок...
Мне словно голос твой звучал,
когда, внимание утроив,
своих друзей-односельчан
я различал
в ряду героев —
тех школьников, тех пастушат,
войска в немыслимых доспехах,
с кем я бахчи опустошал
иль охранял
от злых набегов!..
И как-то, средь газетных фраз,
с листа, обвисшего понуро,
мелькнуло имя...
Точно враз
все окна бурей распахнуло!
Забытый отзвук детских лет,
рожденный пулей или сталью,
мгновенный, стертый в небе след,
который молнией оставлен!

Когда я слышал в первый раз
рассказ
о том корреспонденте?..
Шептались взрослые, а дети
лишь подбирали крохи фраз.
Дымился полдень золотой,
слова корежились от гнева,
белесое от солнца небо
дышало болью и бедой.
Кто был убийцею? Гадали...
И вот
через десятки лет
меня привел обратно след,
давно затоптанный годами!
Но память, в сущности, тесна...
Где в ней
укрыться от ошибок?
Лишь ты на страже,
желтизна
газетных выцветших подшивок!..

И я отправился в архив.
Я изучил подшивок сонмы.
Я даже, кажется, охрип
от крика
непроизнесенных
всех этих яростных речей,
всех этих пламенных заметок,
где жив
бессонный пыл ночей,
пожертвованных беззаветно,
тех,
где не слишком точен слог
и откровенья безыменны —
и только время
между строк
несет дежурство
без замены...
Мы здесь — наедине с тобой,
газетная моя страница.
Скажи мне: чей удел сравнится
с твоею странною судьбой?
Ты день собою начала,
но завтра новый будет начат,
и все опять переиначат,
а что в заботах новых значит
нас волновавшее вчера?..

Но из открытых уст газет,
с прогнувшихся дощатых полок,
ко мне доносится ответ,
пронизывая пыли полог:
«Все так... и все же в этом ложь.
Свой срок прожившие не праздно,
мы память века!
И напрасно
ты тут над нами слезы льешь.
Мы семена! Пока мы здесь,
забвенью не переупрямить
ни правду времени,
ни память
разбуженных людских сердец!
И в них,
неслыханно сильна,
она пускает корни скоро —
как имя мертвого селькора
в названье школы
и села...»

Кисловодск — Ургенч.

Авторизованный перевод с узбекского Александра НАУМОВА.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ТАДЖИКИСТАН

Б. СМИРНОВ, фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

НУРЕК ГОВОРИТ СО ВСЕЙ СТРАНОЙ

Строители Нурекской ГЭС обязались сдать в эксплуатацию первые два энергетических агрегата станции 22 декабря 1972 года, в преддверии празднования 50-летия образования СССР. Ввод в строй Нурекского электрического гиганта даст новый импульс развитию народного хозяйства среднеазиатских республик. Строительство Нурекской ГЭС стало символом братской дружбы народов нашей страны. О людях Нурека, об их делах — наш рассказ.

«Тот полночи потеряет, кто в Нуреке телефона ожидает»,— начертал какой-то остряк в переговорном пункте. На стенах писать, конечно, нехорошо, хотя автор, в общем-то, прав: дозвониться куда-либо из Нурека трудно. В крохотной комнате с телефонной будкой умещаются всего четыре-пять человек, и, пока телефонистка вызывает Нальчик или Пермь, остальные клиенты на завалинке неторопливо попыхивают в темноте сигаретками, благо что ночи здесь среди зимы теплые, как в той же Перми летом. Слева шумят горные воды Вахша, справа ревут на шоссе самосвалы, а небо над горами полыхает отсветами стройки.

— Кто ждет Ульяновскую область? — кричит дежурная, и счастливец бросается в телефонную кабину, тонкие стенки которой совершенно не способны сохранить тайну переговоров.

— Галка, ты слышишь меня? Приезжай, я уже столько жду... Мне комнату в общежитии обещают...

Парни в спецовках, сидящие тут же, в «переговорке», смущенно барабанят пальцами по истертому столику: и слушать вроде нехорошо, и деться некуда... Сейчас придет их черед, и чей-то хрипловатый голос опять понесется через тысячи километров в Россию, Прибалтику, за Уральский хребет... И мамы, Люси, Маруси, Валентины где-то в далеких городах узнают, что здесь, в Нуреке, все нормально, работы много, что их Толики и Николаи уже насыпают плотину и монтируют в здании ГЭС спиральную камеру. «Что, что?» — переспрашивает мама, не искушенная в гидротехнике, и голос из Нурека торопливо объясняет: «Это такая часть турбины, ты в газетах почитай, а то минуты идут...»

Сменяются разговоры, сменяются города. По заказам телефонной станции можно изучить географию всей страны. А в темноте все перемигиваются огоньки сигарет. Каждый парень думает о своем доме. Или о стройке, которая собрала их всех здесь, под горными звездами. Совсем недавно они были москвичами, днепропетровцами, иркутянами, а теперь вот жители Нурека и трудятся здесь, на таджикской земле, до седьмого пота, чтобы в срок построить ГЭС. Такие стройки — дело общее, и ничего удивительного тут нет. Утром, когда у парней начнется рабочая смена, телефон опять соединит Нурек с десятками городов: с Харьковом, где изготовляются нурекские турбины, с Жодином, что в Белоруссии,— оттуда идут сюда мощные самосвалы — БелАЗы, с проектирующим Нурекскую ГЭС Ташкентом, с Москвой, Свердловском, Красноярском, и уже не родственники, не друзья возьмут телефонные трубки, а директора заводов, ученые, инженеры, хозяйственники, и все разговоры будут очень важными, потому что таджикская стройка стала заботой многих республик. Одним словом, дело общее!

Так что, если разобраться, место это — переговорный пункт в Нуреке — не просто интересное, но тоже важное...

* * *

Впервые я побывал в Нуреке лет семь назад. Ехать в то время надо было по старой, извилистой дороге через перевал. Помню, в автобусе разговорился с попутчиком, смешливым бульдозеристом Серегой, и долго расспрашивал, что это за стройка — Нурек, как на ней живется. Спрашивал, как встретили строителей-новоселов.

— Встретили хорошо, радушно,— говорил бульдозерист. — Ребята здесь смышленые. Правда, с техникой им на первых порах трудно приходилось: мы за рулем да за рычагами, считай, с малых лет, уже в Братске ГЭС поставили, а для таджикских парней тяжелые машины сначала были в новинку.

— А бульдозеристы, экскаваторщики среди них есть?

— Бульдозеристы есть, а вот про экскаваторщиков что-то не слыхал. Экскаватор — машина серьезная, на ней, брат, чтобы работать, надо долго учиться. Но мы научим, поможем. Приезжай через год-другой — кого хочешь найдешь здесь, по любой специальности...

И Серега на весь автобус запел какую-то неизвестную мне песню о том, как он приедет в Нурек и назовет таджика своим братом. Кажется, в тот раз я так и не узнал, есть ли на стройке таджик-экскаваторщик. А сейчас, семь лет спустя, на стройке нам посоветовали поговорить с Сафаром Рахимовым, машинистом экскаватора, уроженцем здешних мест. Да, Серега, ты как в воду глядел!..

Искать Рахимова мы отправились на плотину на попутном КРАЗе — по шоссе, через тоннель в горе, потом по серпантину горы из щебня, натасканного самосвалами, и очутились над котлованом, который сверху напоминал небольшой, зажатый скалами аэродром. Только на красноватом «летном поле» этого «аэродрома» были не самолеты, а тракторы, экскаваторы, краны, самосвалы, бульдозеры, грейдеры, грузовики, пикапы... Все машины и механизмы ревели моторами и перемещались в разных направлениях, но в этом беспорядочном на первый взгляд движении чувствовался какой-то свой ритм, угадывалась определенная целенаправленность. Именно здесь, в котловане, метр за метром растет одна из самых высоких в мире плотин с бетонной сердцевиной — пробкой. Это сейчас мы смотрим на плотину сверху вниз, а потом-то на ее вершину придется смотреть, уже задрав голову...

Сафара Рахимова найти оказалось не так-то просто. В тот день он уехал на пленум ЦК комсомола Таджикистана, потом задержался в Душанбе на слете ударников... Мы уже отчаялись его найти, когда нас вдруг остановил прораб: «Вы искали Рахимова? Вот он, сюда идет!» Сафар оказался высоким, худощавым парнем, чуть угловатым, очень застенчивым. Член ЦК комсомола республики — это, с одной стороны, большая честь, а с другой стороны — заседания, выступления, командировки, подчас за счет отдыха и работы.

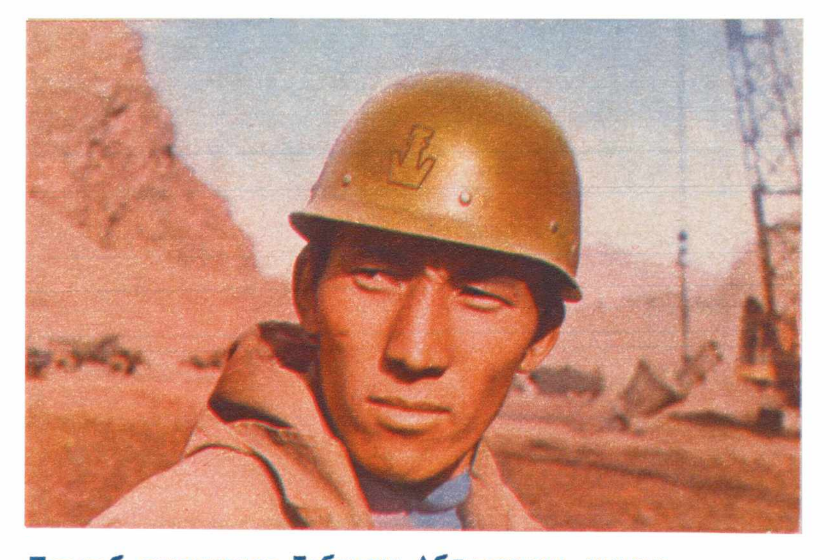
— Перед сменщиками бывает неудобно,— говорит смущенно Сафар,— они за меня часто перерабатывают, но никогда не упрекают...

Здесь, на пробке, для Сафара привычная стихия. Он садится за рычаги, и экскаватор, переоборудованный сейчас в подъемный кран, включается в общий, понятный лишь посвященным людям ритм стройки. С чудесной легкостью кран поднимает огромные, величиной с вагон, сплетения стальной арматуры, с ювелирной точностью опускает их на предназначенное место, и к концу смены конструкции, которые держала «рука» крана, уже навечно вмонтированы в тело будущей плотины. Сафар прыгает с железной громады на землю, вытирает ру-

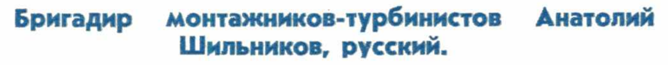
Нурекскую ГЭС строят представители сорока двух национальностей нашей страны. На снимке: электросварщик Павел Цыбулин, русский; реечник Борис Шмырев, русский; плотник-бетонщик Шарифулла Валиулин, башкир; электросварщик Мурод Боев, таджик; геодезист Валентина Мартыненко, русская; гидромонтажник Ганиш Абдрахманов, казах.

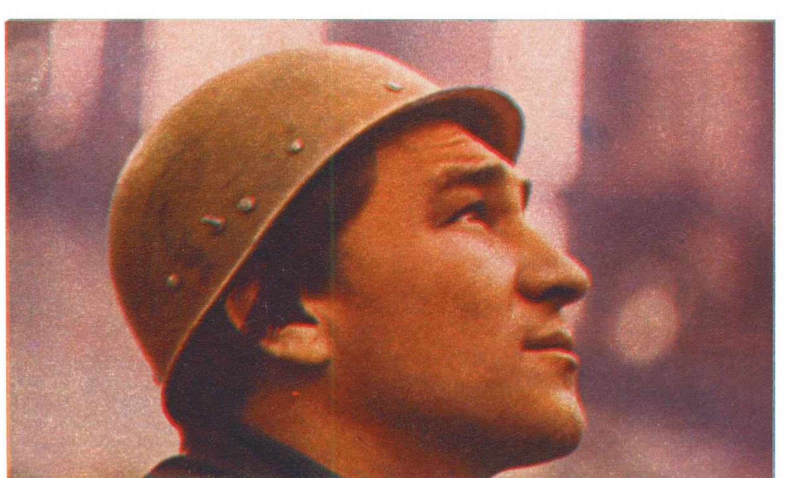
Бригадир водителей Василий Рыбыдак, украинец.

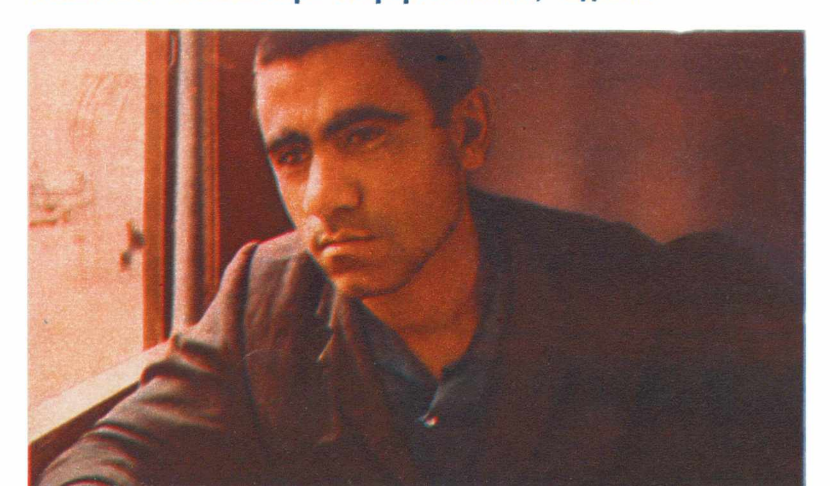
Прораб скалолазов Табалды Абдразаков, киргиз.

Бригадир монтажников-турбинистов Анатолий Шильников, русский.

Машинист экскаватора Сафар Рахимов, таджик.

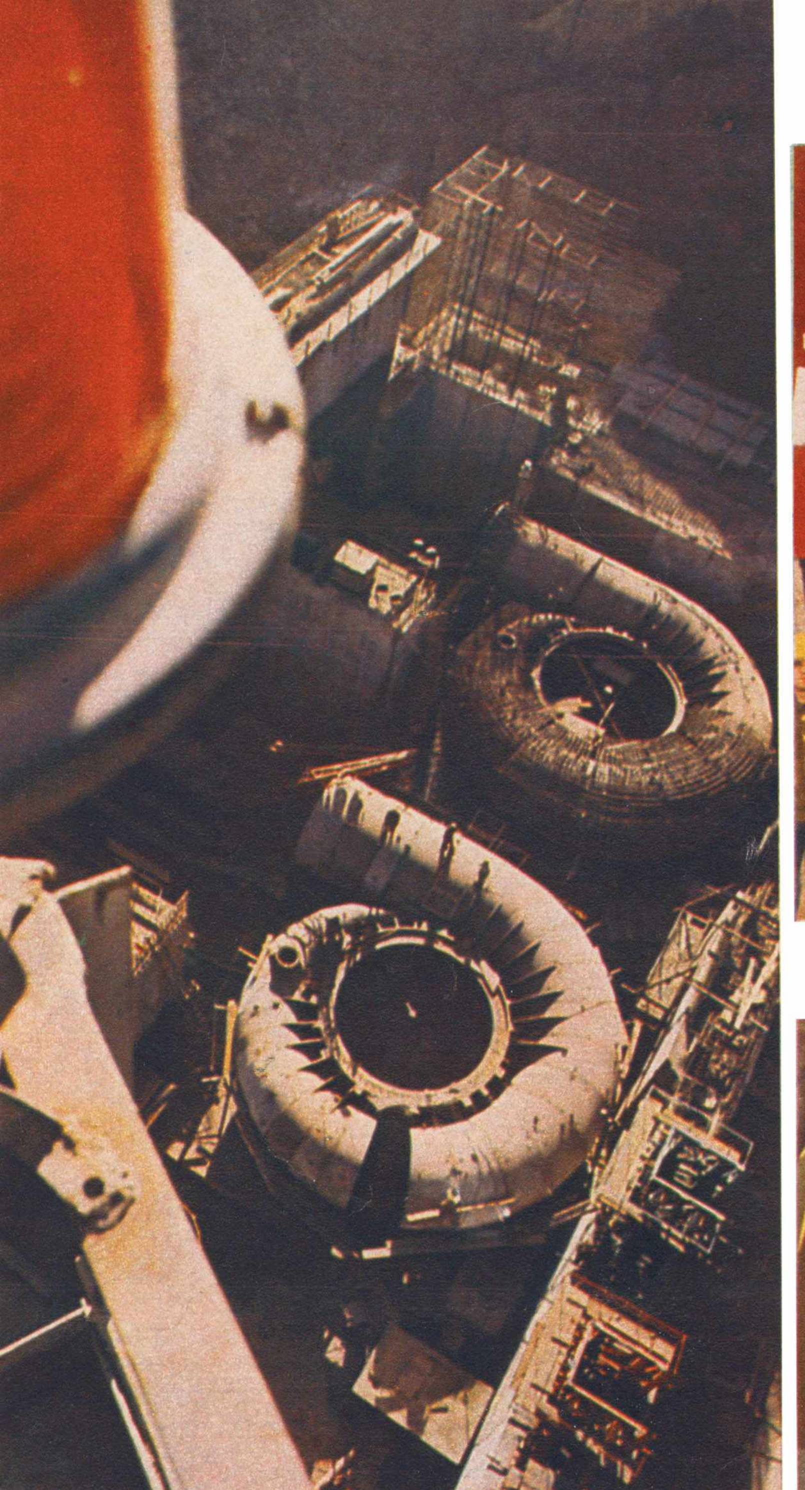

Еще выше того места, где завис сейчас скалолаз Владимир Морозов, поднимется трехсотметровая насыпная плотина.

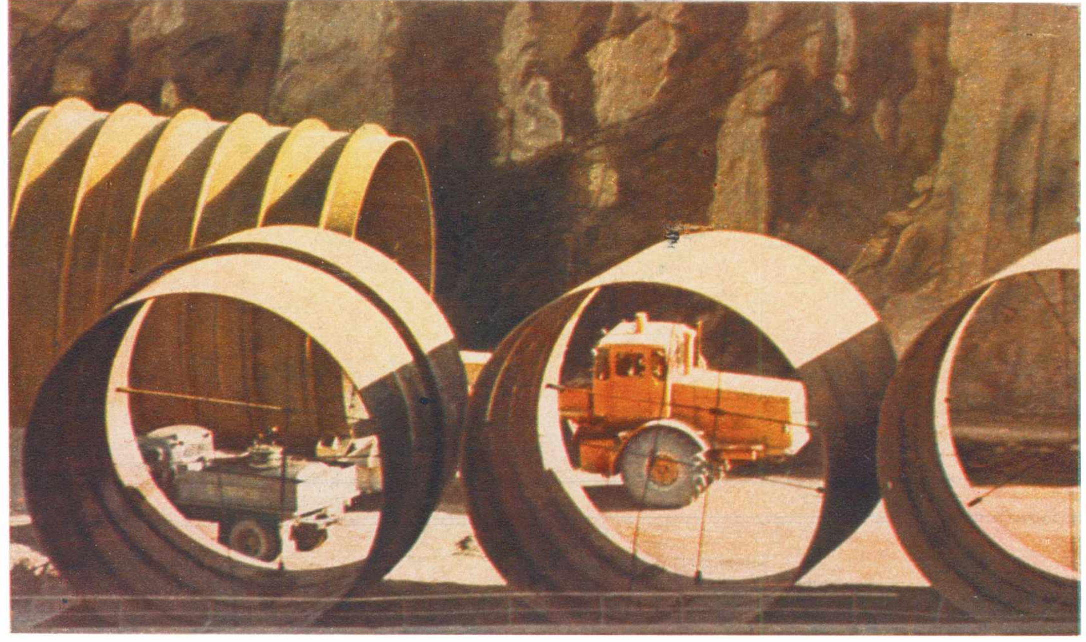
В бывшем русле старого Вахша растет здание ГЭС.

Идет монтаж спиральных камер и турбинных водоводов.

НУРЕКЧАНЕ!
ДАДИМ ПЕРВЫЕ АГРЕГАТЫ
НУРЕКСКОЙ ГЭС К 22 ДЕКАБРЯ 1972 г.!

Будни Нурека.

Ежедневно собираются на «планерках» командиры строительства.

Растет и строится город Нурек.

ки ветошью, и опять перед нами обычный таджикский парень, каких встретишь здесь в любом кишлаке.

Но все же... В его походке, в его движениях были какие-то неуловимые черточки, свойственные людям, связанным с техникой. Даже то, как Сафар вытирал ветошью руки, выдавало в нем механика, но никак не чабана, не скотовода.

— Здесь, на стройке, работает много таджиков,— рассказывал Сафар,— и среди них много шоферов, монтажников, бетонщиков. Вон Камол Хамсариев, бригадир бетонщиков,— он сейчас известный человек, орденами награжден, а был пастухом. Пастухи тоже нужны, я понимаю, но пастухами таджики были всегда, а Нурек создает для Таджикистана и первое поколение рабочих-гидростроителей...

Мы съездили в покинутый кишлак Туткаул. Это совсем недалеко от растущей ГЭС. Стоят над Вахшем опустевшие глинобитные жилища кишлака, потихоньку рассыпаются невысокие изгороди — дувалы.

— Через год вода все затопит. Верхняя отметка будет вон у того выступа,— показывает Сафар высоко вверх, и глаза его становятся печальными.

Здесь он родился, вырос, здесь жил его дед, загубленный басмачами. Долгое время мир Сафара был ограничен вот этими скалами, и все, что было за их пределами, казалось ему чужим и недоступным. Но однажды в жизнь кишлака вошло новое слово — «ГЭС». Стариков тревожили перемены, а молодежь бегала смотреть, как в селение Нурек съезжаются большие машины. В тихом Пулисангинском ущелье загремели взрывы, в Нуреке начали строиться большие дома для приезжавших рабочих, и жизнь в кишлаке вдруг стала стремительной, веселой и немного тревожной: старикам предложили выбрать место для нового Туткаула, потому что старый кишлак вместе с домами, с дорогой, со скалами уйдет на дно моря...

Многие сверстники Сафара пошли работать на стройку, и сам он после окончания школы поехал учиться на курсы машинистов экскаватора. Потом, уже начав работать, Сафар долго не мог избавиться от ощущения, что огромный экскаватор работает сам по себе и что такому тихому пареньку никогда не справиться с этой машиной. «Не робей,— говорил ему экскаваторщик Миша Кузнецов, веселый парень из Сибири.— Чувствуй себя за рычагами, как джигит на коне!»

Однажды Сафар увидел, как трое пожилых аксакалов издали следят за работой его экскаватора. Они стояли долго, словно оглушенные лязгом металла, и очень удивились, когда из кабины вышел Сафар. Теперь Сафар точно не помнит, о чем спрашивали тогда его старики — откуда родом, кто отец, трудно ли работать на этой машине? — помнит только, что аксакалы разговаривали с ним очень почтительно. И это вдруг поразило Сафара: он, мальчишка, вызывает уважение у старых людей! Он с детства знал, как трудно заслужить уважение аксакалов...

Теперь Сафар все чаще слышал, как его хвалят на стройке, да и сам экскаватор, словно признав хозяина, уже легко подчинялся ему. А потом вслед за уважением пришел к передовику почет. Все в жизни изменилось, и теперь уже детство в кишлаке казалось далеким, словно виденным где-то в кино.

Сафар живет в Новом Туткауле, в аккуратном большом поселке километрах в трех от Нурека, ставшего городом.

— Мы люди земли, и нам трудно уйти от земли в большие дома города,— говорил нам отец Сафара, пенсионер, бывший председатель колхоза.— Мы-то старики, а дети наши не похожи на нас. Стройка совсем изменила таджиков. Мы всегда думали, что таджики созданы для гор, а наши дети поменяли чалмы на каски, а баранов — на самосвалы. Я не сержусь, нет, наши дети теперь знают больше отцов. И среди нас, стариков, самый гордый сейчас тот, чей сын — самый хороший строитель. Я горжусь Сафаром. Сафар — хороший парень...

Ранним утром загорается свет в окнах Нового Туткаула. Гремят по тротуарам тяжелые сапоги. У живущих в поселке монтажников, проходчиков, бетонщиков и шоферов скоро начнется смена. Ровно в семь утра к крайним домам подходит рабочий автобус. По дороге кто-то дремлет, нахлобучив каску почти на глаза, кто-то рассказывает смешные истории. И скоро смех заполняет уже весь автобус...

* * *

...Беспокойную натуру Валерий Низамович Мухамадиев, главный инженер строительного управления ГЭС, унаследовал от отца. Тот по делам службы перебрался из Узбекистана в Таджикистан да так и остался в этой республике. Валерий вырос в Душанбе, окончил Московский инженерно-строительный институт, стал работать в проектной организации. Все складывалось, как принято говорить, удачно. Но он знал: кабинетного работника из него не выйдет. Валерий познакомился с перспективной разработкой проекта Нурекской ГЭС и решил ехать туда, потому что все равно бы уехал — не сюда, так в другое место, но обязательно на стройку.

Итак, Нурек. Навсегда запомнилось Валерию, как выглядели эти места тогда, десять лет назад. Пустынная долина Вахша. Низенькие домики селения. И нагромождения скал на том месте, где, как знал Валерий, должна подняться ГЭС. Просто не верилось, что здесь, в глухом районе Таджикистана, возможно сделать все, что задумано проектом: остановить бурную горную реку, проложить в скалах десятки километров тоннелей, срыть часть горы и насыпать трехсотметровую плотину, построить здание ГЭС, город Нурек... Эти планы казались просто нереальными, но Валерий знал, что строительство Нурекской ГЭС выходит далеко за рамки одной республики. Только всей страной, только в братском союзе можно поднять такую махину...

Нурек с самого начала был стройкой интернациональной. Костяк коллектива сложился из сибиряков, ребят, приехавших с Братской ГЭС во всеоружии своего опыта, с традициями бывалых гидростроителей. Приезжали целые отряды по комсомольским путевкам, приезжали поодиночке: кто — издалека, кто — из соседних республик.

— Сначала коллектива как такового не было, и первое, чего мы добивались,— сцементировать людей одной идеей: надо построить ГЭС! — рассказывал Валерий.

В Нуреке образовалась «община» мисийцев — таких же, как Валерий, выпускников Московского инженерно-строительного института — МИСИ. Для них, молодых специалистов, такая интересная стройка была просто находкой: тесное ущелье, труднодоступная

В. Н. Мухамадиев.

местность, оригинальность проекта... Некоторых все эти сложности повергали в уныние, но Валерия и других мисийцев трудности не пугали.

А было действительно трудно. Место в вагончике считалось роскошью. После дождей ходить можно было лишь по следу бульдозера. Строили первые дома, тротуары, дороги. Кое-кто роптал: «Я гидростроитель, а не дорожник!» — и скоро убеждался, что гидростроитель — это прежде всего просто строитель: плотин, домов, дорог, тротуаров, мостов...

Испытаний впереди было много. Проверялись знания, характеры, воля. Валерий делал свои важнейшие выводы: стройка — это взаимоотношения людей, опыт, закалка нервов. Однажды на его участке испортился вибратор на бетонной бадье, а машины с раствором стояли длинной очередью. Бросились к другой бадье, а на ней какой-то негодяй срезал кабель. Валерий побежал к третьей бадье, метров за пятьдесят, крикнул шоферам: «Помогите!» Кто-то сквозь зажатую в зубах сигарету равнодушно процедил: «Придет бульдозер — подтащит!»

— Глупо, конечно,— вспоминает Валерий.— Это было грубейшее нарушение техники безопасности, но тогда в ярости я решил заменить собой бульдозер. Стал толкать коромысло бадьи, оно поддалось, я не удержался и полетел на землю. Стальная дуга весом в десятки килограммов с размаху рубанула мне по ноге. Помню дикую боль, помню, как разрубило сапог. А потом, когда меня увезли, несколько человек подтащили эту проклятую бадью. Подействовало-таки...

Ногу надолго сковал гипс. Но все же эти месяцы в памяти Валерия остались светлыми и радостными: как раз в то время он женился. Молодоженам дали комнату — целых 4,8 квадратных метра, на которых поместились стол, тумбочка, кровать — для стула места уже не нашлось. Гостей принимали в палисаднике...

Сейчас семья Мухамадиева — Валерий, Римма, маленькая Динара — живет в центре Нурека, живет в двухкомнатной квартире. Мы были в гостях у Валерия.

В Нуреке я обнаружил повальную склонность к собирательству: одни хранят дома камешки со дна Вахша, другие коллекционируют «нурекские» вырезки из газет и журналов, третьи оставляли на память какие-то предметы, связанные с различными этапами строительства ГЭС. А у Мухамадиевых ничего такого я не заметил...

— Неужели за столько лет вы не нашли в Нуреке ни одного сувенира? — спросил я у Валерия.

Он удивился:

— Нет... Я как-то не думал об этом. И зачем? Самый лучший сувенир — сама Нурекская ГЭС.

Валерий долго и увлеченно рассказывает о ГЭС, о том, как нужна энергия Нурека всем среднеазиатским республикам. Сейчас электростанции Средней Азии, в основном ТЭЦ Узбекистана, с трудом выдерживают все возрастающую нагрузку: повсюду идут стройки, всем необходимо электричество.

— Значит, вы, узбек, выручите и свою республику, когда построите ГЭС в Таджикистане? — спрашиваю я.

— Ну, конечно! — смеется Валерий.— А заодно и Киргизию, и Туркмению, и Казахстан... Нурекская электроэнергия, кроме того, поможет оросить миллионы гектаров засушливых земель: мощные насосы будут подавать воду в такие районы, куда ее невозможно направить самотеком. А наводнения? Низовья Аму-Дарьи сейчас регулярно затопляют паводки, и Нурекская плотина поможет отрегулировать водный режим этой реки. Но особенно важна эта ГЭС для земли, на которой она строится. Таджикистан сразу выдвинется как крупный энергетический район. Круто изменится характер ведения хозяйства Таджикистана. Появится возможность создания новых крупных энергоемких промышленных комплексов, действующие предприятия получат резервы для роста. Республика готовится к пуску ГЭС. Уже сейчас полным ходом идет строительство электрохимического комбината в Яване, алюминиевого завода в Регаре...

И все же есть у Валерия сувениры. Это десятилетней давности фотографии пустынного, необжитого Пулисангинского ущелья. Что же, такие снимки надо хранить — для истории.

ПО ДАЛЕКИМ ЗЕМЛЯМ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ

Петря **ДАРИЕНКО**

Мое знакомство с Австралией началось с города Перта.

Нас тепло встречают представители местного профсоюза рабочих полиграфической промышленности. Геннадий Пятаков и Николай Кузнецов, ответственные сотрудники ЦК профсоюза работников культуры, и автор этих строк — их гости.

Перт — город большой, чистый. Много машин. Расположен на юге Западной Австралии, на берегу Индийского океана.

Австралийские друзья знакомили нас с городом, показывали предприятия полиграфической промышленности, устраивали встречи с рабочими и с предпринимателями.

Профсоюзные работники Перта часто приглашали нас в гости к себе домой. Принимали по-дружески, откровенно рассказывали о положении рабочих-полиграфистов Австралии, о необходимости установления более тесных контактов. Кроме Перта, мы побывали в других городах Австралии — Аделаиде, Сиднее, Мельбурне.

Обычно на каждой встрече возникал разговор о театре, цирке, музыке, телевидении. В Аделаиде так же, как в Перте, театров нет. Театральные помещения есть, но постоянных коллективов нет. «У нас телевидение,— говорили наши друзья,— удовлетворяет все запросы населения. Но, к сожалению, мы смотрим только американские фильмы; свой кинематограф только рождается...»

Да, действительно, телевидение передает постоянно американские «боевики», грубые, циничные картины разврата и садизма.

В Мельбурне нас встретили руководители местной организации профсоюза рабочих полиграфической промышленности Э. Хейнц и А. Кехил.

— Работаю линотипистом в издательстве, которое выпускает религиозные книги,— рассказывает А. Кехил, которому 66 лет.— Получаю в неделю 44 австралийских доллара. Если уйду на пенсию, то должен получать 14 долларов в неделю. Но поскольку жена еще в сравнительно молодом возрасте, мне положена лишь половина этой суммы. Разве я смогу прожить? Поэтому вынужден работать, как говорится, до последнего... Читаю русскую литературу... Вы завоевали всемирную любовь своей революцией и победой во второй мировой войне. Ваши победы открыли вам сердца всех народов. Австралийский народ также высоко ценит подвиги вашего народа.

В Сиднейском клубе профсоюза полиграфистов активист местной организации Брус познакомил нас со своими коллегами. В их числе был Хал Александер, секретарь профсоюза актеров. Он рассказал о том, что их профсоюз объединяет пять тысяч актеров театра, радио, телевидения. Александер пригласил нас посетить их оффис. Здесь снова возникла беседа о популярности советского искусства. На советские фильмы или концерты советских артистов достать билеты очень трудно. Когда мы находились в Сиднее, то видели, что все улицы заклеены афишами: предстояли гастроли ансамбля песни и пляски Грузии. Все билеты были давно распроданы. Наши хозяева выражали сожаление, что в Австралию редко приезжают советские мастера искусства.

В Сиднее мы побывали в театре «Рояль». После спектакля встретились с актерами. Артисты забросали нас вопросами: какие у нас условия для учебы? Можно ли молодому актеру свободно устроиться на работу? Ведущий артист театра, американец, ранее снимавшийся в Голливуде, Х. Гордон сказал, что собирается поехать в Европу и намерен обязательно побывать в Польше, где, как он слышал, хорошо поставлена подготовка киноактеров. Мы посоветовали ему посетить и Советский Союз, где он также смог бы познакомиться с традицией подготовки творческих кадров для кино. «Да,— воскликнул Гордон,— я знаю! Но разве я могу попасть в Советский Союз! Я же американец». Что в таких случаях отвечать? Приходилось только удивляться, как обманывает даже умных людей антисоветская пропаганда.

Когда мы собирались в театр, нас предупредили, что покажут спектакль «по сочинению одного классика о положении евреев в России». Оказалось, что речь шла о Шолом-Алейхеме. Но его произведение было самым бессовестным образом тенденциозно извращено в угоду сионистской пропаганде. Время действия не указано. Умный шолом-алейхемовский юмор спекулятивно использован в антисоветских целях. Смотря этот спектакль, я вспомнил о том, как недавно ездил в свое родное село Долинское. Село наше большое, там издавна вместе с молдаванами живут русские, украинцы, евреи, болгары, цыгане. Даже в старые времена жили хотя и очень трудно, но всегда дружно. И если уж нужда заставляла брать в руки топор или ружье, то не для того, чтобы драться между собой, а чтобы вместе сражаться за лучшую долю для всех бедных. А когда свергли и прогнали угнетателей, вместе создали колхоз, вместе строили новую жизнь. Пришла война. Гитлеровцы захватили наше село, схватили группу евреев и коммунистов разных национальностей. За селом недалеко от леса всех расстреляли. Тогда отец мой, Степан Онуфриевич, прибежал к соседу Василию и сказал: «Запомни! Это фашистам не забудется, не простится. Они заплатят за все». Потом отец мой, крестьянин с двухклассным образованием, перебираясь через линию фронта, погиб, оставив шестерых детей. За что погиб? За Советскую власть, за дом, за дружбу людей. Она для него была святой.

Вот о чем думал я, когда смотрел этот странный спектакль в Сиднее.

Немало говорят в Австралии о строительстве сиднейского оперного театра. Австралийцы шутят: он не самый, конечно, красивый в мире, но безусловно самый дорогой. Я видел недостроенное здание оригинальной конструкции. Никто не знает, когда же театр будет готов.

— Я читал в газете «Московские новости»,— говорил нам Александер,— о том, сколько у вас театров. Фантастически много. Вам не понять, почему их, по существу, нет у нас...

Первая мечта у актера, говорили нам в Австралии,— это иметь работу. Актеры горько шутят между собой:

— Когда у тебя выходной?

— Работу не всегда найду, а что касается выходных, их у меня сколько угодно.

Александер, тяжело вздыхая, говорит:

— Такова жизнь в капиталистическом обществе. Тут и культура становится частной собственностью. Все продается и покупается.

— В доме, где я живу,— поддержал его другой профсоюзный деятель,— много детей. Если я не поведу их хоть раз в театр, они так и не узнают, что это такое. А как вести детей на наши представления? Кем дети вырастут? Капитализм всем торгует. Он с малых лет чудовищно уродует их души, их судьбы.

— А как готовятся кадры для искусства, вы знаете?— спросил Александер.— В Австралии всего лишь один театральный институт. Программа его рассчитана на 2—3 учебных года. В нем всего 75 студентов. И это учреждение именуется национальным институтом! В Сиднее есть консерватория с очень высокой платой за обучение. Мельбурн же имеет музыкальное учебное заведение, где готовят только рядовых исполнителей. В стране два государственных драматических театра, каждый с труппой из 12—16 актеров, две государственные компании — одна балетная, другая оперная. У них есть труппы, но нет помещений.

Наши хозяева стремились показать нам как можно больше, познакомить со своими товарищами по жизни, работе и борьбе.

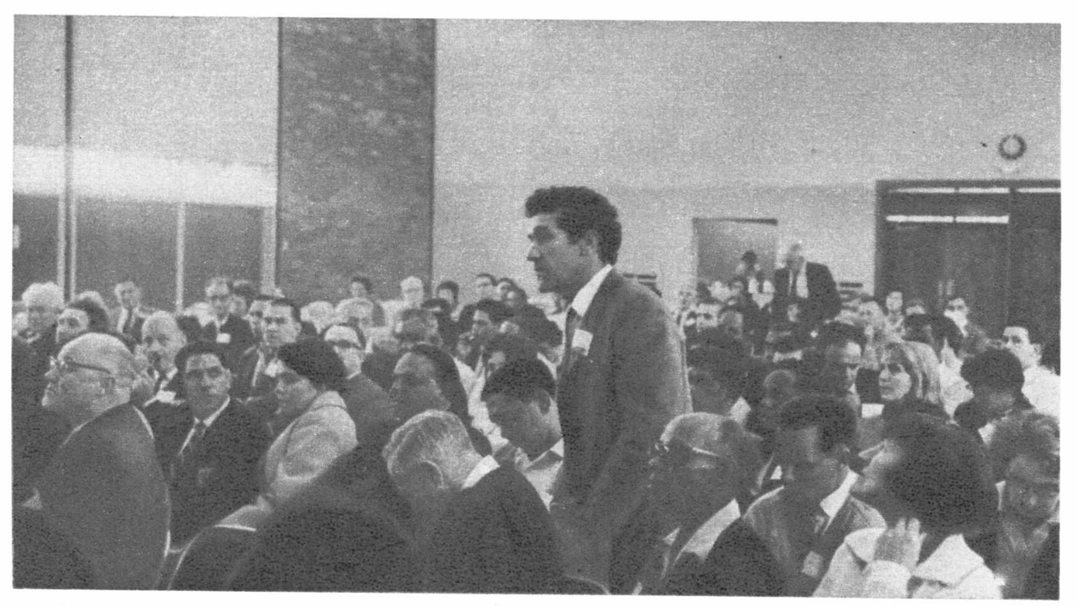
Нет нужды подробно описывать все типографии, издательства, учебные заведения, готовящие полиграфистов, собрания и приемы, на которых мы побывали. Остановлюсь еще на одном грустном рассказе, который поведал нам Эрнст Хейнц.

— Я принадлежу к людям среднего достатка. Сейчас живу неплохо. И вместе с тем постоянно испытываю чувство страха: в любой момент по одному движению указательного пальца предпринимателя могу быть выброшен на улицу. Как видите, мое благополучие весьма кажущееся: оно никем и ничем не гарантировано.

Часто в беседах возникала тема заработной платы, медицинского обслуживания, учебы. Как живет, например, линотипист?

— Линотипист в газетном производстве получает 80 долларов в неделю, а в книжном меньше — 61 — 66 долларов,— объяснили нам в Аделаиде.— Печатники, переплетчики, ручные наборщики в газетном — 76 долларов, в книжном — 56.

На первый взгляд получается не так мало. Но из этой суммы высчитываются различные налоги, баснословно дорого стоит квартира, учеба

Конференция австралийской общественности в Канберре за равные права аборигенов.

Фото Ю. Яснева.

Всюду тебя узнавали, в любой из дальних сторон.
Но только были напрасны слава и гром похвал —
Ты задыхался в правилах, которые белый писал.
Ты не нарушил закона племени и земли,
Гласящего: корку сухую с братом своим раздели.
Чего же они хотели — те, кто в твоем дому
Тебя окружили почетом и посадили в тюрьму?
Вокруг твоего искусства сколько велось болтовни,—
Гением называя, тебя погубили они.

Поэтесса далее пишет:

Белые люди, лишь время
Вас отделяет от нас.
Когда-то, одетые в шкуры, вы жили в пещерах,
Боялись всего непонятного, голода, мрака.
Оглянитесь, была и у вас Алкаринга [1],
Гром и молнии вас трепетать заставляли,
Одиноких, беспомощных.

Мне нравится могучее стихотворение Кэт Уолкер «Утренний плач о мертвых», которое заключается такими строками:

И вот уж все племя
Плачет о мертвых, о бедных мертвых,
Ушедших от нас во Мрак.
Мы помним, помним о них.
Но хватит. Теперь надо жить.
Зажигайте костры и смейтесь —
Наступающий день зовет.

детей, медицинское обслуживание. Если рабочий заболел и пролежал в госпитале всего одну неделю, он должен заплатить 90 долларов!

Профсоюзы Австралии активно борются за снижение продолжительности рабочего дня, за повышение зарплаты, за уменьшение налогов, за увеличение пенсий. Экономическая борьба австралийского рабочего класса сочетается и с борьбой политической.

На стенах домов мы видели плакаты: «Освободить политзаключенных!», «Неграм — все права!», «Долой позорную войну во Вьетнаме!». На одном из приемов меня познакомили с седым, старым и усталым человеком, зовут его Кевин Томас. Он заговорил о своей любви к русской литературе, особенно к ее поэзии. Кевин Томас — рабочий, во второй мировой войне сражался в Северной Африке.

Томас с болью говорил:

— А мой сын до сих пор воюет. Во Вьетнаме. И я, поверьте, очень горько сожалею. Сожалею не только потому, что он мой сын, но и потому, что его заставили участвовать в войне несправедливой и позорной.

Я не встречал в Австралии ни одного человека, который не интересовался бы различными сторонами советской действительности, жизнью наших людей. Мне задавали вопросы:

— Сколько у вас платят за медицинское обслуживание? Сколько за учебу? Каков размер пенсии? Каким образом заключаются договора на предприятиях? Выходят ли газеты на всех языках народов СССР?

— А какие права имеет по отношению, например, к директору ваш профсоюз? — спросил нас один переплетчик.

— За нечуткое отношение к рабочим профсоюз может добиться его строгого наказания и даже снятия,— ответили мы.

— Интересно!— удивился переплетчик.

— А ваш профсоюз может добиться наказания владельца издательства, ну хотя бы за грубое попрание прав рабочих?— спросили мы.

— Немыслимое дело...— ответил переплетчик.— Издательство — его собственность. Он меня может выгнать с работы...

— А у нас директор без согласия профсоюза не имеет права уволить рабочего.

Нам не только задавали вопросы, но и жаловались на то, что в Австралии очень трудно достать советскую литературу.

— У нас в семье,— говорила мне жена профсоюзного активиста Бруса,— все с огромным уважением и любовью относятся к Советскому Союзу. Мы с мужем решили: пусть сын наш изучает русский язык, пусть изучает вашу страну. Но нигде не можем найти советских книг. Вообще-то говоря, у нас много книг о вашей стране, но это те, которые издаются в США и Англии. Вы, наверное, представляете себе, какие это «учебные» пособия...

То, что я раньше знал из книг, собираясь в Австралию, теперь увидел своими глазами. Да, действительно, аборигены не являются полноправными гражданами страны. Многие рестораны, церкви для них закрыты. В больницах отводятся специальные палаты, в кинотеатрах — худшие места, на улицах некоторых городов им запрещено появляться после установленного часа.

Население Австралии состоит из различных национальностей. Австралийские аборигены составляют наиболее древнюю его часть. Они пришли в Австралию из Южной и Юго-Восточной Азии задолго до того, как здесь появились европейцы. По официальным данным, в Австралии насчитывается свыше 52 тысяч аборигенов и 77 тысяч метисов. Образ жизни аборигенов неодинаков. Одни остаются бродячими охотниками, другие живут на окраинах городов, на фермах. Последние представляют собой постоянный источник дешевой неквалифицированной рабочей силы для австралийского капитала. Именно этим можно объяснить то сопротивление, которое оказывают австралийские монополии мерам, направленным к улучшению деловой жизни, труда и образования аборигенов, на проведении которых настаивают демократические силы страны.

Расовая дискриминация ведет к росту солидарности и развитию национального самосознания. Аборигены сейчас вступают в организованную борьбу за свои права. Мы были свидетелями того, как местная прогрессивная общественность активно выступает в поддержку этой борьбы. В последние годы в Австралии возникла целая сеть общественных организаций, которые борются за экономическую, политическую и правовую самостоятельность аборигенов.

В австралийских газетах часто можно увидеть статьи, подписанные видными журналистами, политическими и общественными деятелями. Они поднимают вопрос, который волнует всех,— предоставление аборигенам гражданских прав и свободы.

Аборигены... Я верю в их стойкость, в их освобождение; с ними передовые люди страны. Известный писатель Алан Маршалл, вице-президент Общества дружбы Австралия — СССР, отправился в пустынные и раскаленные районы Северной Австралии, на маленьком автомобиле проехал по бездорожью тысячи километров. Результатом его трудной поездки была книга о людях, поселившихся в Австралии с незапамятных времен. Это — сборник сказок и мифов — еще одно свидетельство талантливости этого народа. Алан Маршалл активно борется за права аборигенов. А где-то на окраине Брисбена живет талантливая поэтесса — Кэт Уолкер. Она с большим сочувствием пишет о трудной жизни своего народа. Хочется здесь привести ее стихотворение «Наматжира», которое она посвятила выдающемуся художнику Австралии аборигену Альберту Наматжире.

Гордый абориген, шагал с достоинством ты,
С радостью воссоздавал родимой страны черты.
Истинный человек, ты славой был окружен,

Наступающий день зовет. И он недалек, тот день, когда не только аборигены, не только все обездоленные, а и весь народ положит конец социальным и расовым несправедливостям.

...Теперь я еще позволю себе рассказать о господине Колине Колнборне, генеральном секретаре профсоюза рабочих полиграфической промышленности Австралии, члене парламента от лейбористской партии штата Новый Южный Уэльс. С ним мы познакомились в Мельбурне. Мы находились в кабинете Хейнца. Вошел худой, уже немолодой человек, Колин Колнборн. Он обнялся с Г. Пятаковым как со старым знакомым: в 1963 году во время приезда в СССР Пятаков сопровождал Колнборна в поездке по нашей стране. До своего знакомства с Советским Союзом он считал нашу страну «виновницей» всех экономических и политических бедствий. После полета Юрия Гагарина в космос Колнборн призадумался. Стал чаще встречаться с людьми, которые посещали Москву. Вскоре Колнборн получил приглашение ЦК профсоюза работников культуры посетить СССР. Его друзья (члены парламента и лидеры лейбористской партии) не советовали ему ехать. Но Колнборн принял другое решение. Он провел в нашей стране 22 дня и остался в восторге от всего, что увидел. Ему особенно понравились, говорил он нам, забота о людях, бесплатное медицинское обслуживание, детские ясли и сады, дворцы культуры, дома отдыха и санатории.

Уезжая из Москвы, Колнборн сказал: «У меня осталось твердое убеждение в том, что советский народ счастлив и искренне желает мира и борется за мир... Я увидел грандиозное строительство в вашей стране и большое стремление к миру, а самое главное, я встретил теплоту, внимание, искренность, и если выразить впечатления в нескольких словах, то вот они: большая страна. Большие люди».

После того, как мы побывали в Новой Зеландии, по пути в Сингапур сделали двухдневную остановку в Сиднее. В аэропорту нас встречал Колнборн. Вечером мы ужинали у него дома. Здесь продолжилась наша беседа.

— В вашем лице,— говорил он,— мы приобрели новых добрых советских друзей. Это, несомненно, принесет пользу дальнейшему укреплению контактов между нашими профсоюзами. Мы и впредь будем встречаться, чтобы постоянно содействовать улучшению отношений между нашими народами, сделать Австралию и СССР более близкими друзьями.

---

[1] Алкаринга — на языке аборигенов: давние времена.

«Гедду Габлер» репетируют Эугения Шулгайте, Дануте Видугирите и Донатас Банионис.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Новое здание Паневежисского театра с его подчеркнуто современными очертаниями, пожалуй, больше всего напоминает морской корабль, вдруг выплывший неведомо откуда на слегка всхолмленные берега тихой литовской речки Невежис... Сходство это возрастает в вечерних сумерках, когда, мелькая, словно черные птицы, стаи конькобежцев носятся по льду Невежиса, а из огромных, ярко освещенных окон театра ложатся на соседние улицы, на весь город ровные, яркие огни...

Утром картина эта, возможно, становится несколько менее романтичной, хотя все равно театр, когда осматриваешь его со всех сторон, остается таким же красивым, небудничным. И он, несомненно, покажется вам еще привлекательнее внутри — со своей строгой и умной планировкой, спокойным изяществом оформления, ослепительной чистотой, которая здесь будто и не бывает никогда нарушена.

Как бы рано вы сюда ни пришли, директор

ТИНИС РЕПЕТИРУЕТ...

Фото А. Награльяна.

театра Стяпас Космаускас уже у себя в кабинете. Да и вообще все на местах. В воздухе разлит ни с чем не сравнимый аромат черного кофе, в буфете вам предложат хотите крохотную, хотите очень большую чашку... А пока вы стараетесь припомнить лица и имена вполголоса беседующих между собой людей, замечательных артистов театра Мильтиниса, мимо вас стремительно прошагает, раскланиваясь на ходу, он сам, создатель и бессменный руководитель театра. Сразу видно: ничуть не изменился, все так же молод душой, подтянут, быстр и энергичен.

Сегодня у Мильтиниса с утра репетиция.

Если нет вечернего спектакля, то репетировать он будет до позднего вечера.

— Можно прийти на репетицию?— спрашиваю я Юозаса Ионовича... Когда-то, лет пять назад, когда театр находился в старом еще здании, мне это разрешалось, но теперь кто знает... Слава театра со времени нашей последней встречи далеко ушла за пределы города и республики.

— Конечно!.. Конечно,— отвечает Мильтинис. И видно, что отвечает от души.— Старая дружба ржавчиной не покрывается!— весело и на собственный лад комментирует он свое согласие.

Зрительный зал по самой природе предназначен для людей; сейчас в нем гулко, пустынно и невесело. Но вот в партере усаживается Мильтинис, и сразу исчезает удручающее ощущение мертвенного безлюдья: оно будто изменено, преобразовано волей режиссера. Ряды кресел вокруг него обретают плавную текучесть, как морские волны, а сам он возле своего пульта, серебряно-седой, подобен командиру корабля.

Безмолвно наблюдает Мильтинис за тем, что происходит на слабо освещенной площадке сцены, пока еще не обставленной.

Сцене-то многое понадобится, чтобы она ожила. Зато людям на ней — тем самым, которые вот только что пили кофе в буфете и оживленно толковали о разных житейских делах,— вроде бы и репетировать не нужно... Роль — точнее, образ — совсем другого человека, совсем другой судьбы, другой эпохи ощутимо живет в каждом из них, делая их совсем другими... Все они преобразились неузнаваемо: голос, походка, взгляд — все другое! Хотя ведь я вижу, что нет в них ни малейшего наигрыша, нет позы: ни один из них ни в малейшей степени не прибегает к тому внешнему подчеркиванию страстей и переживаний, за которыми всегда обнаруживаешь лишь убогий провинциализм манеры, внутреннюю пустоту... И они не «представляют». Напротив, каждый актер остается самим собой, но, захваченный увлекательнейшей сценической игрой в другого человека, в другую судьбу, вдохновенно добывает где-то в самом себе,

в глубинах собственной души нечто удивительное: преображающую его истинность страстей — правду чужих чувств, становящихся как бы уже и своими... Даже больше, чем своими, ибо творчество ничего и ни в чем не копирует, не повторяет. Оно преображает и мир и человека в этом мире, делает их крупнее, значительнее.

О богатстве исполнительской манеры артистов Паневежисского театра можно лишь приблизительно судить, встречаясь на экранах кино с Донатасом Банионисом. Однако же труппа располагает еще и другими, не менее интересными и яркими актерами. И все они воспитаны Юозасом Мильтинисом, художником широчайшего диапазона, который убежденно — и с полным на то правом — говорит о себе:

— Я интернационалист!..

Это так и есть. Литовец, прошедший актерскую школу во Франции вместе с Жаном Виларом, режиссерские же принципы свои почерпнувший целиком в учении Станиславского, в опыте русской сцены, Мильтинис несет в себе культуру и широту истинно советского, коммунистического мировоззрения, выражаемого в творчестве — актерском и режиссерском — полнокровно и глубоко.

Поэтому-то, наверное, богатый талантами театр Мильтиниса создает спектакли-феномены. Они не стареют, сохраняясь в репертуаре литовского города десятками лет.

Впрочем, режиссеру-то всегда виднее, стареет спектакль или нет. Особенно такому режиссеру, как Мильтинис.

И вот он репетирует, пытливо смотрит из середины седьмого ряда на своих актеров всевидящим режиссерским оком... Смотрит и все еще молчит... И мне, например, кажется, что все идет как надо. Хорошо идет!.. Еще бы, ибсеновская «Гедда Габлер» давным-давно прославилась на паневежисской сцене...

Но зачем же тогда понадобились эти упорные, многодневные репетиции «Гедды», откуда взялась в них нужда?.. Может быть, они потребовались только «молодым»?.. А ведь репетируют одновременно и «старые»...

Однако же читатель еще ничего не знает ни о «старых», ни о «молодых», поэтому надо пояснить, что Мильтинис решил не то чтобы полностью обновить свою классическую постановку «Гедды Габлер», но ввести в действие еще один состав — целиком новый, целиком молодежный, из той подрастающей актерской поросли, которую сегодня он пестует так же, как пестовал вчера тех, с кем начинал создавать свой театр в первые дни провозглашения Литвы советской социалистической республикой.

И тут, во время репетиций, оказалось, что не только «старые» могут сообщить «молодым» нечто драгоценное. Происходит еще и обратное. Возникает сложнейший процесс духовного взаимообогащения... Казалось бы, чего проще — взять да повторить прежние мизансцены. Но нет, начинается, порою заново, тончайшая, буквально ажурная лепка характеров; и «старая гвардия» Мильтиниса, помогая режиссеру учить, воспитывать молодых, и сама тоже в это время чему-то учится, свежо и остро воспринимая хорошо знакомые ситуации пьесы.

Вместе со всеми и Мильтинис тоже словно перечитывает «Гедду» новыми глазами... Вот к Гедде Габлер пришла Теа, чрезвычайно взволнованная... Но как пришла?.. Как надо актрисе выйти на сцену, откуда начать реплику, каким жестом сопровождать ее?.. Где Теа должна остановиться и как теперь следует подойти к ней Тесману, как он здоровается— неприветливо или, наоборот, он рад?.. А сама Гедда разве равнодушна, разве безразлично ей все происходящее?.. Она скрытный, волевой человек, но и ее чувства должны быть выражены действием, движением — не утрированным, не подчеркнуто эффектным, но своеобразным и сильным, передающим состояние души.

И в эту самую минуту Мильтинис останавливает репетицию... Обратившись к зрительному залу, актеры внимательно слушают режиссера, который говорит им о взаимосвязи сценического движения с внутренней, психологической атмосферой роли и всего спектакля... Все доказательства Мильтинис строит, опираясь на систему Станиславского; на ней вообще основана вся его режиссерская школа.

— Сценическое действие, по Станиславскому, никогда не возникает механически,— говорит Мильтинис,— оно не самоцель. Действие, движение на сцене должно быть рождено в тайниках души, вызвано чувствами, побуждениями героя; лишь тогда оно становится прекрасным и гармоничным.

С кем можно сравнить на сегодняшней русской советской сцене великолепную литовскую актрису Эугению Шулгайте?.. Глядя на нее, думаешь о Марецкой, Добржанской... Я понимаю, что все они разные, эти актрисы; просто я имею в виду масштаб дарования, его наполненность, разносторонность.

То, что Шулгайте, играющая Гедду, показывает новой исполнительнице роли, Дале Меленайте, нельзя скопировать, повторить. Но почувствовать скрытый смысл жеста, движения можно и нужно... Точно так же, с такой же душевной щедростью работают с молодыми актерами Казис Виткус, Донатас Банионис, Бронюс Бабкаускас... Да это и понятно: внутреннее богатство не скудеет, а возрастает, когда им делятся. В Паневежисском театре подобная отдача — закон жизни, основа творческого роста актеров и той их редкостной самодисциплины, которая определяет существование коллектива, все его начинания... Удивительно ли, что «молодые» совершенно искренне становятся ревностными сподвижниками «старых»...

Сейчас я не о «Гедде Габлер» говорю и не об отношениях внутри этого спектакля, но об отношениях всей труппы, всего театра в целом.

Молодежь сюда рвется самозабвенно, возможности же студии весьма ограниченны. Десять, ну, от силы пятнадцать человек. Вот что может взять театр. Поэтому-то от новеньких, которые сумели пройти сквозь игольное ушко при поступлении, отнюдь не скрывают, что им и дальше придется нелегко. И уже с первых дней им хорошо становятся известны главные принципы, выработанные театром Мильтиниса. Принципы эти гласят: право стать актером — величайшее право на земле; актер принадлежит не себе, а людям; любая роль актера — это человек, а быть человеком сложнее всего, труднее всего, интереснее всего...

Со всей откровенностью Мильтинис сообщает своим питомцам, что сделать их талантливыми он не может. Этого вообще не может никто! Талант дается природой, а учеба и работа — если они неустанны и терпеливы — только воспитывают и шлифуют дарование.

— Когда я вижу перед собою прямо-таки исступленную готовность посвятить себя театру, то больше всего боюсь изуродовать судьбу, сломать жизнь юноше или девушке,— говорит мне Мильтинис. В его глазах забота и печаль.— Юность вовсе не знает, не представляет себе требовательности искусства, власти его над человеком. Призвание беспощадно. А вот как предупредить об этом молодых, как заставить их задуматься, что берутся они служить театру, делу, человеку безостановочно... Всю жизнь...

Сам Юозас Мильтинис эту службу несет с каждым годом все более ревностно. Он знает: искусство нужно людям, как хлеб... В своем-то детстве Юозас и хлеба не ел досыта; об искусстве же, казалось, нечего было и мечтать: одиннадцать человек садились за стол в семье Ионаса Мильтиниса, рабочего-железнодорожника... Провожая ребятишек в школу — девять километров через лес!— мать говорила: палки возьмите, а то вдруг волк...

Театр в Паневежисе, которым сегодня гордится Советская Литва и вся Советская страна,— сколько же событий стоит за осуществлением не умирающей с детства мечты Мильтиниса... Сколько огромных, общенародных свершений...

— Умеет ли эти свершения ценить ваша сегодняшняя молодежь? Или же сегодня, когда жизнь так преобразилась, труднее обнаружить у молодых актеров способность к самоотвержению, необходимую для творчества?..

— О, нет,— уверенно возражает Мильтинис.— Если не поручусь за всех, кто поступил в студию лишь год-два, то все остальные, я думаю, уже прошли серьезнейший искус... Да ведь многих вы сами видели,— добавляет Юозас Ионович.

И правда, в Паневежисе я видела способнейших молодых актеров. Генрикас Качинскас, Ауримас Бабкаускас, Ирена Васюлите, Гражина Урбонавичуте — разве только они играют рядом со «старыми»!

— Вы по-прежнему смотрите на кино как на пособника? Или оно теперь мешает театру?..

— Давайте лучше спросим об этом актеров,— предлагает Юозас Ионович.

В перерыве я нахожу Альфредаса Дукшту, секретаря комсомольской организации. Задаю тот же вопрос.

— Театр — это наша жизнь,— говорит сдержанный, как всякий литовец, не склонный к патетике Альфредас, — для театра нам никаких сил не жалко и никакая роль не мала... А кино для подавляющего большинства из нас — на втором плане...

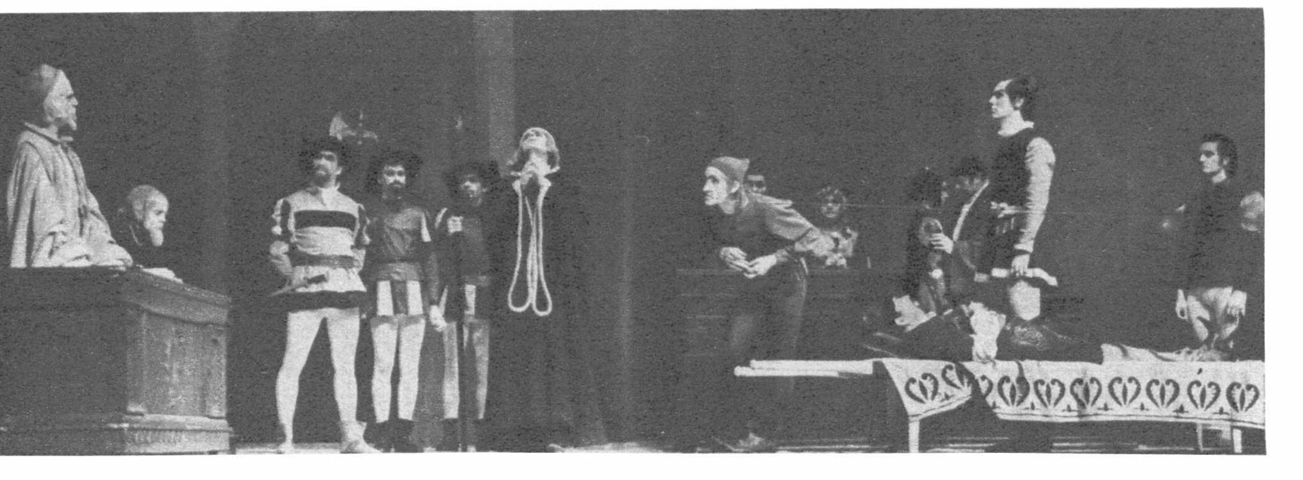
В воскресный день утром «старая гвардия» Мильтиниса играет «Зайку-зазнайку» С. Михалкова. Театр полон детворы... Казис Виткус, только что снимавшийся в главной роли в фильме «Камень на камень», играет Волка.

А вечером идет «Средняя женщина»— остросюжетный и в то же время серьезный, политически злободневный спектакль. На сцене — Эугения Шулгайте в роли «прорицательницы», гадалки, и Даля Меленайте, исполняющая заглавную роль. «Средняя», то есть обычная для Америки, судьба героини, закономерно ведет ее к утрате всех человеческих ценностей и в конечном счете — к самоубийству... В зале среди зрителей автор пьесы Альбертас Лауринчукас, редактор газеты «Литовская правда».

— Смотрите,— говорит он мне,— до чего же слаженно, точно ведет Меленайте дуэт с Банионисом!.. Когда приезжаешь в Паневежис, начинает казаться, что здешняя сцена сама актеров мастерству учит!

Да, и это так. Здешняя сцена, конечно, сама учит мастерству... Присутствуя на репетициях Мильтиниса, каждый раз убеждаешься в этом воочию.

Мильтинис, его «старики» и его «молодые» заняты в «Вольпоне» Бен Джонсона.

ФАСАД И ИЗНАНКА СИОНИЗМА

Владимир КАТИН

Специальный корреспондент АПН рассказывает нашим читателям о своей поездке в Австрию, Швейцарию и Голландию.

ЗАМОК ШЁНАУ

Ранним декабрьским утром мы выехали из Вены, взяв курс на юг страны. Нынешняя зима в Австрии выдалась холодная и почти без снега. Однообразный ландшафт в это унылое время года тянулся сорок километров. Но вот показались очертания старинного замка Шёнау. У замка вековая история: в прошлом он принадлежал знатным дворянским семьям Австрии, о его красоте и великолепии слагались поэмы. Ныне от былого величия остались лишь воспоминания — все здесь пришло в запустение. Однако замок Шёнау обитаем и, как и в середине века, тщательно охраняется. Первое, что бросается в глаза,— предостерегающий плакат: «Посторонним вход воспрещен!». Центральное серо-коричневое здание, обширный парк и все постройки на его территории круглосуточно находятся под наблюдением полиции и специальных сторожевых отрядов. Что же здесь происходит?

С некоторых пор полуразрушенный старинный замок арендует государственная израильская фирма «Сохнут», специализирующаяся на импорте «живого товара». Нет, я не оговорился. «Сохнут» — это разветвленная сионистская организация по вербовке и доставке евреев в Израиль. «Сохнут» занимается также финансовым закабалением переселенцев с тем, чтобы последние уже не могли покинуть границы израильского государства. Инспектор австрийского отделения этой «фирмы» сообщил весьма любопытную подробность: организация существует в основном на средства богатых евреев США и Западной Европы, которые, сами не желая ехать в Израиль, откупаются щедрыми подачками. А что же происходит с теми, кто все-таки решился эмигрировать в Израиль?

Нам объяснили, что замок Шёнау служит основным перевалочным пунктом для евреев, едущих в Израиль из европейских стран. Здесь эмигранты впервые сталкиваются с израильской разведкой, которая затем неотступно будет следить за ними на всем пути следования в Израиль и в самой стране. В каменных траншеях бесконечных, как лабиринт, коридоров замка развешаны таблички с надписями на разных языках: куда переселенцам можно входить и куда нельзя. Юркие чиновники быстро расхватывают вновь прибывших, по одному впускают их в специальные комнаты, где немедленно начинается пропагандистская обработка. Так, граждан еврейской национальности, которые следуют в Израиль из социалистических государств, психологически настраивают на то, что для них теперь уже нет возможности покинуть свою «новую родину». Недвусмысленно им дают понять, что если вдруг они изъявят такое желание, то их будут преследовать, шантажировать. Каждого, кто переступает порог мрачных крепостных ворот, подвергают перекрестному допросу, стенографируя буквально каждое слово: где жил, где работал, с кем был знаком, какими связями располагал, служил ли в армии... Эта информация передается затем западным разведкам.

Замечаю, что сотрудники «Сохнут» первым делом набрасываются на записные книжки прибывающих в замок эмигрантов из социалистических стран, скрупулезно переписывают в свою картотеку адреса и фамилии их родственников, знакомых. Интересуюсь, зачем израильтянам нужны эти неизвестные адресаты. Оказывается, вербовщики из «Сохнута» рассылают им всякого рода пропагандистскую литературу и даже посылки, чтобы тем самым склонить к выезду в Израиль. Более того, «Сохнут» фабрикует письма от имени приехавших в Израиль переселенцев и даже фиктивные вызовы на выезд.

Таков один из коварных приемов сионистской пропаганды, рассчитанный на то, чтобы как можно больше заманить легковерных в свои сети. Однако, по рассказам очевидцев и согласно официальной статистике, все меньше и меньше евреев едут в Израиль из США, Англии, Франции и других западноевропейских стран. Возникло обратное явление: массовый отъезд ранее приехавших эмигрантов, разочарованных условиями жизни и антигуманными идеалами этого гарнизонного государства. Именно поэтому сейчас, как никогда, неистовствует сионистская пропаганда, раскручивая антисоветские кампании, представляя «раем» израильский образ жизни.

В Вене в последние годы обосновалось немало сионистских организаций, занимающихся пропагандой в пользу Израиля. Они проводят всякого рода конференции с призывами ехать в Израиль, издают бюллетени, собирают брошюры. Я навел справки относительно того, много ли австрийских евреев переселилось в Израиль. Оказалось, что из 12 тысяч евреев, проживающих в стране, ее территорию покинуло лишь несколько десятков человек, причем больше половины из них уже снова вернулись в Австрию. Что касается членов местных сионистских организаций и поддерживающих их лиц, то они даже и не помышляют перебираться на «историческую родину предков». Они прекрасно знают, что условия жизни в этой военизированной стране намного тяжелее, чем в любом другом капиталистическом государстве. Мне приходилось беседовать с руководителем Еврейского центра документации в Вене Симоном Визенталем. Я прямо задал ему вопрос: рьяно выступая за эмиграцию евреев, в частности советских евреев, в Израиль, знает ли он, что там царит атмосфера фашистского психоза, что условия жизни в этой стране тяжелы, что Израиль занимает одно из первых мест в мире по числу забастовок, что молодое поколение вырастает морально искалеченным. Господин С. Визенталь часто бывает в Израиле — в краткосрочных командировках, он знает страну, ее общество. Очевидно, поэтому он не стал ни опровергать мои доводы, ни отвечать на мой вопрос. Он просто-напросто сменил тему.

Конечно, в частной беседе можно о чем-то умолчать, особенно если разговор не из приятных. Однако резкое обострение классовых и социальных конфликтов в Израиле, тяжелое положение народных масс и особенно эмигрантов из других стран — это объективные факты, от них никуда не уйдешь.

...В одном из окраинных переулков Вены, в переулке Мальцгассе, в тесной трехкомнатной квартире поселилось 18 мужчин и женщин, не считая детей. Нет, они не родственники, решившие жить сообща. Эти люди — бывшие советские граждане еврейской национальности, попавшиеся на удочку сионистской пропаганды и приманку «Сохнута». В разное время и по разным причинам они беспрепятственно выехали из Советского Союза в Израиль. Затем бежали оттуда, оказались в австрийской столице. Они перебиваются случайными заработками, работают, например, зазывалами в магазинах, чернорабочими.

Я решил повидать их. Меня интересовал вопрос: что заставило их бежать из Израиля? Итак, я отправился по указанному адресу.

Был поздний час. По пустынным улицам затихающей ночью Вены порывисто носился холодный мокрый ветер и, дребезжа, катились редкие трамваи. Отыскав на Мальцгассе нужный дом, я вошел в сумрачный подъезд и стал подниматься на третий этаж. Здание выглядело ветхим. Уже потом мне объяснили, что дом подлежит сносу и его владелец лишь временно сдает часть помещения.

Пройдя через крохотную кухню, я попал в холодную комнату, где стояли стол и несколько коек, отопления не было. Обитатели ночлежки уже готовились ко сну, каждый устраивался как мог. Некоторые прямо на полу. Мне принесли стул. Вокруг собрались все, кто здесь живет. Завязалась беседа.

— В Израиле все друг другу чужие,— говорит шофер из Черновиц Лазарь Крайс.— Здесь нет единого народа, нет нации. В Израиле местные евреи и выходцы из других стран открыто враждуют, ненавидят друг друга. Процветает и насаждается расовая дискриминация в зависимости от страны эмиграции. Никогда я не слышал таких оскорблений в свой адрес, как в Израиле. Надо мной глумились лишь за то, что я советский еврей. Нас там считают людьми десятого сорта... Нам внушали: если хочешь жить хорошо, то говори о Советском Союзе плохо.

Обитатели венской ночлежки вспоминали встречи со своими земляками из Советского Союза, раньше них приехавшими в Израиль и писавшими им хвалебные письма об этой стране. «Зачем вы это делали?» — спрашивали они их. «Нас вынудили, заставили. Хлебните и вы теперь горя»,— таков был ответ.

Беспрепятственно выехав из СССР, эмигранты поняли, что вырваться из Израиля — дело очень сложное. Прежде всего из-за долговой кабалы «Сохнута», которая, как трясина, затя-

гивает переселенцев, стремящихся обзавестись предметами первой необходимости. Но заработок непропорционален постоянно растущим ценам. Поэтому ссуды, полученные от иммиграционных властей, держат должников на привязи. Другая трудность выезда — обязательная двухгодичная воинская повинность для всех граждан обоего пола начиная с 18 лет...

Поздно ночью я покинул этих людей с искалеченной жизнью. Провожая меня, они просили рассказать об их большом горе другим, рассказать правду об Израиле, где нет у человека будущего, ибо нет будущего у страны, в которой ложь и обман, война и ненависть возведены в закон.

ШВЕЙЦАРСКОЕ ЗОЛОТО

Самой богатой улицей в мире называют Банхофштрассе в Цюрихе. Здесь нет ни одного кафе или ресторана — здесь только банки, торговые фирмы, компании, международные посреднические агентства. «Какая разница между Суэцким каналом и Банхофштрассе?» — спросил меня местный журналист Мишель Лейманн, когда мы прогуливались по этой улице «сильных капиталистического мира сего». И сам же ответил: «На Суэце сионисты по одну сторону канала, на Банхофштрассе — по обе».

В Швейцарии проживает немногим более двадцати тысяч евреев. Однако международный сионизм создал здесь разветвленную сеть специализированных организаций, действующих не столько в локальном, сколько в европейском масштабе.

Это различного рода информационные агентства, издательства, лиги и комитеты, которые занимаются пропагандой сионистских идей и сбором денежных средств в пользу Израиля. И хотя на словах руководители некоторых из этих организаций отмежевываются от сионизма, фактически вся их деятельность направляется сионистами, подчинена их интересам.

Мишель Лейманн откровенно признался:

— Очень трудно, даже невозможно отличить практику местных сионистских организаций от прочих еврейских организаций, формально не считающих себя сионистскими.

Я и сам убедился в этом, встречаясь и беседуя со многими представителями еврейских общин страны. Так, помимо сбора пожертвований на военные нужды Израиля, еврейские организации в Швейцарии ведут печатную и устную клеветническую пропаганду против Советского Союза. Постоянно муссируется на все лады, перепевается с чужого голоса так называемый «еврейский вопрос» в СССР. Создана даже местная «лига защиты советских евреев».

Я тщетно пытался найти адрес этой «лиги» — оказалось, что ее резиденции как таковой не существует вообще. Удалось, однако, разыскать некоторых ее членов и побеседовать с ними. В основном это очень молодые люди, не имеющие никакого представления о реальном положении евреев в СССР. Один из активных членов «лиги», юрист Мишель Гальперин, долго и путано излагал идею о том, что советские евреи должны ехать в Израиль, ибо этой стране нужны рабочие руки, солдаты, специалисты. Я поинтересовался, много ли евреев-швейцарцев уехало на «историческую родину». Выяснилось, что в Швейцарии пока не нашлось добровольцев работать в Израиле или осваивать пустыню Синая. Больше того, все, кто хоть один раз побывал в Израиле в туристских поездках, весьма сдержанно отзываются о «земле обетованной».

Пожилой часовщик Яков Орбах в разговоре со мной без обиняков заявил:

— Если бы мои дети задумали вдруг уехать в Израиль, то я запретил бы им это. Но если бы они все-таки уехали, то я бы их проклял.

Такие суждения приходилось слышать в Швейцарии довольно часто.

Один из крупнейших банкиров страны (он просил не называть его имени) говорил, что существование Израиля дорого обходится еврейской общине в Швейцарии. «Сборщики средств в пользу Израиля, — рассказывает он, — имеют точные сведения о доходах каждого члена общины. Они вынуждают отчислять установленные суммы даже тех евреев, которые не разделяют идеалы сионистских доктрин. В противном случае отступников ждут неприятности и даже провокации...»

По мнению редактора журнала «Ревю Жюив» Г. Друкманна, с которым я встречался в Женеве, Швейцария занимает первое место в Европе по сбору валюты для Израиля, то есть в конечном счете — для милитаризации его экономики. Примерно 20 процентов тех огромных прибылей, которые приносит банковское дело в Швейцарии, перекочевывают в казну израильского государства.

Такие субсидии являются не чем иным, как открытым поощрением агрессии, своего рода премией за разбой, учиненный против арабских государств. Подобная практика сионистского лобби, окопавшегося в банках Швейцарии, противоречит официальной политике традиционного нейтралитета этой страны. В Швейцарии хорошо помнят громкий судебный процесс над матерым шпионом Альфредом Фрауэнкнехтом. Как мне рассказывали, этот швейцарский гражданин похитил и передал Израилю около 120 тысяч чертежей по технологии производства авиационного реактивного двигателя, изготовляемого в Швейцарии по заказу Франции для истребителя «Мираж». За это агент израильской разведки получил от Тель-Авива около 220 тысяч американских долларов, а от швейцарского суда — 4,5 года тюрьмы.

Таким образом, все более очевидным становится тот факт, что международный сионизм стремится не только максимально использовать в своих целях значительный валютный потенциал Швейцарии, но и подорвать ее репутацию как нейтрального государства.

НЕ ВЕРЯТ СИОНИСТАМ

В Голландии расквартировано несколько сионистских, просионистских и различных еврейских организаций. Мне удалось посетить некоторые из них, беседовать с руководителями и рядовыми членами. Чем же занимаются эти люди, в чем заключается их деятельность?

Основное направление сионистской практики в этой стране, как, впрочем, и в других странах Западной Европы, состоит в организации антисоветских акций — всякого рода фабрикации фальшивок о жизни советских евреев, провокационных выступлений. Однажды в Амстердаме меня познакомили с группой молодых людей-евреев, которые ранее участвовали в одной из антисоветских демонстраций в «защиту советских евреев». На вопрос, что они знают о жизни в Советском Союзе, о положении евреев в нашей стране, мне ответили: «Ничего! За участие в демонстрации нам платили по 15 гульденов...» Однако о жизни в Израиле еврейская молодежь Голландии осведомлена довольно хорошо — именно поэтому в стране нет энтузиастов ехать в Израиль.

Приходилось слышать и более откровенные высказывания. Так, один из активных проводников сионистской политики, журналист Г. Кноп, прямо заявил в беседе со мной: «Я часто бываю в Израиле. Советские евреи-переселенцы живут там хуже, чем они жили в СССР. Однако мы все равно будем агитировать советских евреев ехать в Израиль».

Дело в том, что за свою антисоветскую деятельность сионистские и поддерживающие их еврейские организации получают огромные субсидии. Поэтому «забота» сионистов о советских евреях — это забота исключительно о себе — выслужиться перед теми, кто финансирует их антисоветские акции. Прогрессивный общественный деятель Голландии Х. Лютгикхаузен говорил в беседе со мной:

— Сионисты систематически фальсифицируют факты, искажают правду о Советском Союзе. Моя жена после поездки в СССР написала письмо в сионистскую газету и рассказала правду о том, что она видела в СССР, — о своих встречах с раввинами, со многими советскими евреями. Однако это письмо не было опубликовано. Когда голландские сионисты устроили в прошлом году антисоветскую демонстрацию, то мои сыновья в числе многих других честных людей организовали контрдемонстрацию в знак протеста против измышлений и клеветы о Советском Союзе.

Лютгикхаузен уходит в соседнюю комнату и приносит белое полотнище, на котором алыми буквами начертано: «20 миллионов советских людей погибли во второй мировой войне и за вас тоже».

— Вот с этим плакатом шли мои сыновья по улицам Амстердама навстречу сионистским бандам....

О том, что советские люди умирали за освобождение Европы от фашистского ига, голландский народ знает не понаслышке. Здесь, вдали от своей родины, на кладбище «Рустхоф», близ города Амерсфорта, покоятся 853 советских воина. Каждое утро ровно в девять часов старый смотритель Э. Янсен поднимает над кладбищем красный советский флаг и спускает его в семь часов вечера. И так уже более четверти века...

— До тех пор, пока я жив, — говорит он, — я буду всеми силами защищать идеалы, ради которых эти советские парни отдали жизнь. Я сам участвовал в движении Сопротивления, помогал организовывать побеги военнопленных. Недавно я посетил Советский Союз, где был награжден медалью ветеранов войны. Вернувшись из поездки по СССР, я отправился к раввину города Амерсфорта. Я хотел побеседовать с ним, рассказать ему правду о советских евреях, с которыми лично встречался. Однако раввин наотрез отказался слушать меня. Вот так обстоят дела у сионистов: они признают только ложь, на которой построена вся их деятельность. Поэтому и недавний сионистский «конгресс» в Иерусалиме служил тем же низким целям, ибо без обмана сионизм уже не может существовать, как наркоман не может обойтись без наркотиков.

Секретарь общества «Нидерланды — СССР» Х. Гауткел рассказывает:

— Мы, друзья Советского Союза, прекрасно знаем, что в вашей стране нет дискриминации ни евреев, ни людей любой национальности. Мы в Голландии энергично боремся с сионизмом, в теории и практике которого проявляется самый гнусный антисоветизм. Поэтому каждую акцию сионистов следует рассматривать как враждебную по отношению к СССР. Именно таким было очередное сборище сионистов в Иерусалиме. Что касается предполагаемого приезда в Нидерланды фашиста Кахане, то мы решительно против этого. Кахане не нужен нашему народу, он никому здесь не нужен.

Об этом же говорил мне профессор лейденского университета, известный ученый-криминолог В. Нагел:

— Есть все основания квалифицировать Кахане как особо опасного преступника. Поскольку этот человек является психически неуравновешенным, то он представляет собой серьезную угрозу обществу в целом, где бы ни появлялся.

Таких людей, разоблачающих сионизм в Нидерландах, немало. Широко известен общественный деятель, бывший активный участник движения Сопротивления Пит Нак. Сразу же после вероломной агрессии Израиля против арабских стран в июне 1967 года он в знак протеста вернул израильскому послу в Нидерландах медаль, которой в свое время был награжден за спасение евреев от нацистов в период второй мировой войны.

Популярные в Нидерландах актеры Жак и Жосси Халланд — евреи по происхождению — резко осуждают провокационные антисоветские действия сионистов.

— Мы побывали в Советском Союзе, — говорит Жак Халланд, — встречались со многими евреями и слышали от них слова глубокой признательности о своей единственной родине — Стране Советов. Сионистская пропаганда сама сфабриковала и всячески раздувает так называемый «еврейский вопрос» в СССР, которого там не было и нет.

Разоблаченный и осужденный мировой общественностью сионизм изворачивается, меняет методы своей деятельности. С этой целью и был созван «конгресс» в Иерусалиме, который ставил своей задачей выработать новую тактику применительно к новым условиям в мире, которые отнюдь не благоприятны для сионизма. Однако этот трюк с маскировкой и переодеванием не пройдет. Все меньше и меньше людей верят сионистам, и все больше обманутых их пропагандой отворачиваются от сионизма, клеймят его и выступают против него.

Вена — Женева — Гаага.

В. Бялыницкий-Бируля. ЛЕД ПРОШЕЛ. 1930.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Бялыницкий-Бируля. ВЕСНА ИДЕТ. 1911.

Государственная Третьяковская галерея.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

УКРАИНА

«ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМИ СОБЫТИЯМИ В ЖИЗНИ НАШЕГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА ЯВИЛИСЬ ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА В 1939—1945 ГОДАХ...»

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик».

В СЕМЬЕ ВОЛЬНОЙ, НОВОЙ...

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

ХОЗЯЙКА БУНКЕРА

Уже второй месяц над освобожденным Львовом развевалось красное знамя. Поднимались фабрики и заводы, восстанавливались мосты и дороги, начались занятия в школах и вузах. Но с наступлением темноты люди опасались выходить на улицу: то здесь, то там раздавались выстрелы и падали, сраженные бандеровской пулей, сельские активисты, коммунисты, комсомольцы.

...По следам банды шла оперативная группа истребительного батальона. Майор, командовавший опергруппой, знал, что бункеры у бандеровцев могут быть не только в лесу, но и на близлежащем хуторе Товмач. Решили прочесать хутор. Проверили все чердаки, подвалы, погреба — ни одного бандита. Наконец добрались до усадьбы с непомерно большим сараем. Хозяйка, многодетная вдова, не спеша открыла ворота и хмуро стала у входа. «Ищите,— бросила она.— Кроме соломы, ничего не найдете. Коровенку забрали, поросят забили, хлеб увезли...» «Кто?» — спросил майор. «А шут его знает! — недобро сверкнула глазами вдова.— Пришли какие-то... тоже в красноармейской форме».

Известный прием. Бандеровцы часто переодевались в форму советских солдат и офицеров, сбивая с толку народ. Вот и эта вдова: горя, видно, хлебнула через край, но так и не разобралась, где свои, а где чужие.

Так думал майор, осматривая сарай. Переворошили солому, перетряхнули рухлядь — пусто.

— Теперь возьмите пики и проверьте пол,— приказал он солдатам.— Здесь может быть бункер!

А вскоре майор осторожно постучал в дверь и извиняющимся голосом спросил: «Хозяюшка, как вас зовут?» «Розалия Казимировна. Фамилия Костык». «Как вам это удалось? Как вы все сохранили? Почему все эти годы молчали?» «Охо-хо! — вздохнула Розалия Казимировна.— Разные здесь бывали люди. А покойный муж строго-настрого наказывал молчать... Ивана Васильевича убили бандеры. Еще в сороковом. Он был первым председателем колхоза. Пошел в лавку за керосином — и не вернулся. Я и выстрел тот слышала. Прибежала... а у него... голова... навылет».

...Всю ночь работали солдаты. А утром во дворе стояло все оборудование подпольной типографии, созданной по решению ЦК Коммунистической партии Западной Украины в 1935 году. Здесь же лежали груды листовок, кипы газет, связки брошюр...

«НЕУЖЕЛИ ЭТО БАНЮНИНО!»

Николая Костыка — брата Ивана — дома не оказалось. Правда, мне посоветовали заглянуть к его старому другу В. И. Забавке.

Василий Иванович сидел за столом и читал книгу. Когда я растолковал, зачем пришел, он не спеша снял очки, положил их в футляр.

— Перенестись на сорок лет назад совсем не просто. А тут... Вспоминать-то надо аресты, тюрьмы, голодовки. Было, конечно, и другое: забастовки, демонстрации, работа в подполье. Да-а-а... Хорошо помню, как в начале тридцать пятого полиция разгромила подпольную типографию во Львове. И вот приходит ко мне представитель Центрального Комитета и говорит, что принято решение создать типографию в районе Каменки-Бугской. Как секретарь окружкома партии, я должен найти надежное место и верных людей. Подумал я, подумал и повел товарища из ЦК к Ивану Костыку, который был секретарем местной парторганизации. Иван тут же предложил вырыть в сарае бункер, как следует замаскировать, в стоге соломы привезти оборудование и бумагу, а работать будут его братья. Так и порешили... 21 мая 1935 года вышли наши первые листовки. В тридцать шестом году нас с Иваном арестовали. Тогда же был задержан комсомолец с подпольной литературой: как его ни пытали, парень никого не выдал. А потом мы объявили голодовку, и нас отпустили. Больше я с Иваном не виделся — так требовали правила конспирации. Вы все-таки разыщите Николая Костыка, он знает куда больше...

Я снова заглянул к Костыку и снова не застал дома. Решил обратиться за помощью к первому секретарю Каменско-Бугского райкома партии Виктору Ивановичу Борщевскому.

— Завтра разыщем,— пообещал он.— А пока давайте съездим на Добротворскую ГРЭС.

Через пять минут секретарский «газик» выбрался из города и бойко побежал по зимней дороге.

— Я здесь без малого двадцать лет,— рассказывал В. И. Борщевский.— До чего же трудно было начинать! Район сильно пострадал от войны. Создавали колхозы. Я не раз вспоминал «Поднятую целину» и балтийского матроса Давыдова, тем более что сам воевал на флоте. Что бы там ни было, а теперь район — один из лучших в области. По урожайности зерна у нас второе место на Львовщине, а по картофелю — второе в республике. В отношении картофеля мы вообще на особом положении: выращиваем только семенные сорта и снабжаем ими всю Украину. Вот мы с вами сейчас к Русскому заглянем — это нам по пути.

...Председатель колхоза имени XX съезда КПСС Герой Социалистического Труда Иван Михайлович Русский, страдальчески морщась, щелкал костяшками счетов.

— Что, председатель, концы с концами не сходятся? — с порога спросил Борщевский.

— Сведем,—пожимая руки, улыбнулся невысокий, кряжистый председатель.

— Добре! — кивнул Борщевский.— Скажи-ка, Иван Михайлович, какие у тебя сейчас отношения с американцами?

— С американцами? Как всегда: приезжают, пишут, завидуют.

И, теперь уже обращаясь ко мне, Иван Михайлович рассказывает:

— В этом селе я живу шестьдесят лет — с самого рождения. Мальчонкой был, а помню, как здесь бедствовал народ. Кое-кто не выдержал, продал пожитки и уехал в Америку. Как они там жили, не знаю. А мы встречали Красную Армию, создавали колхозы, воевали с фашистами, восстанавливали разрушенное. С сорок девятого года я бессменный председатель колхоза. Знаете, с чего мы начинали? Одна корова, две овцы, семь поросят и четыре лошади.

— А что... американцы? — спросил я.

— Как что? Приезжают из-за океана на родные места посмотреть, как мы живем. Ходят и глазам не верят: неужели это то самое Банюнино, из которого они когда-то уехали?! То, да не то! Заглянули в наши коровники, на тракторный двор, побывали на полях, в домах культуры, в гостях у колхозников. А когда я сказал, что сто пятьдесят уроженцев нашего села имеют высшее образование и есть среди них кандидаты наук, бывшие земляки совсем расстроились. Никому из них не удалось дать такое образование своим детям.

ДОРОГА НА ДОБРОТВОР

И снова «газик» мчится по зимней дороге. Шоссе взлетает на холмы, ныряет в лощины, петляет по перелескам. То здесь, то там встречаются тракторы с прицепами — вывозят удобрения. А то вдруг среди поля размахивает ковшом экскаватор — идут мелиоративные работы. В низинах урчат бульдозеры — здесь немало торфяников.

Машина выскочила на оживленное, широкое шоссе Львов—Киев. Метров через двести «газик» прижался к обочине и остановился. «Выйдем»,— пригласил Виктор Иванович. И, шагнув в кювет, полез на пригорок. У небольшого обелиска, увенчанного красной звездой, остановился, снял шапку. Постоял. Смахнул с обелиска снег.

Я увидел надпись и тоже сорвал шапку: на этом месте 19 августа 1920 года тяжело ранило буденновского бойца, писателя Николая Островского.

...Главный инженер Добротворской ГРЭС Роман Иванович Гураль сразу же предупредил, что времени у него в обрез, поэтому я тут же начал с вопросов:

— Почему ГРЭС сооружена в Добротворе? Когда дала первый ток? Кто ее строил?

— ГРЭС работает на угле, а в пятидесяти километрах отсюда шахты Львовско-Волынского бассейна. Это и определило выбор места стройки. Проектировали ГРЭС львовяне, а строили... Значит, так: котлы — из Таганрога, турбины — из Ленинграда и Харькова, трансформаторы — из Запорожья, генераторы — со знаменитой «Электросилы». Первая турбина дала ток в пятьдесят пятом году, а в шестьдесят четвертом — все восемь.

— Кто потребляет вашу электроэнергию?

— Прежде всего мы зажгли лампочку Ильича в селах Львовщины. К тому же в колхозах появились и электромоторы, а это в корне изменило крестьянский труд. На полную мощность стали работать шахты Червонограда. Получили полновесный энергетический паек предприятия Львова. Кроме того, мы дали ток Ровенской, Ивано-Франковской, Волынской и Закарпатской областям. Из расчета на нашу электроэнергию строились Яворовский и Роздольский химкомбинаты, а также Сокальский завод искусственного волокна. После ввода нашей ГРЭС появилась возможность электрифицировать железную дорогу Львов — Киев. Даем ток и в систему «Мир», объединяющую страны СЭВ.

— А как повлияло строительство ГРЭС на жизнь в самом Добротворе?

Тут Роман Иванович впервые улыбнулся:

— Здесь была голая степь. Поселок далеко, жилья нет, ближайший магазин в полутора часах ходьбы. Шел тогда пятьдесят третий год. Экскаваторов тут не видели, бульдозер принимали за танк, а когда в карьере гремели взрывы, люди прятались в погребах. Теперь Добротвор — благоустроенный город. Хоть и зовется пока поселком. Появились тут свой рабочий класс, своя интеллигенция.

ИМЯ, ФАМИЛИЯ, ЗВАНИЕ...

Утром я пошел на военное кладбище. Хотелось прийти сюда пораньше, когда вокруг ни души и никто не помешает... Сколько себя помню, попадая в пограничные с Польшей районы, все брожу по кладбищам, прихожу к братским могилам и ищу, ищу, ищу. Ведь бывают же на свете чудеса! Каждый раз надеюсь: может быть, сейчас, может быть, здесь я найду свою собственную фамилию — где-то в этих краях был сбит мой отец, летчик-штурмовик.

Вот оно, суровое, строгое военное кладбище. На высоком берегу Каменки, среди осокорей, дубов и вязов, ровные ряды гранитных плит. На каждой приутюженная ветром, похожая на каску снежная шапка. Я бреду по сугробам и бережно снимаю эти шапки. Рука зарывается в снег, мерзнет, но пальцы торопливо ощупывают буквы. А вдруг, вдруг чудо! Нет, здесь другие... Наверное, тоже чьи-то отцы.

Под этой плитой рядовые М. Воронцов, Р. Басишвили, В. Вознюк. Кто они, эти трое? Молодые или пожилые? Из какой части? Были ли знакомы? Теперь это неважно. Теперь они навсегда вместе. И снова я снимаю белую каску, снова с надеждой ощупываю буквы. Имя, фамилия, звание... Казахи, русские, узбеки, грузины, белорусы, армяне, татары... Рядовые, сержанты, лейтенанты, капитаны... Я сосчитал: 451 воин Красной Армии покоится на высоком берегу Каменки.

А вот и Вечный огонь. Тишина. Святая, скорбная тишина. Только ветер торопливо заметал мои следы. Что ж, мне снова не повезло. Но я буду искать!

Потом я отправился на компрессорную станцию газопровода. В жизни Каменско-Бугского района она играет такую же важную роль, что и Добротворская ГРЭС.

— Когда газа было много, а потребителей мало, обходились без нашей станции,— рассказывает старший диспетчер Игорь Михайлович Максимов. — К нам газ приходит под давлением всего 27 атмосфер, а чтобы он бежал дальше, нужно поднять его до 46 атмосфер. В этом, собственно, и заключается наша работа. Газопровод идет из Дашавы в Минск, Вильнюс и Ригу. Короче говоря, эта длиннющая труба соединяет четыре республики. И вот что важно: рядом с трубой выросли не просто новые предприятия, а появились новые отрасли промышленности — химическая, цементная, строительных материалов. В Белоруссии и Литве выросли заводы азотнотуковых удобрений. Построили такой завод и на Украине, в Ровно. Переведены на дешевое газовое топливо такие большие предприятия, как Минский автозавод, Здолбуновский цементно-шиферный, Сокальский химкомбинат... А в Риге появилось огромное подземное хранилище нашего газа.

— А что дал газопровод вашему району?

— Во-первых, ни одну печку в Каменке-Бугской и близлежащих селах теперь не топят дровами. Во-вторых, на газе работают все предприятия района. Иногда газ перепадает и Добротворской ГРЭС. Правда, обеспечить агрегаты электростанции полностью пока не можем: уж очень мощные там топки... А в общем, на нашем газе живут свыше сорока крупных городов и около пятисот промышленных предприятий.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Возвращаясь с компрессорной, я встретил председателя колхоза имени Ленина Михаила Ивановича Флыса.

— Видели? — спросил он, победно размахивая газетой.— Наш колхоз на втором месте по району! Не сломайся трактор, были бы на первом. Вы сейчас куда?— спросил он.

— К Костыку,— ответил я.— Два раза был у него и никак не застану дома.

— Давайте заглянем к Розалии Казимировне,— предложил Михаил Иванович.— Она уж точно скажет, где Николай...

— А она далеко живет?

— Да нет, тут поблизости, в том же доме. Старый уж дом-то. Но мы скоро поставим новый. А на месте типографии сделаем настоящий музей. Решение правления уже есть, так что с весны и начнем.

Вот и небольшой, приземистый дом. Обычный крестьянский двор с важно вышагивающим петухом, брехливой собачонкой и выглядывающей из сарая коровой. Все обычно, если бы не каменная плита в глубине густого сада с высеченными на ней словами: «На этом месте в 1935—1938 годах находилась подпольная типография Центрального комитета Коммунистической партии Западной Украины».

На пороге появилась невысокая пожилая женщина с живыми черными глазами.

Надо ли говорить, как я был взволнован встречей, как внимательно разглядывал старые фотографии на стене... Первый председатель колхоза Иван Костык. Рядом — его брат Николай. Поодаль — дети Ивана: Владимир, Алексей, Иванна...

Розалия Казимировна не спеша рассказывает, как копали братья бункер, как маскировала она свежую землю грядками брюквы, как устраивали обыски жандармы... Потом вспомнила молодого майора, обнаружившего типографию. Захлебываясь украинскими, русскими и польскими словами, она и теперь корила себя: «Поди ж ты, своих не признала, а то ненароком и обидела, решила, что они из леса!» И ни слова о своих бедах, несчастьях, о том, как поднимала детей...

— А Николай во Львове. Поехал проведать брата. Там и ищите,— посоветовала на прощание Розалия Казимировна.

ЗА МЕЧТУ НАДО БОРОТЬСЯ

Николая Васильевича нашли быстро. Высокий, костистый, он мерно вышагивал по комнате и что-то втолковывал брату. А потом повернулся к Михаилу Ивановичу и спросил:

— Что случилось, председатель?

Михаил Иванович кивнул мне: давай, мол, говори.

— Видите, какое дело,— начал я. — Меня интересуют оригиналы газет и листовок, которые вы печатали в подпольной типографии. Где их найти?

— В историческом музее. Можем сходить,— предложил он.

По скрипучей винтовой лестнице музея мы поднялись на третий этаж. Пробежали мимо стендов со старинным оружием, домашней утварью, богатыми украшениями. Повернули налево — и прямо перед нами подпольная типография. Наборный стол, печатный барабан, пресс, примус, керосиновый фонарь.

— А где же газеты? Где листовки?

— На стене,— кивнул Костык.— Под стеклом.

...Николай Васильевич осторожно достал тоненькую брошюрку.

Она почти невесома. Волокнистая, толщиной с папиросную бумага. Мелкий шрифт. На обложке четкий оттиск: «За волю, за счастливое будущее украинского народа! Манифест Центрального комитета Коммунистической партии Западной Украины. Издательство ЦК Компартии Западной Украины. Львов, декабрь 1936 г.».

Переворачиваю обложку: «Уже 18 лет Западная Украина находится под невыносимым игом польской империалистической оккупации. Магнаты и капиталисты сосут последние соки из разоренного, голодного, лишенного всех прав рабочего и крестьянина.

Пора рабочему люду взять в собственные руки руль своей судьбы, руль борьбы за улучшение тяжкой доли, как это сделали наши восточные братья в союзе с русскими рабочими и крестьянами».

— Этот манифест мы привезли во Львов в мешках с картошкой,— вспоминает Николай Васильевич.— За нами уже следили и поджидали у въезда в город. Но мы полицию перехитрили: сделали вид, что сломалось колесо, и перегрузили мешки на чужую подводу...

Николай Васильевич бережно взял с полки ничем не примечательную книжечку и сказал:

— За распространение этой книги полагалась высшая мера наказания.

Это был единственный сохранившийся экземпляр Конституции СССР, напечатанный в подпольной типографии на окраине хутора Товмач. Я не знаю судьбы этой книги, не знаю, в чьих она была руках, но то, что ее читали, и читали очень внимательно, знаю точно. Незнакомый мне человек ногтем подчеркнул на первой странице самые главные строки — с них начинается книга, за распространение которой полагалась высшая мера наказания: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян».

Тридцать пять лет прошло с тех пор. Много повидал и пережил за это время народ Западной Украины. Но самое главное — он влился в единую семью народов Советского Союза. За то, чтобы сбылась эта мечта, люди здесь боролись, а порой и отдавали жизнь. Прекрасным гимном этим людям звучат строки шевченковского «Заповіта», который так любил простой украинский крестьянин, коммунист Иван Костык.

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Добрым, тихим словом.

— На этом месте была стодола, а в ней бункер с типографией,— рассказывает Н. В. Костык ребятам своего родного села.

Фото М. Савина.

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

6

Сначала Рид подумал, что Ратман мертв. Оголив его спину, он осторожно смыл кровь с раны. К его радости, холодная вода привела Ратмана в чувство. После того как рана была продезинфицирована и забинтована, Ратман нашел в себе силы подняться и сесть на полу, а потом с помощью Рида перебрался в кресло. Он попросил виски и выпил одним глотком. Опухшее лицо журналиста покрывали царапины и кровоподтеки. Как только он немного пришел в себя, Рид попросил рассказать, что произошло.

— На лестнице на меня напали двое,— начал Ратман.— Это было так неожиданно, что я не мог оказать сопротивления. Они зверски избили меня, а когда я упал, пытались прикончить ударом ножа в спину.

— По-моему, вам следует обратиться в полицию, как только немного поправитесь,— посоветовал Рид.— Вы сможете сообщить какие-нибудь приметы бандитов?

Ратман с изумлением взглянул на Рида.

— Вы меня поражаете. Я бы расхохотался, если бы мог. Честное слово, Рид, вы просто не от мира сего! Почему, по-вашему, на меня напали? Хотели ограбить? Да они даже не притронулись к моим карманам. Месть? Но никого из этих двоих я раньше и в глаза не видел. Нет, дружок, это было предупреждение.

— Предупреждение?

— Да. Кулаками, ногами и ножом. И понимать его следует так: «Перестань интересоваться Каппелманом, иначе...»

Рид покачал головой.

— Я все же не понимаю, почему...

Ратман попросил сигарету, закурил и продолжал:

— В таком случае мне придется посвятить вас в некоторые подробности. Сегодня я снова послал несколько запросов по телеграфу. Ничего конкретного я пока не узнал, но поиски продолжаю. Это кому-то очень не нравится, и бандиты получают приказ избить меня. Избить, но не убить. Понимаете? Теперь я не сомневаюсь, что история с машиной тоже преследовала определенную цель. Это была лишь угроза и предупреждение. Водитель не хотел убивать меня — только напугать. И вот теперь новое, еще более ясное предупреждение.

— И что вы намерены предпринять?

Прежде чем ответить, Ратман долго рассматривал дымящийся кончик сигареты.

— Я не люблю повторять прописные истины,— заговорил он,— но мне кажется, что каждый порядочный журналист обязан узнавать правду и сообщать ее людям.

— И тем не менее я считаю, что не следует рисковать жизнью. Поймите, если с вами что-нибудь произойдет, вина ляжет и на меня, а я вовсе этого не хочу.

— Тем более этого не хочу я,— кивнул Ратман.— Вот почему теперь мне придется быть настороже.— Он встал с кресла и, морщась и постанывая, доплелся до письменного стола и выдвинул один из ящиков. Рид по звукам догадался, что он заряжает пистолет.— Вот так-то... Следующий, кто попытается тронуть меня хоть пальцем, поплатится головой.

— Вы пойдете на убийство?!

— А вы что предлагаете, Рид?— насмешливо ответил Ратман.— Чтобы я напомнил бандиту, который нападет на меня, что и он когда-то был очаровательным младенцем на ручках у своей мамочки? Или что убийство запрещено богом и законом? Или что я буду счастлив переселиться в мир иной?.. Вы же взрослый человек, Рид. Я еще пока никого не убил, но имею же я право на самозащиту!

Он спрятал пистолет во внутренний карман пиджака и, проследив за взглядом Рида, спросил:

— Слишком заметно, да? Ничего. Так и нужно. Даже бандиты не жаждут получить пулю в лоб, а местные «артисты» предпочитают орудовать ножами. Так что у меня известное преимущество: пуля летит дальше и быстрее настигает цель, чем нож.

Рид вздохнул и подошел к Ратману.

— Я знаю, вы рассердитесь, но с меня довольно. Я постараюсь приобрести билет на самолет и уеду в Англию. Если мне помешают улететь, журналисты, и вы первый из них, предадут этот случай огласке. Я не могу больше прятаться, точно до смерти перепуганная собака.

— Перед тем как вы рискнете выйти отсюда, разрешите сказать кое-что.

— Говорите, но, что бы вы ни сказали, вам не повлиять на мое решение.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Корт?

— Корт? Никогда.

— Так вот. Этот англичанин, приехавший два дня назад, обладает здесь большим влиянием и принял необходимые меры, чтобы отрезать вам все ходы и выходы. И у вас столько же шансов выехать из Лимы, сколько у меня украсть Эйфелеву башню.

Рид взглянул на Ратмана и понял, что тот говорит вполне серьезно.

— Откуда вам известно?

— У меня есть свои источники. Мне известно еще кое-что. У них есть ваши точные приметы, и вас схватят, как только вы осмелитесь высунуть нос. Никакой возможности выехать — ни морем, ни воздухом, ни по суше — у вас нет. Все пути закрыты, за исключением одного: обратно в «Санта-Розу». Я узнал это от одного приятеля в полиции, но он проявил крайнюю сдержанность, поскольку ему дали понять, что вы крупный шпион. Под моим нажимом он назвал лишь имя Корта, а потом словно воды в рот набрал.

— Ладно. Предположим, мне действительно не удастся выехать. Но я же могу обратиться в посольство.

— Вас, вероятно, примут,— пожал плечами Ратман,— если вы сможете доказать, что вы Рид.

— Я и докажу.

— Но если вы доберетесь до посольства, в чем я совершенно не уверен, историю Каппелмана можно будет считать законченной.

Рид вспыхнул.

— Я, конечно, не хотел бы помешать появлению вашей сенсационной статьи, но...

Ратман жестом остановил его.

— Вы и в самом деле считаете, что все сводится к одной лишь сенсации? Ошибаетесь, тут кроется нечто большее. Давайте порассуждаем. Кто-то добивается, чтобы вас не стало. Почему? Да потому, что вам слишком много известно. О чем? О Каппелмане? Дело не в самом Каппелмане, а в том, чем он занимался и кого представлял. Вот они-то, те, кого он представлял, и подозревают, что вы узнали слишком много... Ну хорошо. Предположим, вы сумеете дойти до посольства. Предположим, вам после наведения соответствующих справок выдадут новый паспорт и вы отправитесь в аэропорт. Неужели вы думаете, что вам удастся сесть в самолет?

Рид растерянно развел руками.

— Наконец-то до вас начинает доходить! Но я хочу закончить свою мысль. Как только вы покинете посольство, я не дам за вашу жизнь и ломаной монеты... О нет, нет! Вас не убьют просто так — готов биться об заклад. Вы окажетесь, например, с л у ч а й н о й жертвой уличного происшествия, или с л у ч а й н о примете слишком большую дозу снотворного, или с л у ч а й н о свалитесь с моста... В общем, выбирайте любое. Гадать, каким образом вас прикончат, вы можете с таким же успехом, как и я.

— Пожалуй, вы меня убедили,— с мрачным видом кивнул Рид.— Придется сидеть тут до конца.

— Разумное решение. Но не падайте духом, дружище! Где-то же должны быть интересующие меня материалы. Как только я доберусь до них, вам нечего будет бояться. А теперь устраивайтесь поудобнее на ночь — как ни плохо себя чувствую, мне надо на некоторое время исчезнуть. Повидаюсь с Хосе, он знает все, что творится в этом распрекрасном городе... Да, чуть не забыл. Помните фамилии в бумагах Каппелмана? Я попросил друзей навести справки о каждом из этих людей. Кое-что мне уже сообщили, но все в общем-то несущественное, больше о любовных связях — все мы небезгрешны! Я-то надеялся получить факты о крупном мошенничестве, о продаже дутых акций и все такое! Пока ничего похожего. Но я терпелив. Придется проверить еще несколько десятков человек. Какой-нибудь незначительный факт о любом из них может оказаться ключом к разгадке тайны Каппелмана. Каппелман... Каппелман... Кто же он? Должен же он кем-то быть... Ну, до встречи, Рид! Ковылять кое-как я еще могу. Вернусь часам к двум ночи. Не вздумайте в мое отсутствие приглашать каких-нибудь дамочек!

Он вышел, прежде чем Рид успел рассердиться.

Хосе был доволен. После разговора с Кортом прошли целые сутки, и все это время он

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—8.

размышлял, но теперь наступило время действовать. Карман у него набит солями, а сейчас придет Ратман, и солей станет еще больше. Остается Рид. Хосе улыбнулся. Корту нужен Рид, а Рид сейчас у Ратмана. Хосе подумал, что оба они — и Корт и Ратман — останутся довольны.

— Эй, Гидо! — крикнул он, и в маленькой комнатке, где сидел Хосе, появился владелец ювелирного магазина.

— Садись, Гидо.

Ювелир сел.

— Хорошо я плачу тебе? — спросил Хосе.

Ювелир кивнул. Он не забывал, какие выгодные сделки удавалось ему осуществлять благодаря Хосе; он знал, сколько клиентов из числа изнывающих от скуки туристов присылал ему Хосе вечерами для дальнейшего препровождения в различные увеселительные места; он хорошо понимал, что стоит захотеть Хосе, и его благополучие развалится, как карточный домик. Именно поэтому он так поспешно кивнул, отвечая на вопрос.

— А ты знаешь, Гидо, о чем я думал? — усмехнулся Хосе.

— Нет.

— Я думал о том, что плохо играет тот картежник, который передерживает на руках козырного туза.

Ювелир беспокойно пошевелился. Неужели Хосе пронюхал, что он тайком от него подрабатывает до сотни солей в неделю, предоставляя двум своим приятелям обирать богатых гринго, возвращающихся ночью после любовных утех? Такого обмана Хосе не простил бы.

— Да, ты прав.

— Очнись, Гидо! Ты соглашаешься со мной, хотя ещё не знаешь, о чем я думаю.

— Да, да!

— Не будем ссориться. Я знаю, что ты не всегда такой рассеянный. Ну, слушай.

Ювелир с трудом заставил себя вернуться к разговору.

— Я и так слушаю. Ты сказал, что нельзя передерживать козырного туза...

— Правильно, а я думал, ты уснул. Одному очень богатому гринго нужен сеньор Рид. Или, может, сеньор Каппелман — фамилия значения не имеет. Рид или Каппелман находится у нашего друга Ратмана, это я доставил его туда. Может получиться так, что сеньор Корт при встрече убедит сеньора Ратмана отдать ему сеньора Рида.

Ювелир сразу понял, о чем идет речь.

— Да, но это же не в наших интересах! — воскликнул он.

— И к тому же почти невероятно. Однако не исключено, что сеньор Корт узнает, где находится сейчас сеньор Рид, и попытается его похитить, а это расстроит нашего друга сеньора Ратмана. Наш друг находится в опасности, пока у него скрывается сеньор Рид. Сеньор Корт очень плохой человек. Говорят, сегодня кто-то напал на сеньора Ратмана и ранил его. Кто знает, что произойдет завтра! Сеньора Ратмана могут убить...

Ювелир молчал, ошалело вытаращив глаза на Хосе.

— Ну, а Ратман мой друг... Нет, наш друг, не так ли?

— Так.

— Поэтому я должен позаботиться о сеньоре Риде. Тем самым мы позаботимся о нашем друге. Сегодня же вечером сеньор Рид должен исчезнуть.

— Сегодня же?!

— Да. Через двадцать минут я встречаюсь с Ратманом. Мы проговорим около часа. По возвращении домой он должен обнаружить, что Рид исчез.

— Понимаю.

— Вот и хорошо. А когда я вернусь, у меня, надеюсь, будет возможность повидать сеньора Рида в пещерах, а?

— Он будет там.

— Обращайся с сеньором Ридом по-джентльменски. Никаких грубостей, никакого вреда.

— Я буду обращаться с ним, как с любимой женщиной.

— Повторяю, по-джентльменски. Понял?

Ювелир кивнул.

— У тебя не будет никаких оснований для недовольства. Я закажу «бьюик», и когда сеньор Ратман вернется домой, все будет кончено.

— Не смей ничего брать из квартиры сеньора Ратмана.

— Ничего?

— Даже самой мелкой монетки — только сеньора Рида. Ну, я ухожу. Пока.

— Пока, Хосе.

Рид только что приготовил себе кофе (он терпеть его не мог, но Ратман, очевидно, никогда не пил чай), как кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — вздрогнул он.

— Друг, сеньор.

— Друг?

— Да. Друг Хосе и сеньора Ратмана.

— Вот и приходите завтра утром к сеньору Ратману.

— Но у меня поручение для вас от сеньора Ратмана.

— Подтолкните под дверь.

— Оно устное.

— Передайте на словах.

— Оно секретное, сеньор, никто посторонний не должен его слышать.

«Очередной трюк!» — подумал Рид, а вслух сказал:

— Тогда приходите позже, пусть вернется сам Ратман.

— Сеньор! — Голос неизвестного за дверью звучал умоляюще. — Хосе побьет меня, если я не передам поручение!

— Это уж не моя забота.

— И потом, завтра будет слишком поздно.

— А это не ваша забота.

Молчание... Рид подождал несколько минут и, решив, что неизвестный ушел, вернулся к столу. «Аромат кофе всегда лучше его вкуса», — подумал он и вдруг обнаружил, что вообще не чувствует аромата, а слышит запах чего-то совсем другого. Он снова и снова втянул воздух носом. Определенно что-то горело! Рид бросился в кухню, но ничего не обнаружил, а когда вернулся в комнату, ее уже наполняли клубы дыма.

За дверью послышались крики и вопли других жильцов. Рид подбежал к двери и распахнул ее. Коридор был наполнен дымом. В соседнюю квартиру бросилась женщина с ведром воды.

— Пожар, сеньор! Помогите! — крикнула она.

Потом послышался другой голос:

— Вызывайте пожарную команду!

Из густого дыма вынырнул низкорослый, сморщенный человек, тоже тащивший ведро воды.

— Передайте, пожалуйста, сеньорите, — попросил он.

Рид схватил ведро и вбежал в квартиру, где только что скрылась женщина. В комнате горели кушетка и два мягких кресла. Он выплеснул воду на одно из них.

— Бедная, бедная Марсия! — поспешно возвращаясь к двери с пустым ведром, крикнула женщина. — В кои-то веки собралась в кино, и на тебе...

Рид выскочил вслед за ней, набрал воды и уже снова возвращался в квартиру Марсии, когда почувствовал удар в висок и потерял сознание.

— Он наглотался дыма, я вытащу его на свежий воздух, — обратился сморщенный человек к женщине, но та не обратила на него внимания.

— Бедная Марсия! Бедная Марсия! — еще громче запричитала она и снова побежала за водой.

Рид пришел в себя и сразу понял, что его куда-то везут. При мысли об этом ему опять стало плохо, и он закрыл глаза, не в силах разобраться в происходящем.

Машина остановилась, и Рид почувствовал, что его несут и что вокруг стоит отвратительный, удушливый запах. Это тянулось целую вечность. Потом воздух стал чище, и его довольно бесцеремонно опустили на охапку соломы. Кто-то силой разжал ему зубы и влил в рот обжигающую жидкость. Рид вскрикнул и словно провалился в глубокую черную яму...

Очнулся он с ощущением, что ему стало лучше. Еще побаливала голова, но он уже мог собраться с мыслями и вспомнить последние события. Он представил себе картину пожара, и в ушах у него вновь зазвучал жалостливый крик женщины: «Бедная, бедная Марсия!..» Что случилось с ним дальше, Рид не помнил.

Он ощупал карманы, с радостью обнаружил, что спички при нем, и зажег одну из них. Рядом с ним стояла свечка, и он поднес к ней горящую спичку. Теперь он мог осмотреться.

В первую минуту Риду показалось, будто его заживо похоронили в огромном склепе, но он тут же сообразил, что находится в пещере. Он с трудом встал, высоко поднял горящую свечу и попытался обследовать пещеру. Кое-где ее каменные своды нависали так низко, что ему приходилось нагибаться. Вскоре он увидел два расположенных рядом тоннеля. В них царила кромешная тьма, и Рид понял, что безнадежно заблудится, если рискнет продолжать свое подземное путешествие. Единственным относительно безопасным местом для него была сейчас охапка соломы; он вернулся к ней, сел и только теперь обнаружил рядом бутылку вина. «А если оно отравленное?» — подумал он. Однако его давно мучила жажда, и он, пренебрегая опасностью, сделал несколько глотков. В кармане у него оказалась пачка сигарет. «Вино, табак и свет...— с иронией подумал он.— Правда, у старины Омара Хайяма были еще хлеб и женщины, но придется довольствоваться тем, что есть...»

Рид уже докуривал сигарету, когда послышались шаги и в пещеру вошел человек с фонарем.

— Хосе!

— Да, сеньор. Надеюсь, вам здесь удобно?

— Послушай, Хосе, что это еще за чертовщина?

— Пожар, сеньор. Вы вели себя геройски. Просто замечательно! Но сеньор задохнулся бы в дыму, если бы его не спас один мой приятель. Дом сгорел, и вас пришлось доставить сюда. Здесь вам ничего не грозит и не так уж, по-моему, плохо.

— Но где я?

— В пещерах, сеньор.

— В каких пещерах?

— Тысяча извинений, сеньор...

— Рид.

— Сеньор Рид. Все так перепуталось: Каппелман — Рид, Рид — Каппелман... Так вы, значит, сеньор Рид?

— Да, черт возьми!

— Конечно, конечно, сеньор! Без этих пещер нам пришлось бы трудно. Бедняки Лимы нуждаются в них, когда... ну, в общем, когда нуждаются.

— Но не могу же я жить в какой-то пещере, Хосе! Мой друг Ратман...

— Он будет извещен, сеньор, и придет вас навестить. Сеньор Ратман никогда не забывает своих друзей.

— Портфель!

— Что, что?

— Портфель тоже сгорел?

Хосе в сердцах сплюнул. Как он мог забыть? Ратман потерял Рида, но портфель-то оставался у него! Но ничего, этим можно заняться позже. И все же странно... Хосе еще там, в «Санта-Розе», ознакомился с содержимым портфеля и знал, что денег в нем нет. Значит, дело не в деньгах, а в документах?..

Хосе усмехнулся, довольный своей догадливостью, и взглянул на Рида.

— Не беспокойтесь, сеньор, я займусь портфелем. Может, пожарным удалось его спасти, у нас хорошие пожарные. Ну, а сейчас я схожу за обедом для вас и...

— К черту твой обед! Я хочу выбраться отсюда!

Хосе укоризненно покачал головой.

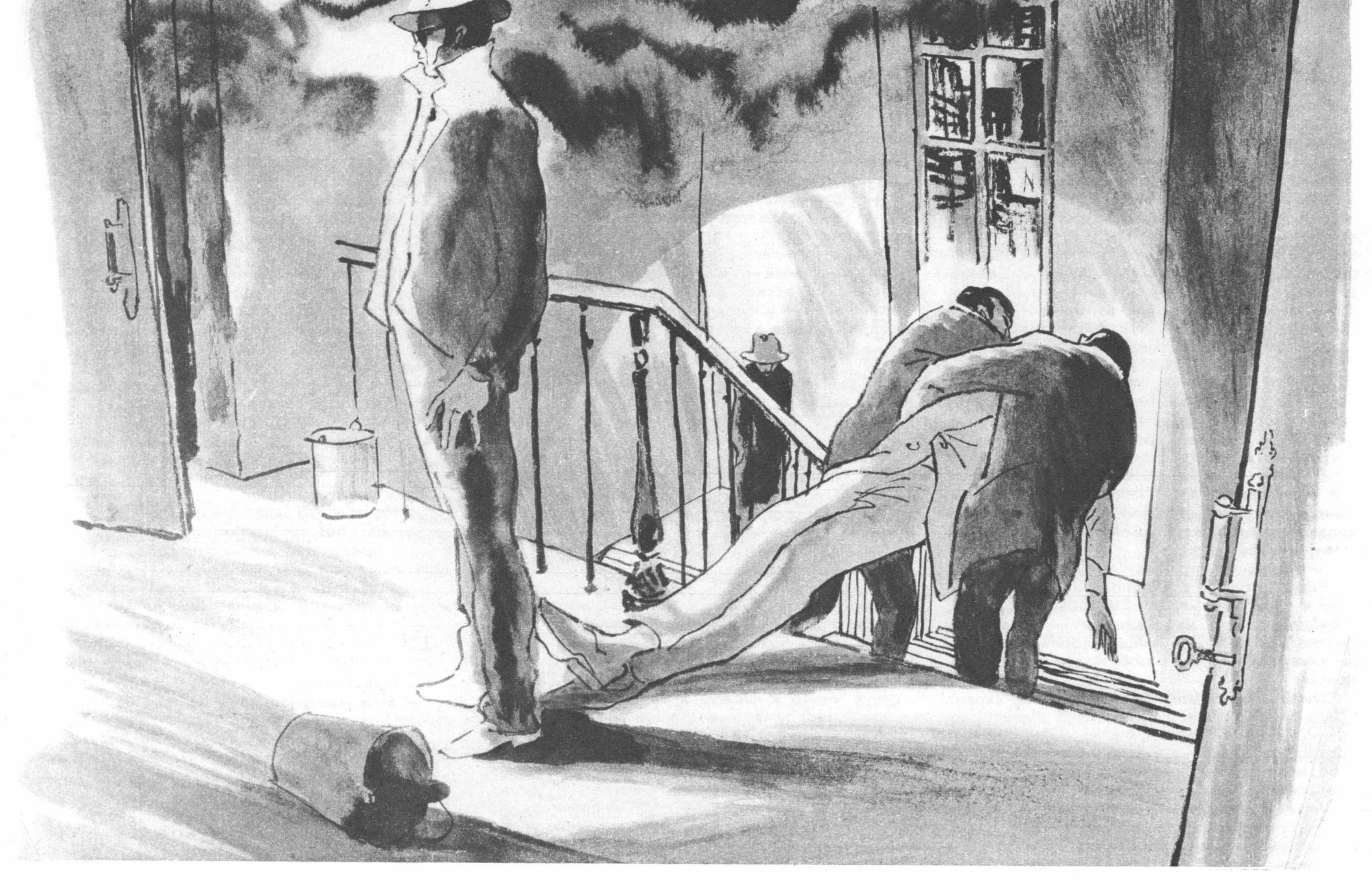
— Вы хотите, чтоб мой друг сеньор Ратман сказал мне: «Это так ты позаботился о сеньоре Риде? Спас его от огня, чтобы не уберечь от полиции или даже от этого страшного человека по имени Корт? И это, Хосе, ты называешь дружбой?» Вы хотите, сеньор, чтобы я изменил своему другу и дал ему повод осыпать меня упреками? Нет, на это я не пойду... Отдыхайте, ешьте, спите, а потом сеньор Ратман примет необходимые меры.

Рид посмотрел на Хосе. При слабом свете фонаря лицо креола казалось мрачным, глаза блестели, как угли, намокший окурок сигареты во рту то вспыхивал, то гас. Рид вдруг почувствовал, что боится Хосе, и решил не спорить, надеясь выиграть время.

— Ладно, Хосе.

— Так-то лучше. Сейчас девушка принесет вам еду. Мне нужно идти, я должен сообщить новости вашему и моему другу.

— Минуточку.

— Да?

— Ты увидишь сеньора Ратмана сегодня же вечером?

— Сейчас не вечер, а день, это здесь так темно.

— Хорошо, день так день. Как же ты с ним свяжешься?

— Зайду к нему на квартиру,— ответил Хосе и спохватился, но слово не воробей...

Он ждал, что Рид вспылит, однако тот спокойно заметил:

— Теперь мне понятно, что все это подстроено: меня просто-напросто украли. Зачем?

— Ради вашей же безопасности,— быстро нашелся Хосе.— Вас могли... Одним словом, Корт пронюхал, что вы проживаете в квартире сеньора Ратмана.

— Как?

— Человек задает много вопросов о Каппелмане. Кто может задавать их, как не тот, кого очень интересует Каппелман? Но почему Каппелман интересует его? Ведь он же никого больше не интересует. Для всех Каппелман находится на излечении в «Санта-Розе». Получается, что тот, кто задает так много вопросов, уже многое знает... или многое подозревает. Уж кому-кому, а сеньору Корту известно, что вас нет в «Санта-Розе» и...

— Ты-то откуда все это знаешь?

— Я? Я все знаю... Но слушайте дальше. Сеньор Корт посылает за вами своих людей, но мои люди опережают их. Сеньор Корт остается с носом, и это, как мне кажется, сильно его озадачивает.

«Видимо, тут сплелись ложь и правда, но как, черт побери, разобраться в этом?»— подумал Рид.

— Ну ладно, ладно,— махнул он рукой,— я буду ждать... Пошли поскорее еду — я хочу есть.

— Вам придется подождать минут пять.— Хосе уже повернулся, чтобы уйти, но остановился и серьезным тоном сказал:— Не пытайтесь найти выход из пещеры. Заблудитесь и погибнете еще до того, как мы вас найдем.

Рид промолчал. Свет фонаря стал медленно удаляться, пока не исчез за поворотом.

7

Поднимаясь по лестнице, Ратман время от времени втягивал воздух носом. «Чертовщина какая-то!— подумал он.— Пожар у нас тут был, что ли?» На лестничной площадке, где находилась его квартира, запах дыма чувствовался особенно остро. Дверь в соседнюю квартиру стояла раскрытой, и, заслышав шаги, из нее выглянула хозяйка.

— Какой ужас, сеньор Ратман!— всплеснула она руками.— Я ушла в кино, а когда вернулась, от моей прекрасной мебели почти ничего не осталось. И вот что странно: первым загорелся диван.

— Возможно, вы уронили тлеющую сигарету?

— Я вообще не курю.

— Да, но некоторые из ваших друзей курят,— улыбнулся он.

— Правильно, сеньор,— чуточку смущенным и одновременно игривым тоном подтвердила соседка и, уже закрывая дверь, добавила:— А вам нельзя отказать в наблюдательности, сеньор!

«Туше!»— усмехнулся про себя Ратман. Он полез в карман за ключом и только тут заметил, что дверь приоткрыта. С забившимся сердцем он распахнул ее и вбежал в квартиру. На первый взгляд все в ней было в порядке. Ратман быстро обошел комнаты и, не обнаружив Рида, выскочил на площадку и постучал к соседке. Она тут же появилась на пороге.

— Да, сеньор Ратман?

— Мой друг...

— Какой друг?

— У меня временно остановился мой приятель Фотирингей.

Женщина удивленно пожала плечами.

— Не знаю я никакого Фот... ну, вашего друга...

— Но кто-нибудь пострадал во время пожара?

— Нет, сеньор, только моя замечательная мебель.

Ратман поблагодарил женщину и уже повернулся, чтобы уйти, но она остановила его:

— Минуточку, сеньор.

— Да?

— Какой-то человек задохнулся в дыму и потерял сознание. Это видела моя приятельница, она первой заметила пожар. По ее словам, он упал в обморок от удушья. Какие-то люди вынесли его на улицу, на свежий воздух.

— Она их знает? Это были наши жильцы?

— Кажется, нет, сеньор. По ее словам, это были какие-то посторонние, они увидели дым и прибежали помогать.

— Все ясно. Спасибо, сеньорита.

Соседка мило улыбнулась.

— Как только из квартиры выветрится этот ужасный запах и я сменю обстановку, вы, может, зайдете выпить рюмочку? Надо же отпраздновать такое везение — все могло кончиться хуже.

— С удовольствием. Но извините, я должен бежать.

— Пожалуйста, пожалуйста, сеньор Ратман! Надеюсь, вы быстро найдете своего друга, Фофф... Фепп... Он, наверно, уже пришел в себя.

Она одарила Ратмана самой кокетливой из всех улыбок, которые имела в своем арсенале. Этот человек всегда держался отчужденно, а тут вдруг оказался таким любезным... Она даже запела от удовольствия, закрывая дверь. Ратман вернулся к себе.

Теперь он не сомневался, что банда, орудовавшая в «Санта-Розе», добралась до Рида, и ругал себя, что не принял более надежных мер. И только тут он заметил лежавший на самом виду, на кушетке, портфель. Он торопливо открыл его и убедился, что ничего не исчезло.

— Вот уж действительно странно!— невольно вырвалось у Ратмана.— Бандиты из «Санта-Розы» непременно унесли бы портфель. Но если не они похитили Рида, кто же тогда?

Ратман закрыл портфель, закурил и принялся размышлять над сведениями, которые ему удалось получить в этот день. Он разузнал, что жена Каппелмана встретилась с ним и вышла за него замуж лет десять назад. Каппелман, как она объяснила, представлял крупную экспортно-импортную фирму. Она не могла сообщить никаких подробностей о его работе, за исключением того, что он много разъезжает. Она не знает, когда именно Каппелман приехал в Южную Америку. Средств к жизни он всегда давал ей достаточно, а бывая дома (что случалось, правда, весьма редко), относился к ней с должным вниманием. Ее, разумеется, удручает постигшее мужа несчастье, но ведь в «Санта-Розе», насколько ей известно, за ним хорошо ухаживают. Она хотела навестить его, но дирекция больницы заверила, что в

этом нет необходимости. До выхода замуж за Каппелмана (в Мексике) она была женой аргентинца, погибшего в автомобильной катастрофе. От первого брака у нее осталась дочь Розелла. Она работала стюардессой и погибла в той же авиационной катастрофе. Отчима дочь терпеть не могла и всячески избегала с ним встречаться.

Вот и все, что могла сообщить миссис Каппелман приятелю и коллеге Ратмана в Каракасе.

В результате проверки в Мексике удалось выяснить, что Каппелманы действительно венчались там, но документы, представленные для регистрации брака, ничего нового не дали, хотя одну ниточку друг Ратмана все же добыл: снимок Каппелмана, сделанный фотографом, приятелем чиновника, регистрировавшего брак. Каппелман отказался от снимка, но он сохранился. Его пересняли крупным планом, и теперь снимок находился на пути к Ратману. Как ни удивительно, у миссис Каппелман никаких, даже любительских снимков мужа не оказалось. «Он терпеть не может фотографов»,— пояснила она.

Все остальные справки ничего не дали, однако Ратман убедился в одном: Каппелман прибыл в Южную Америку не обычным путем. Официально его не знали ни чиновники, ни другие должностные лица — вот что особенно удивляло Ратмана и побуждало продолжать поиски.

Ратман снова взглянул на портфель, словно в нем таился ключ к разгадке. К сожалению, это был лишь портфель, самый обыкновенный портфель...

Возможно, Каппелман был секретным агентом какой-нибудь разведки? Ратман даже улыбнулся: Южная Америка кишмя кишела ими, причем все они, во всяком случае, наиболее важные, были хорошо известны властям. К тому же Каппелман не делал особого секрета из своих поездок, и Ратману удалось составить довольно подробный список мест, где немец побывал за последние шесть месяцев. Рио, Каракас, Буэнос-Айрес, Лима, Арекипа, Монтевидео. Столицы и крупные города Южной Америки...

Ратман вздохнул и нахлобучил шляпу. Не поможет ли Хосе найти Рида? Он взял портфель, собираясь положить его в ящик стола, но услышал легкий скрип двери и резко повернулся. На пороге стоял высокий, худой человек.

— Мистер Ратман?

— Да, но почему вы не...

— Извините, мистер Ратман, я не решился постучать, кругом слишком много любопытных, проявляющих повышенный интерес к вашим посетителям. Можно войти?

Ратмана так и подмывало сказать непрошеному гостю «нет», но внезапно он передумал.

— Входите.

— Благодарю. Мое имя Корт.

— Англичанин?

— Да. Земляк вашего друга мистера Рида.

Ратман положил портфель в ящик стола, закрыл на замок и сел на кушетку.

— Присаживайтесь, мистер Корт, и объясните, чем обязан вашему посещению.— Корт собирался что-то сказать, но Ратман добавил:— Только без предисловий, пожалуйста! Обмен любезностями оставим до более подходящего случая. Кто-то украл Рида, и это, возможно, ваших рук дело.

Корт опустился в указанное Ратманом кресло.

— Вы ошибаетесь. Правда, мне известно, что его могли... убедить покинуть вас.

— Это кто же?

— Не имею права говорить, однако, насколько мне известно, ваш друг в полной безопасности. Кстати, мне... как бы это лучше выразиться... «предложили» мистера Рида за довольно высокую цену — четыре тысячи солей. Да, представьте себе, мистер Ратман, ваш друг является довольно ценным «движимым имуществом». Впрочем, не настолько, как считает мой информатор. Понимаете, мистер Ратман, сам по себе Рид четырех тысяч солей не стоит. Но...— он взглянул в сторону письменного стола,— но мистер Рид принес с собой из джунглей портфель...

— Говорите прямо. Вас интересует портфель?

— Совершенно верно.

— И...

— И я заплачу за него четыре тысячи солей при условии, что он содержит все то, что должен содержать.

Ратман решил затянуть игру.

— Но это же только портфель!

— Тем более четыре тысячи солей — прекрасная цена.

— Даже чересчур, мистер Корт.

— Для меня — нет. Вы понимаете, мистер Ратман, у мистера Каппелмана был при себе единственный у нас список лиц, с которыми мы поддерживаем деловой контакт.

— В области экспортно-импортных операций?

— Вы хорошо информированы,— улыбнулся Корт.— Да, в области экспортно-импортных операций. Нам нужны эти фамилии, а список находится в портфеле.

Ратман почесал кончик носа.

— Я журналист, а не бизнесмен...— заговорил он, но Корт жестом остановил его.

— Не беспокойтесь, мистер Ратман. Мы согласны заплатить шесть тысяч.

— Мне нужна новая машина, старая сломалась неделю назад...

— Десять тысяч.

Ратман вытащил из кармана ключи от ящика стола.

— Десять тысяч... Куча денег!..— пробормотал он и, подойдя к столу, открыл его.

Корт ждал. Замок снова щелкнул, Ратман сунул что-то в карман и повернулся к Корту.

— Я передумал,— сказал он.

Корт взглянул на оттопырившуюся полу его пиджака.

— Ну, знаете, Ратман, я удивлен. Вы ведете себя, как американский гангстер... Я ухожу, если вы мне позволите. Не исключено, что мы еще увидимся. Я остановился в отеле «Фон-Гумбольдт». Мое предложение остается в силе, но долго ждать я не намерен. До свидания, мистер Ратман.

— Auf Wiedersehen.

Корт повернулся к Ратману.

— Я англичанин, мистер Ратман.

Как только дверь за Кортом закрылась, Ратман с облегчением вздохнул, вынул из кармана и бросил пистолет на стол. «Мне еще предстоит приучить себя к мысли, что когда-нибудь придется воспользоваться этой штукой»,— подумал он.

Поднимаясь на гору к своей хижине, Хосе уже не улыбался. Войдя в лачугу, он с такой силой хлопнул дверью, что задрожали стены. Из потайного места Хосе достал бутылку вина, схватив ее за горлышко, словно курицу, которую предстояло приготовить на обед, и бросился на тюфяк.

— Подумать только!—пробормотал он, сделав несколько больших глотков.— Меня, Хосе, провели, как самого настоящего дурака! Будь прокляты все святые! Какие-то несчастные четыре тысячи солей, и эта английская свинья еще смеется надо мной! Если я не доставлю ему портфель, он, видите ли, ничего мне больше не заплатит!.. Зачем ему портфель?— Он снова отхлебнул из бутылки.— Альберто и Гидо — вот кто болваны! Почему они не захватили этот паршивый портфель?..

Хосе умолк и долго лежал, уставившись в потолок. По мере того как он размышлял, суровое выражение его лица постепенно смягчалось, он все больше успокаивался и наконец стал прежним Хосе. Ведь Рид-то в его руках, а портфель, наверно, у Ратмана. Разве он не согласится выменять своего друга на портфель?

Хосе встал и направился к ближайшему входу в пещеры.

— Как там гринго? Ничего?

Услышав чей-то утвердительный ответ, довольный Хосе спустился в город и через час разыскал Ратмана в одном из кафе. Журналист встретил креола холодно; после недавних событий он, видимо, решил, что не во всем и не всегда ему можно доверять.

— Я кое-что слышал, сеньор,— начал Хосе после обмена приветствиями.

— Что же именно?— с деланным безразличием поинтересовался Ратман.

Хосе постарался напустить на себя важный вид.

— Что у вас украли друга, которого я в свое время вызволил из «Санта-Розы».

— Верно. А что еще?

На лице Хосе появилась гримаса разочарования. Ратману, несомненно, известно что-то такое, чего он, Хосе, пока не знает. Он попытался выиграть время.

— Я многое слышу, сеньор.

— Например?

— Очень многое.

— Так, так... Ты случайно не беседовал кое о чем с сеньором Кортом?

Хосе развел руками.

— Сеньор Корт? Кто это?

— Но тебе же известно о каждом, кто приезжает в Лиму.

— Да... возможно. Возможно, я припомню сеньора Корта. Но это неважно.

— А четыре тысячи солей?

— Что вы, сеньор? Я могу только мечтать о такой огромной сумме. Я же бедняк...

— Так я тебе и поверил.

Хосе наморщил лоб.

— Но жить-то мне нужно, сеньор! Это все понимают. Вот почему один человек явился ко мне с предложением. Этот подлец знает, где находится ваш друг, и...

— Еще бы ему не знать!— усмехнулся Ратман, неприязненно взглянув на Хосе.

— ...и он сказал мне: «Ты друг сеньора Ратмана, а ему хочется снова увидеть своего друга — живого и невредимого».

— Продолжай.

— Этот мерзавец даже не требует никакого выкупа за вашего друга.

Ратман изумленно уставился на Хосе.

— Что за дьявольщина! Что же тогда нужно твоему «другу»?

Хосе заерзал на стуле, и официант, решив, что его зовут, подошел к столику. Ратман заказал кофе на двоих и, когда официант ушел, спросил:

— Ну так что?

— Сеньор, у вас есть портфель, который захватил с собой ваш друг, когда я привез его к вам. В нем нет ничего ценного.

— Да?

— Уверяю вас, сеньор, совершенно ничего! И все же, представьте себе, мерзавец, похитивший вашего приятеля, готов обменять его на портфель.

Ратман задумался. Он уже не сомневался, что Рид в руках Хосе и что Хосе ведет переговоры и с той и с другой стороной, преследуя лишь собственную выгоду. Значит, еще не все потеряно, еще можно изменить в свою пользу ход событий. Ратман решил попытаться.

— Видишь ли, портфель принадлежит не мне, и Рид очень расстроится, если обнаружит, что его нет.

— Но портфель принадлежит не сеньору Риду, а сеньору Каппелману. Кроме того, если сеньор Рид умрет...

— Ну хорошо, передай своим друзьям, что если они доставят мне сеньора Рида, я отдам им портфель.

— Нет, сеньор, так не пойдет. Сначала отдайте портфель.

— Ну уж нет! Хочешь оставить меня в дураках?

— Разве мы не друзья?

— Хосе, до сих пор ты не подводил меня только потому, что это было тебе невыгодно.

— Как угодно. Вы обижаете меня.

— Жаль, но ничего не поделаешь... Доставь мне сеньора Рида, и портфель твой. Даю тебе слово.

Хосе грызли сомнения, но он все больше склонялся к мысли, что Ратман говорит искренне. Да и вообще, зачем ему Рид? При определенных обстоятельствах он даже может стать серьезной помехой. С другой стороны, нельзя упускать возможности раздобыть портфель.

— Ладно, сеньор. Сегодня в двенадцать ночи.

Хосе допил кофе, поклонился и ушел.

— И сегодня в двенадцать я докажу тебе, дружище, как это рискованно — служить и вашим и нашим,— пробормотал Ратман.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

МАЛЕНЬКИЕ СИЛАЧИ

Многие из нас были свидетелями того, как маленький кузнечик совершает огромные прыжки или как работяга-муравей тащит в передних лапках сучок или лист, которые в несколько раз больше и тяжелее его самого. Однако не все знают, что такой же незаурядной силой обладают жуки и моллюски. Мы публикуем несколько снимков американского энтомолога Р. Хатчинса, сделанных в естественных условиях и во время опытов. Фотографии взяты из английского журнала «Иллюстрэйтед Лондон Ньюс».

Богомол справился с весом в 16 раз тяжелее самого «штангиста» (фото 1).

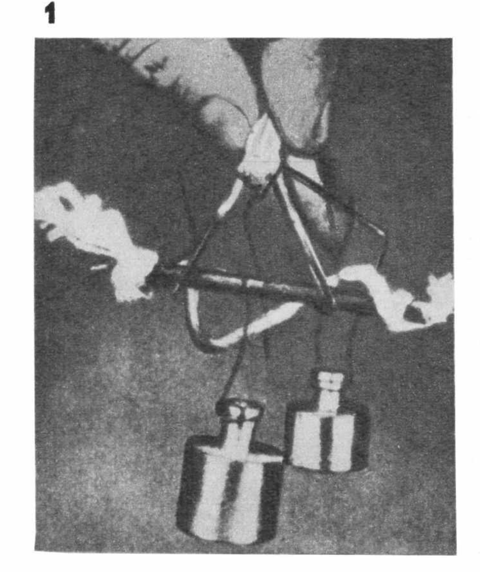
Муравей-жнец волочит камень, в 52 раза превышающий его собственный вес и в 10 раз — рост (фото 2).

Уховертка буксирует игрушечный вагончик в 530 раз тяжелее самого насекомого (фото 3).

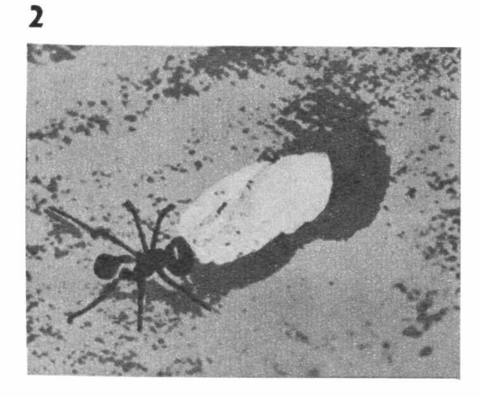
Этот металлический стержень, который держит стрекоза, в 10 раз превышает ее вес (фото 4).

Во время схватки один жук-олень поднял другого над собой (фото 5).

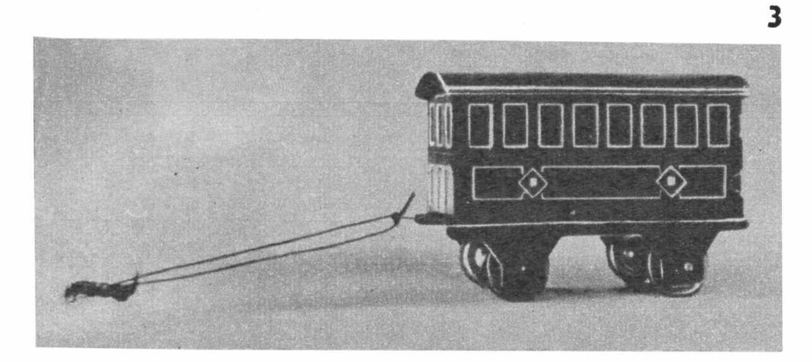
1

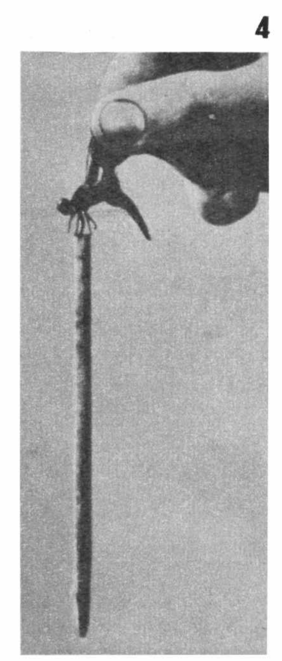
2

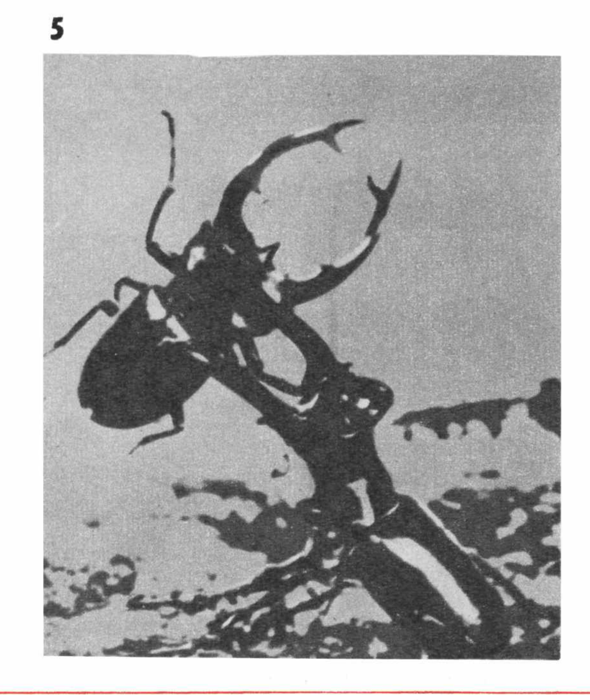
3

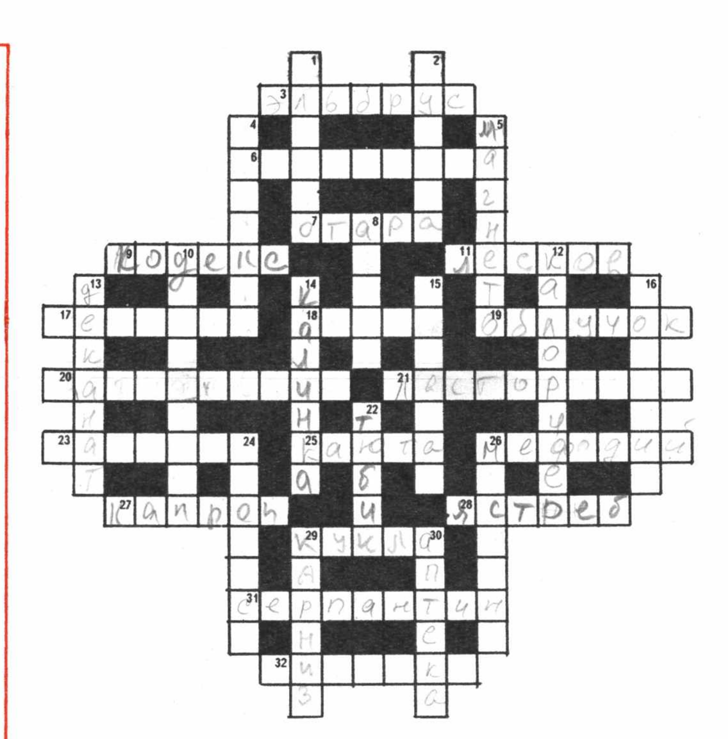

4

5

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Вершина Кавказа. 6. Созвездие северного полушария неба. 7. Стадо овец. 9. Указ, закон. 11. Русский писатель. 17. Оркестровый музыкальный инструмент. 18. Ящерица. 19. Место для возницы в санях. 20. Советский поэт. 21. Курорт в Крыму. 23. Река в Австралии. 25. Помещение на судне. 26. Славянский просветитель. 27. Синтетическое волокно. 28. Хищная птица. 29. Роман Б. Пруса. 31. Лента из цветной бумаги. 32. Пьеса А. Н. Островского.

По вертикали: 1. Город в Чехословакии. 2. Промысловая морская рыба. 4. Оперетта И. Кальмана. 5. Генератор для зажигания рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 8. Красная строка. 10. Советский живописец, график. 12. Прибор для нагревания воздуха в системе воздушного отопления. 13. Руководство факультета в вузе. 14. Русская народная песня. 15. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 16. Химический элемент. 22. Упаковка для пасты и клея. 24. Порт в Польше. 26. Вечнозеленое плодовое дерево. 29. Горизонтальный выступ на стене. 30. Медицинское учреждение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 1. Астра. 6. Бажов. 7. Баден. 8. «Камаринская». 11. Лукошко. 13. Кашемир. 17. Пальма. 18. Марфа. 19. Тютчев. 20. Долото. 22. Нерпа. 23. Геракл. 24. Реферат. 26. Студент. 27. Котельников. 28. «Порог». 29. Аргон. 30. Анион.

По вертикали: 2. «Сиверко». 3. Рыбинск. 4. Парабола. 5. Терапевт. 9. Бульдозер. 10. Викторина. 12. Команда. 14. Амарант. 15. Манок. 16. Пешка. 21. Одеколон. 23. Гидрофон. 25. Телегин. 26. Сентаво.

На первой странице обложки: Как и все школьники, десятиклассница Надя Креминец изучала историю Советского Союза по учебникам. Но с историей своего района Надя и ее одноклассники знакомились, встречаясь с коммунистами-подпольщиками, еще в 30-е годы создавшими подпольную типографию (см. в номере очерк «В семье вольной, новой...»)

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

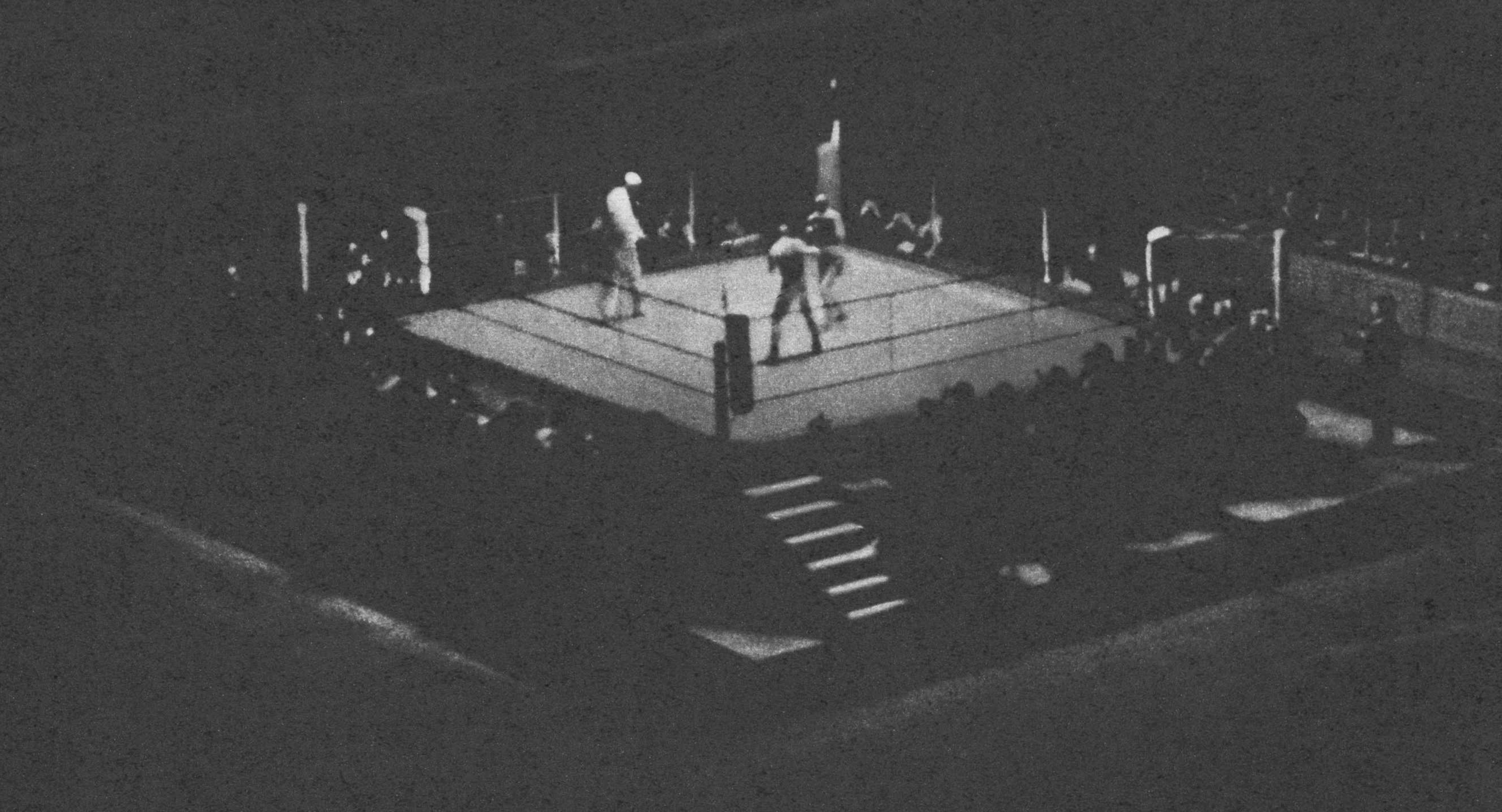
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/II-72 г. А 00631. Подп. к печ. 22/II-72 г. Формат бумаги 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 444. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2505.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НА БЕЛОМ КВАДРАТЕ

Фото А. БОЧИНИНА.

Анатолий Семенов отдыхает.

Квадрат ринга словно приподнят прожекторами над полутьмой переполненного зала. Лужники, Дворец спорта. Идет товарищеский матч сборных команд Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Такой уж этот год — спортивные заботы подчинены главным образом олимпийским интересам.

Нашим боксерам встречаться с боксерами американскими всегда интересно. Давно идет соперничество. Напомним, что на последней Олимпиаде, в Мексике, три советских мастера ринга стали чемпионами, американских — два, пятеро американских боксеров оказались олимпийскими призерами, советских — три.

Традиционные товарищеские встречи столь же традиционно приносили успех нашей команде — в Москве, Минске, Лас-Вегасе, Луисвилле, Денвере. Как же обстоят дела сейчас, накануне новых олимпийских поединков, на этот раз в Мюнхене?

К нам приехала из-за океана очень молодая команда. Младшему из боксеров шестнадцать лет, старшему — двадцать два года. Соответственно невелик у многих боевой опыт. Вместе с тем четверо в составе американской команды — чемпионы своей страны, следовательно, надо полагать, сильнейшие в своей весовой категории.

Убедительная командная победа советских боксеров была справедлива. Можно ли судить по этой встрече о подлинном соотношении сил? Едва ли... Наверняка есть резервы у нас и у американцев. Но олимпийская прикидка позволяет судить о многом.

В наше время напором на ринге не возьмешь. Бокс стал умнее. Представляется, что иные боксеры из американской команды пренебрегли этой истиной. Выразителен был в этом смысле короткий бой между боксерами второго наилегчайшего веса Борисом Зориктуевым и чемпионом США Робертом Хантером. Намерение американского боксера, избалованного, видимо, успехами у себя дома, было очевидным: задавить, смять, быстро и эффектно закончить бой... Не тут-то было! Бой действительно продолжался меньше двух минут, но за это время Хантер успел дважды побывать в нокдауне. Борис Зориктуев, нимало не смутясь напором, спокойно уходил от ударов и точно, резко контратаковал. Хорошая победа!

Правда, не все наши мастера боксировали так: умно, своеобразно, точно. Пишущему эти строки привелось как-то разговаривать с опытнейшим тренером польских боксеров Феликсом Штаммом. «У вас отличные ребята на ринге,— говорил «папаша» Штамм,— но почему они часто так похожи в бою? Я имею в виду манеру ведения боя... Легковесы боксируют, как тяжеловесы. Средняя дистанция, удар на удар...»

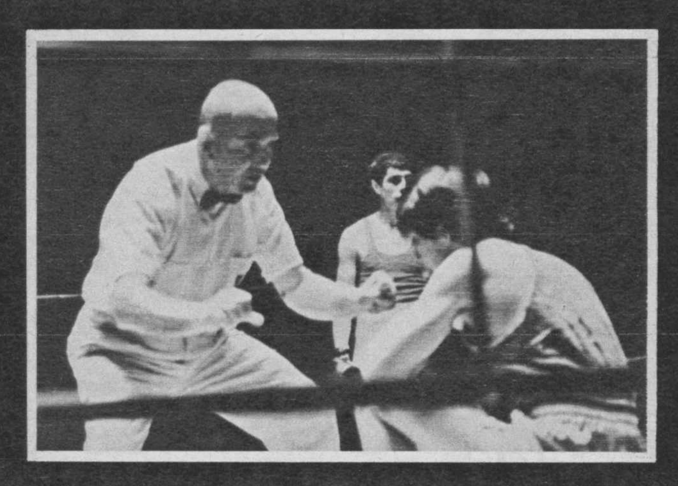
Вспомнились эти слова в Лужниках. Опять скуповато пользуются наши боксеры богатством технических средств, опять бедновата тактика. Отсюда — похожесть. И потом — что случилось с защитой? Отчего так много ударов пропускают боксеры? Не оттого ли проиграл бой семнадцатилетнему Марвину Джонсону наш средневес Руфат Рискиев, не оттого ли был на грани поражения в поединке с двадцатилетним Дуаном Боббиком тяжеловес Владимир Чернышев?

Олимпийские прикидки на то и существуют, чтобы вовремя делать выводы. Победные же очки будут подсчитываться не сейчас, когда идет подготовка, а на большом олимпийском ринге.

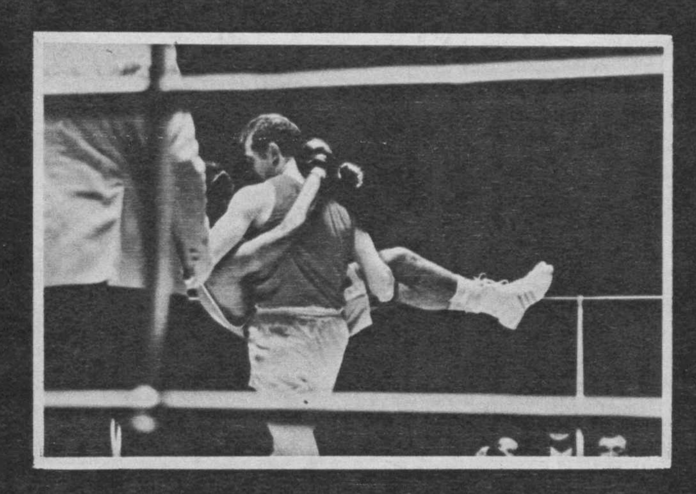
М. АЛЕКСАНДРОВ

Джим Баским слушает советы своего тренера.

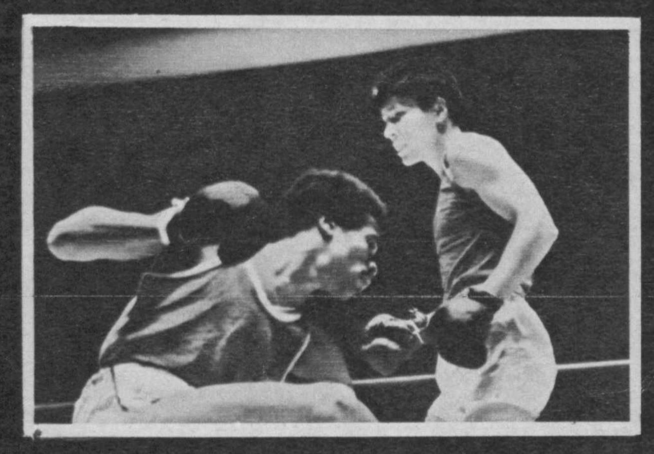
Роберт Васкок в нокдауне.

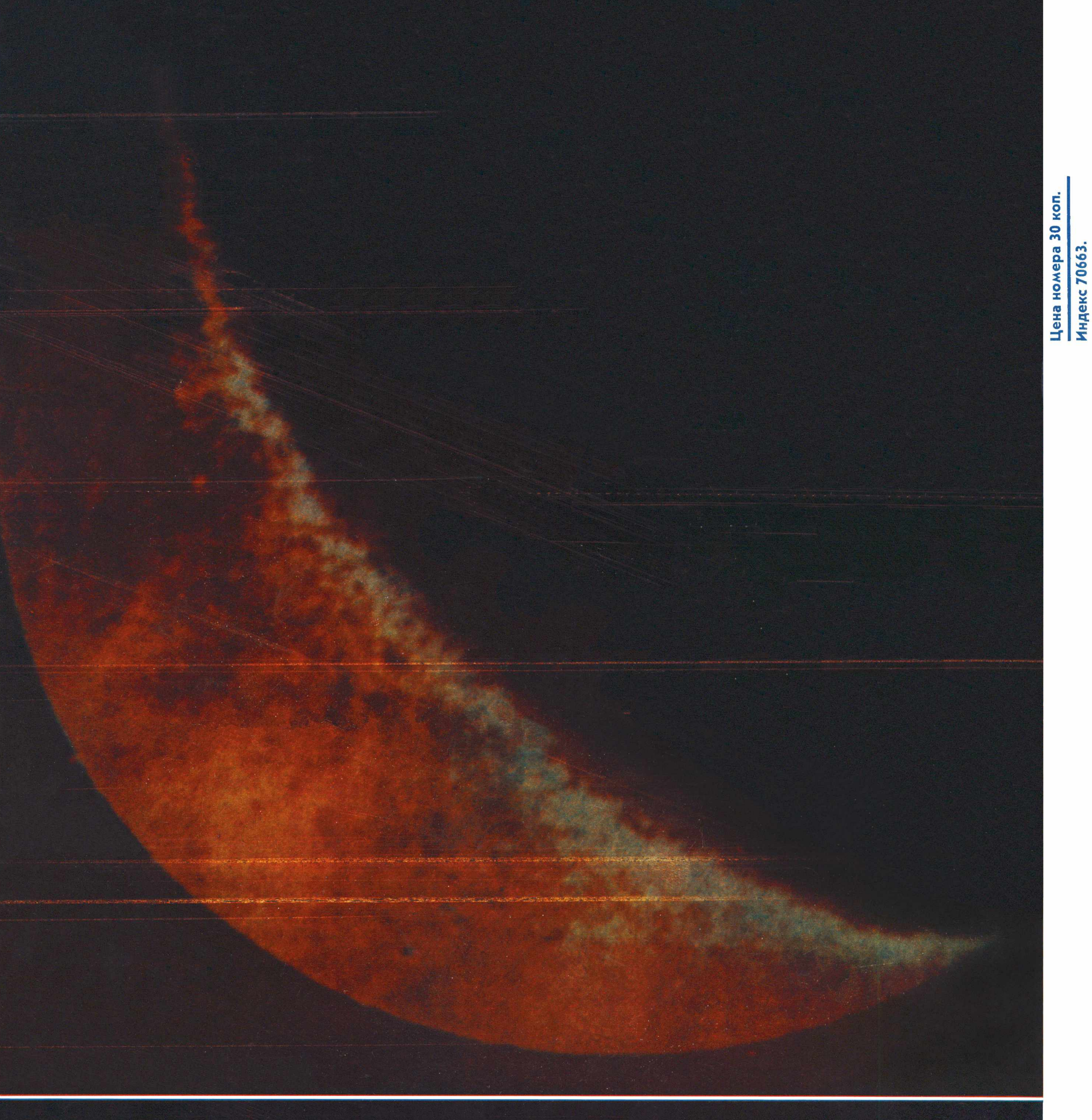
Олег Толков после боя помогает Л. Карлайлу.

Бой остановлен. На ринге Роберт Хантер и Борис Зориктуев.

Льюис Слоутер после атаки Николая Анфимова.

ПРЕОДОЛЕВ РАССТОЯНИЕ СВЫШЕ 100 МИЛЛИОНОВ КИЛОМЕТРОВ, РАДИОСИГНАЛЫ ДОНЕСЛИ С СОВЕТСКИХ АВТОМАТИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ «МАРС-2» И «МАРС-3» ИЗОБРАЖЕНИЕ ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЫ. ИСПОЛЬЗУЯ СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА И ОБРАБОТКИ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ, СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ ПОЛУЧИЛИ ЦВЕТНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЛАНЕТЫ МАРС.

АПН

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.